

3215
X-63

И. Каизин

ЭТО И ЕСТЬ
СЧАСТЬЕ

№
К 63

И. Кандил

ЭТО И ЕСТЬ СЧАСТЬЕ

Издательство ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

1959

ПОЧЕМУ ВОЗНИКЛА ЭТА КНИЖКА

Я строитель, мне не под силу создать художественное произведение. Мне просто хочется рассказать читателям, нашим советским людям, особенно молодежи, почему я и мои многочисленные товарищи, с которыми вот уже четвертый десяток лет я езжу по стране от стройки к стройке, чувствуем себя счастливейшими на свете людьми. Да, это записки о нашем счастье, о счастье строителя.

Разумеется, все дело в том, как понимать счастье.

Быть в холодных котлованах с первыми строителями великой Магнитки — это, по-моему, счастье. А жить без тревог и волнений в тихом довольстве — это, по-моему, жалкое прозябанье.

Уж мы-то, строители, кое-что смыслим в удобствах жизни. Мы знаем цену хорошей квартире. Но счастье-то как раз в том, чтобы прийти в степь, на пустынное поле, обосноваться в походном лагере, пить чаи у костра, а потом увидеть, как твоими руками и руками твоих друзей создан из радость тысячам и десяткам тысяч советских людей новый прекрасный город, город больших удобств и щедрого уюта для всех его жителей.

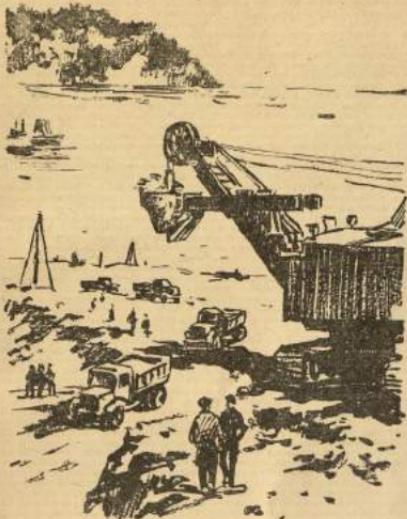
11/3

Меня жизнь не баловала. И мерз, и недоедал, и тяжко переживал ошибки, и терпел поражения в дешевых спорах, и мучился собственным невежеством, и рисковал, и долгими бессонными ночами, сидя за книгой, превозмогал смертельную усталость. Но я мерз, добывая тепло, недоедал, создавая изобилие, тяжело переживал ошибки, учась работе точной и безошибочной, терпел поражения, чтобы завтра победить, мучился невежеством, жадно поглощая новые знания, рисковал, привыкая действовать наверняка, превозмогал усталость, набираясь сил.

И теперь я говорю это оно и есть, мое счастье, мое полегкое, но зато настоящее счастье коммуниста.

О нем и будет речь.

С чего же начать? Начнем с конца.

ЧЕМ ГОРД ЧЕЛОВЕК

НА ПОЛНУЮ МОЩЬ!

Летом москвичи осаждают билетные кассы речного пароходства.

Кто не мечтает совершить путешествие вниз по Волге? Кого не тянет проплыть голубым большаком России, меж зеленого ее раздолья, меж величавых берегов могучей реки! Родина открывается здесь во всей своей силе и красе.

Так и кажется, будто сейчас у Кинешмы или Семигорья взойдет на кручу сам Илья Муромец и окинет богатырским взглядом родной простор. Может быть, именно здесь, в неслышном беге волны, в покое прибрежных лесов и в ясной дали лугов, скрыта тайна глубинных сил Отчизны. Может быть, именно здесь возникает с наибольшей полнотой поэтический образ России.

Но наши дни сделали этот эримый образ еще краше, навечно придали ему черты великой новизны советской эпохи. Никогда не была так широка и привольна Волга, как теперь. Мы пробудили дремавшую в ней силу, и она дала жизнь морям, привила бесменную вахту на огромном каскаде гидроэлектростанций...

Из канала имени Москвы пароход выходит в Московское море. Старинное село Иваньково и древний Углич светят в ночи огнями первых волжских гидростанций. Волга ведет вас дальше, и, как в сказке, невидимая рука раскрывает ворота Рыбинского моря, закрывает их за вами и мачтами гидроэлектростанций указывает путь к морю Горьковскому, где гостеприимный зеленый Городец уже распахивает шлюзы нового гидроузла. Вы плывете затем живописным руслом Волгишина, мимо будущей Чебоксарской гидроэлектростанции, а у Казани, под стенами кремля, вас подхватывает белогривая волна нового Куйбышевского моря. Камское Устье... Северный приемыш Волги владает теперь в море. И старый камский капитан, причаливая к Ульяновской пристани, весело шутит:

— Мы иначе река морского подчинения.
— Перестройка! — с гордостью добавляет он.
— Ну, и мы тоже отныне морской порт! — отвечают ему ульяновщики.

В самом деле, глянешь с высоты знаменитого ульяновского Венца, и внизу простирается не река, а безбрежная даль морского залива.

Пароход плывет к Жигулям.
— Ого, море-то у вас с характером! — добродуш-

Раскинулось море широко...

но сетует московский пассажир: его обдала брызгами бортовая волна.

Жигули высятся в горделивом безмолвии. Им не страшны никакие разливы, им и море по колено...

Вот он, Куйбышевский гидроузел! Гора Могутовая и гора Отважная как бы расступились перед бетонными громадами, шагнувшими к Жигулям с левобережной набережной.

Открылись шлюзы, можно плыть дальше, к Саратову, где начата стройка гидростанции, к Сталинграду, где поднялся над Волгой самый грандиозный ее гидроузел, где уже дают энергию первые агрегаты Сталинградской ГЭС, к Астрахани, где тоже возникнет со временем крупная гидростанция.

Но остановимся здесь, у Ставрополя, на Куйбышевском гидроузле. Сойдем на землю, которая так дорога моему сердцу. Здесь протекли восемь лет моей жизни, жизни строителя.

Мне даже не верится, что все уже свершилось. Гигантский утесом высятся здание гидростанции — двадцать агрегатов по сто пятнадцать тысяч киловатт.

Чтобы дать наглядное представление о его размерах, наши инженеры вычертят контуры гидростанции и наложили на них очертания высотного здания Московского университета на Ленинских горах и Исаакиевского собора. Университет своим ширококрылым корпусом загородил лишь малую часть гигантской глаzuстой коробки ГЭС и только центральной башней со шпилем поднялся выше выводных мачт. А Исаакиевский собор скромно поместился в ногах у МГУ.

Под схемой обозначены объемы этих трех сооружений:

- 4,5 миллиона кубометров,
- 2,6 миллиона кубометров,
- 310 тысяч кубометров.

Пятнадцать Исаакиевских соборов! Глянешь вдоль семисотметрового фасада, и кажется, будто здание на другом конце гораздо ниже, — так уменьшает его перспектива.

Впереди ГЭС, навстречу волнам моря, выступает

каменная шеренга бычков сороудерживающих сооружений. К станции примыкает трехкилометровый вал земляной плотины. Дальше километр могучий бетонной водосливной плотины высотой с двадцатистажный дом. У левобережья триумфальными воротами на выходе из Куйбышевского моря стоят судоходные шлюзы. Дамба споясывает головной порт. По гребню сооружений в зеленой аллее шоссе бегут через Волгу потоки машин. В обе стороны, в горы и в степи, шагнули мачты линий электропередачи...

Электрический гигант работает в полную силу.

Волга дважды пришла в Москву: сначала руслом знаменитого канала, а теперь по проводам сверхдальней электрической магистрали. Миллиарды киловатт-часов ее энергии уже использованы на заводах столицы, на железных дорогах Центра, на предприятиях Поволжья.

Наши мощности идут в «общий котел» единой энергосистемы Европейской части страны и скоро воются в единую систему всего Советского Союза. Линии электропередач Куйбышевской и Сталинградской гидростанций соединятся с сетями Юга, Урала и Сибири, и энергия Волги прибежит невидимкой куданыбудь в Донбасс, в Прибалтику, на Алтай, будет пульсировать на заводах, шахтах, стройках, в городах, в колхозах, на железных дорогах, и поистине можно будет сказать, что великая русская река разлилась по всей советской земле и всем несет живительный ток.

На полную мощь гигант наш заработал в 1957 году, в год великого Октябрьского юбилея. В этот праздник, как никогда раньше, открылись миру сияющие дали будущего — то светлое коммунистическое «далеко», отныне уже близкое, которое на заре новой эпохи увидел Ленин в знаменитом плане электрификации.

...Пройдем по водосливной плотине. Высоко! Жаждет будто Волга бушует на дне пропасти, в глубоком ущелье. Но как ни беснуется она, плотина пропускает воды лишь столько, сколько надо.

Бетон заставил Волгу подняться на двадцать во-

семь метров и накопить пятьдесят восемь миллиардов кубометров воды. Нигде в мире нет еще такого искусственного водохранилища: шестьсот километров в длину и до сорока в ширину.

Вон там, где на подходе к шлюзу плывет пароходик, совсем недавно лежал город Ставрополь. Город разобрали, погрузили на машины и отвезли за восемь километров к сосновому бору, где и переживает он сейчас вторую свою молодость. Семнадцать приволжских городов и две тысячи восемьдесят сел таким же образом перенесли на новые места. Сорок четыре тысячи строений переехали!

А восемь лет назад...

КОЛЫБЕЛЬ ГИГАНТА

«Вам звонили из ЦК партии».

О чем бы ты в это время ни думал, чем бы ни был занят, в каком бы ни был настроении, эти слова заставляют подтингнуться. Ты, как солдат, внутренне мобилизующийся, и даже если возможные промахи предвещают разговор кругой и суровый, в своем сердечном отдается затаенная гордость: ты нужен ЦК, ты нужен партии!

Через десять минут я был на Старой площади. В Москву-то я приехал по делам Севастополя. Черноморский наш красавец — порт и город — в те дни был уже почти полностью восстановлен. О чём же меня спросят в ЦК? О новой троллейбусной линии? О парках? О стадионах?

Но нет! Меня спрашивают, готов ли я возглавить одно из новых крупных строительства — строительство Куйбышевской гидроэлектростанции?

Это ошеломляющая радость!

В Севастополе был широчайший фронт работ, там тоже дух захватывало от масштабов и темпов. Но Жигули не с чем сравнить. Таких строк мы еще не знали.

Прекрасное задание — строить великий гидроузел на Волге! Я охвачен профессиональной гордостью

инженера. «Но это ведь не все, — заговорила во мне и гордость гражданская. — Твоя страна, твой народ, твоя партия после неслыханных бедствий войны прошли главную полосу восстановительных трудностей, выполнили новую мирную пятилетку, накопили богатырские силы для дальнейшего победного шествия по пути к коммунизму. И в том же поразительном темпе, в каком шел в годы войны на запад железный поток наступающих армий, идет сейчас во все концы страны могучий железный поток строительной техники, мчаться столь же геронические армии созидания. И ты с одной из них — на Волгу!»

Вернувшись домой, я не мог сдержать волнения. С порога защемел, заговорил, затормошил своих машинистов. Ольга Яковлевна, моя жена, в который уже раз за тридцать лет нашего супружества произнесла свое привычное:

— Надо ехать...

А друзьям и знакомым объявлять уже не прилось. Я услышал свое имя по московскому радио: «Образовать Управление строительства Куйбышевской ГЭС — Куйбышевгидрострой...»

В эту ночь телефон у меня не смолкал. Объявлялись давние знакомые. Позвонил инженер Константин Иванов, с которым мы работали еще в Турции на строительство текстильного комбината: просит вызвать на Волгу. Из Одессы дозвонился Прохоренко, строитель западного мола Балтийской гавани в Таллине. Звонили с разных строек, с разных предприятий.

В первые же дни я получил шестьдесят восемь писем от механиков, экскаваторщиков, бульдозеристов, трактористов, от инженеров, от врачей... Но подождите, подождите, друзья мои! Я сам еще не приступил к работе.

Еду на прием к академику Сергею Яковлевичу Жуку, крупнейшему гидротехнику страны.

Навстречу мне поднялся высокий человек с очень живым лицом и пытливым взглядом, в котором были и строгость, и радушие, и сдавая заметная усталость. Он поздравил меня с назначением. «Очень

ответственным», — добавил Сергей Яковлевич и тут же прислал к себе главного инженера проекта Николая Александровича Малышева.

— К делу, — скомандовал Жук.

Многолетние геологоразведочные работы, гидрологические и гидрохимические исследования в районе Самарской луки позволили без колебаний принять вариант строительства основных сооружений на мягких грунтах, безошибочно определить наилучшее месторасположение гидроузла: от правобережного жигулевского села Овражное к левобережному селу Кунеевке, ниже города Ставрополя.

В течение всего дня в кабинет Жука приглашались специалисты по гидромеханизации, бетону, металлоконструкциям, транспорту, строительным материалам. Они знакомили меня с деталями проекта.

Жук говорил мало. Он только следил за моими вопросами и временами дополнял их своими. Поздним вечером, когда все устали и Сергей Яковлевич вспомнил, что пора бы побоедать, мы разошлись, чтобы на следующий день продолжить знакомство с проектом. На это ушло целых шесть дней.

Никонец настал день выезда. Со мной на Волгу летит сын Борис. С утра лил дождь, и старушка домработница тетя Устя на прощание сказала:

— В дождь уезжать и приезжать — примета хоршая.

Вот случай, когда нельзя не поверить в примету. Ведь удача будет при любой погоде.

Няня Устя — замечательная русская женщина. Я всегда с интересом слушаю ее рассказы о родной орловской деревне. Она до того любит эти места, что леса Орловщины кажутся ей лучшими на свете, грибы орловские — несравненными грибами, ягоды орловские — выше всяких похвал. Нам, людям непоседливым, не мешало бы поучиться у таких, как няня Устя, любить места, где мы живем и работаем. Строитель должен уверовать, что нет ничего лучше Севастополя, нет ничего лучше Куйбышева, нет ничего краше Подмосковья, Урала и т. д. Тот край, где ты сегодня трудишься, лучше всех!

...Вот и Куйбышев. Самолет делает круг, мы смотрим из окна: дождь. Будет, будет удача...

Через полчаса секретарь обкома в деталях, но уже по-своему знакомит меня с районом строительства, рассказывает о том, каков Ставрополь, этот доселе безвестный городок, которому суждено стать колыбелью великой стройки.

Мне не терпится выехать в Ставрополь. В обкоме удивились: разве управление строительства будет не в Куйбышеве? Ведь для него уже намечено пятиэтажное здание, подобраны первые несколько десятков сотрудников.

Нет, нет! Это недоразумение. Я объясняю товарищам, что невозможно руководить из Куйбышева, за сто с лишним километров, что я готов немедленно поговорить с новыми сотрудниками, что они завтра же с утра могут выехать новому месту работы — в Ставрополь, а мне пусть предоставят возможность добраться туда сегодня же.

К концу дня для меня разобраны двухместный самолетик, такой, чтоб мог сесть где угодно, и мы с Борисом полетели. Ни щоссе, ни железной дороги к Ставрополю нет. Только две голубые дороги — водой или воздухом. Пароходом проплы whole часов восемь-девять, так что милое дело — самолет.

Мы над Ставрополем. Этакое огромное село с двумя церквями, почти сплошь деревянное, за исключением нескольких белых зданий в центре, живописно раскинулось у соснового бора на левом берегу. У старенько дебаркадера несколько потрепанных грузовиков и вереница телег.

Летчик выбрал поляну и посадил самолет. Потихоньку пошли к городу. На мне была довольно необычная для этих мест военно-морская форма, и с первого же перегородки за нами двинулась ватага мальчишек, поднятых на ноги рокотом приземлившегося самолета. Сколько маленьких сердечек замирало при одном только взгляде на мой блестящий кортик! Эх, ребята! Погодите, мы вам построим тут такое, что глаз не оторвете...

Навстречу из-за пригорка выползла машина.

— Это не вы будете начальник будущего строительства Куйбышевской гидростанции?

Нас привезли к небольшому домику. Тут и партийная и советская власть района. Не знают, куда усадить. Не всякому сельскому району, тихой «глубинке» давно принимать на свою землю грандиозное строительное предприятие.

Любезные хозяева и слышать не хотят о деле. Обедать... Нет, ужинать... Отдыхать... Оба приглашают к себе на временное жительство, оба хвастиают домашними благами: у одного прекрасная баня, у другого отменные соления. Чтобы не обидеть ни того, ни другого, находим приступ в какой-то бывшей лавочке, где, без сомнения, торговали детским. Спать не хочется.

Вышли мы с сыном поглядеть на Волгу.

Тихая, теплая ночь. Река ласково плещется у отлогого берега, играет с песком, выбрасывает щепки и кору. Луна проложила серебряную дорожку попечек ее, и словно обозначились перебегающие с берега на берег живые, веселые огоньки будущей плотины. Мы всматриваемся в очертания Жигулевских гор, дремлющих во тьме. Ничто не нарушает здесь покоя.

Совсеменно, Ставрополь тем и примечателен.

Утром мы обнаружили еще одно свойство города, где нам предстояло обосноваться не на один год. Пыль! Нет ни одной мощеной улицы. При малейшем дуновении ветра поднимаются песчаные тучи.

Легко вообразить себе, что будет, когда пойдут колонны автомашин!

НАШЕ НОВОСЕЛЬЕ

В городе двадцать четыре тысячи жителей, в большинстве своем занятые рыбной ловлей. Местную промышленность здесь гордо представляет промысловая артель «Заря» с ее вязильным производством.

Приехало уже наших восемнадцать человек: главный инженер Шапошников со своим немногочислен-

ным техническим штабом и начальник политотдела Воронков с несколькими помощниками. Где бы тут на первых порах разместить управление и учебные заведения, которые мы решили основать с самого начала?

Два дня вместе с секретарем райкома А. Кражишиным ходим по городу, выбираем подходящие помещения. Выбор, надо сказать, довольно скучный. Соляной лабаз приспособили для управления, а еще одно помещение нашли для вечернего гидротехникума, которого, кстати говоря, еще не было даже на бумаге. Однако мы уже подумывали о филиале Куйбышевского индустриального института. Нет, не рано было заботиться об этом. Надо непременно сразу же заложить гнездо, чтобы вывести своих орлят гидростроительства. Иначе не осилим великую программу.

Семейный строитель, рабочий ли, инженер ли, хочет держать подросших детей при себе: ему не резон селиться там, где нет школ, техникума, института, а нам не резон отпускать со стройки молодежь: мы кровью заинтересованы в хорошем рабочем и инженерном потомстве.

Приезжие инженеры, зачинатели стройки, могли бы преподавать в техникуме и филиале института, растиать специалистов. Молодому рабочему до зарезу нужен вечерний техникум.

Вот такие примерно соображения высказал я в первом своем письме в Центральный Комитет партии. И, конечно же, немедленно был решен вопрос о подготовке кадров. В декабре 1950 года, через три месяца после создания Куйбышевгидростроя, был организован вечерний гидротехникум, а в феврале 1951 года — филиал института.

Это были, можно сказать, первые «объекты», вступившие в строй. Остальное появилось не так быстро. Правда, отведенное нам помещение для управления строительства с первого же дня стало заполняться многочисленными бумагами. Однако это были еще не те бумаги, какие нам нужны. Мы не имели ни одного чертежа будущих сооружений, даже подсобных. Более или менее ясно вырисовывался лишь план

строительства дорог. С них, собственно, и надо было начинать.

Строгое разграничения обязанностей у нас пока еще не было. «Коллегальность» процветала чудовищная. Бывало, все руководство скопом решало вопрос, куда проложить электропроводку и где установить штепсель для настольной лампы. Гурьбой шли расхлестывать присезжих служащих и рабочих. Таскали мебель...

Конечно, мы не были робинзонами, выброшенными стихией на необитаемый берег. Неправильно представлять дело так, будто несколько чудаков, рассевшихся на топчанах и чемоданах, бессонной ночью при свете мигающей лампочки колдовали над планами строительства и наедине с историей готовили великое десение. Нет, мы только въехали на передовую, а за нами жил, действовал, работал, думал, творил громадный тыл, где тысячи умов и десятки тысяч рук создавали смелые, неповторимые по своей новизне конструкции гидроооружений величайшей реки Европы. В проектных институтах, в лабораториях Москвы, Ленинграда, Харькова, Урала наливалась живой плотью, принимала зримые очертания идея волжской стройки.

Гидропроект. В мире немного найдется учреждений, подобных нашему Гидропроекту, единственному в своем роде советскому центру проектирования великих географических и экономических преобразований. Здесь были разработаны проекты Беломорского канала, канала имени Москвы, Волго-Дона, Цимлянского гидроузла и множества других гидроооружий.

Над Куйбышевской ГЭС Гидропроект начал работать еще в тридцатые годы. Когда мы прибыли в Ставрополь, там каждая пядь земли была уже исхожена изыскателями. Две тысячи проектировщиков в Гидропроекте и почти столько же в привлеченных подрядных проектных учреждениях поработали для нас; стройка вскоре получила тысячи листов всевозможных чертежей.

Гидроузел жил не только в умах и проектах. Ты-

сячи рук ковали его стальную плоть на заводах страны.

Ленинградские искусники в цехах «Электросилы» и Металлического созывали громады турбин. На прокладных станах Урала и Приднепровья, на автоматических линиях Москвы, Харькова, Киева рождалось могучее механическое оснащение будущего волжского гиганта. Еще раньше, чем мы пришли на площадку, государственный план привел в движение бесчисленных наших поставщиков.

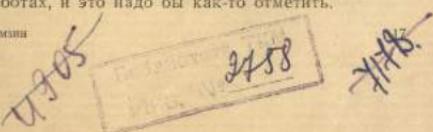
СЛЕТ ЭНТУЗИАСТОВ

За два месяца мы едва набрали полторы тысячи рабочих. Пришлоось объявлять наборы по радио, напечатали призывы в газетах ближайших областей.

Колхозники Ставропольского района отклинулись первыми. Район закончил хлебосдачу и осенние полевые работы, так что колхозники соседних деревень сумели послать четыре с лишним тысячи человек на строительство шоссе в сторону Куйбышева. МТС прислала тракторы. Раздобыли несколько автомашин. Начали штурмовать лесную чащобу. За один день расчистили просеку на семь с лишним километров. К концу другого дня дошли до Кунеевки, где решили строить первый рабочий поселок, нынешний Комсомольск.

Забегу немножко вперед и скажу, как возникло это название. В разгар строительства поселка приехал к нам тогдашний секретарь ЦК комсомола Александр Шелепин. Мы с ним ходили по Кунеевке, и я показывал, где что строится. Вот двенадцать двухэтажных домов, вот клуб на шестьсот мест, вот детский сад и детские ясли. Рассказывая о перспективах строительства, о тех широких возможностях, которые открываются здесь для тысяч и тысяч комсомольцев.

— Прекрасно, — говорит Шелепин, — комсомол примет, конечно, живейшее участие в этих грандиозных работах, и это надо бы как-то отметить.

— За нами дело не станет! Назовем поселок Комсомольск!

Не мешкая, издаю приказ: «Именовать отныне...» — и так далее.

Но, оказывается, моему административному восторгу география не повинуется. Через два дня звонит председатель облисполкома.

— Послушайте, дорогой товарищ, что это вы там делаете? Ни каком основании переименовали Кунеевку?

Я отшучиваюсь. Дескать, сами строим — сами и крестим.

Мне отвечают, что строители — народ инициативный,rukastый, однако брать на себя функции Президиума Верховного Совета республики все-таки не следует.

Вопрос о переименовании Кунеевки оформили затем как полагается, и с тех пор существует на карте страны наш замечательный Комсомольск. Там теперь до сорока тысяч жителей, четыре средние школы, хлебозавод, клуб, гидротехникум. Комсомольск имеет и водопровод, и центральное отопление, и газ, и все прочие блага городской жизни.

На ставропольскую почту обрушилась небывалая корреспонденция. Никогда не шло ее столько в эти места.

Страна буквально засыпала нас письмами добровольцев, готовых немедленно выехать на стройку.

Это для нас была самая важная, самая желанная почта: дорог каждый человек. Но если переписываться в одиночку с каждым добровольцем, не скоро наберешь рабочих для такой гигантской стройки. Написали мы письма в военные округа, обратились к демобилизованным воинам, и к нам стали приезжать целые группы солдат и офицеров — то боевое ядро строителей, которым мы так гордились. В двенадцать областей послали представителей стройки для организованного набора рабочих, и оттуда тоже стали съезжаться целые бригады.

— А как оно там будет с жильем? Бараки или что? — спрашивали в деревнях.

— Никаких бараков, — отвечали вербовщики. — Капитальные дома.

— Ого, может, еще с батарейной топкой? С теплым отхожим местом?

— Точно.

— Ишь, размахнулись! Может, на газу стряпать будем, чаек кипятить, или нет?

— И газ будет непременно.

Вопросы шуточные, а ответы всерьез. Но только блага предоставлялись не в готовом виде. Пока что на площадках лежал кирпич, громоздились горы леса, щебня, песка. И большинство приезжих сразу же уходило на стройку жилья, на прокладку водопровода, дорог, канализации.

Получалось так: чем больше съезжалось людей, тем меньше страдали мы от тесноты. Дома росли как грибы. За два года сдали больше ста пятидесяти тысяч квадратных метров жилплощади со всеми обещанными благами, кроме газа, который появился несколько позже.

У приезжих была и вторая забота. Лопатой, топором и пилой тут не обходишься. Поэтому даже тот, кто слыл бывалым строителем, шел в учебный комбинат добывать профессию большей глубины. Люди учились на электриков, бетонщиков, шоферов, арматурщиков, крановщиков. Учебные комбинаты возникли на обоих берегах. И к тому моменту, когда начались главные работы, стройка уже имела тысячи квалифицированных рабочих.

С самой Волгой мы еще не вступили в соприкосновение. Там пока действовала разведка. Оба берега геологи пробурили в разных местах: общая глубина скважин составила несколько сот километров. Вышки-треноги обступили весь район стройки, а потом на баржах шагнули в воду.

Этим, однако, разведчики не удовольствовались. Для гарантии построили две шахты: одну на левом, песчаном, берегу, другую — на правом, глинистом. Грунт прорезали на шестьдесят с лишним метров вглубь, чтобы произвести «натуры» исследование:

Первые изыскатели.

как поведут себя мягкие грунты под железной пятой сооружений, выдержат ли они давление...

Даже самым ярым гидротехникам, жаждущим сразу же ринуться в воду, мы на первых порах ничего предложить не могли, кроме сугубо сухопутных строительных дел. Мастера по плотинам строили жилые дома. Специалисты по подводному бетону воздвигли автоземляные заводы.

Люди слегкались на стройку отовсюду, и большей частью без всяких вызовов, без выяснения условий, без переговоров о подъемных, об окладах и должностях. Приезжали, просили работы, да потрудней и поинтересней, и ни слова о благах, о заработной плате, о жилье. Приезжали, как правило, из больших городов, где оставляли уютные квартиры, селились в хибарках, ходили в плохонькую ставропольскую баню, столовались в чайной, но считали, что им повезло, что им привалила настоящая удача.

В ноябре приехал Александр Иванович Рыков.

Ко мне вошел человек в телогрейке, в шапке-ушанке, представился, предложил свои услуги.

— Готов хоть сейчас.

— Какая у вас специальность?

— Прорабом был на дорожных работах. Пятнадцать лет стажа...

— Ну просто на ловца и зверь бежит! Строитель дорожник нужен до зарезу. Замечательно, Александр Иванович!

И Рыков взял на себя командование добровольческой колхозной армией строителей дороги Ставрополь—Кунеевка. И как работал! В дождь, в слякоть, в снежные бури, в мороз Рыков всегда бывал на трассе. Пешком ли, на бульдозере или тракторе, а уж он проберется в любой пункт. Удивительное у него умение поднимать людей на трудные дела. Пробка ли на дороге, снежные ли заносы, авария — Рыков всегда на месте происшествия. Глядишь, через час другая авария ликвидируется, дорога восстанавливается, пробка пробивается.

Однажды разразилась страшная снежная буря. Продолжалась она суток семь. Ветер валил телефонные столбы и электрические мачты. Рыков все эти дни разъезжал по трассе на бульдозере или на автогрейдере, пробивая машинам дорогу. В первый же день он отморозил руки, но домой не пошел.

Помню, на второй или третий день после появления у нас Рыкова я увидел в коридоре управления множество членов, узлов и возле них женшину с детищами. В полумраке я даже не сразу определил, сколько их тут. Маленькие, еще меньше, совсем крохотные... Оказалось, Александр Иванович привез все свое многочисленное семейство — девять душ!

Двое старших его сыновей потом работали с отцом на дорогах: один трактористом, другой бульдозеристом.

Таких, как Александр Иванович, приехало множество!

Помню, еще в Куйбышеве, на аэродроме, перед первым моим полетом в Ставрополь подбежали ко мне двое в плащах с капюшонами, мужчина и жен-

Геологи у Жигулей.

щина. Их нисколько не смущал проливной дождь: они были рады, что нашли нужного им человека.

— Видите ли, в чем дело, — обратился ко мне мужчина, назывшийся Баталовым, — я слышал по радио о стройке в Жигулях. Приехал с Юга, строил там санаторий. Очень хотел бы поработать на гидроузле. Из разговоров в аэропорту я понял, что вы и есть начальник будущего строительства. Так что видите, как удачно получилось! Что вы мне можете посоветовать?

Тут в разговор вступила маленькая, худенькая его спутница. Она представилась:

— Кашикова. Молодой специалист, — и улыбнулась. — Окончила Саратовский институт. Инженер-архитектор. Возьмите меня в самолет! Могу немедленно приступить к работе.

Пообещал прислать за ними самолет завтра утром. Оба приехали. Баталов сразу пошел на строительство жилого поселка, потом работал на шлюзах, на плотине. Из техника-практика он превратился в тео-

ретически подготовленного, дипломированного инженера, совмещая работу с занятиями в нашем институте.

Римма Кашикова, явившись ко мне на прием в Ставрополе, говорила уже не таким звонким голосом, как у самолета, а почти шепотом. Она простудилась. Однако, когда я предложил ей сесть в проектный отдел, Римма напрягала свои голосовые связки и выкрикинула:

— Не для того я стала инженером, чтобы пересаживаться от одного стола к другому!

Я грязным делом боялся посыпать ее на основные работы. Такая хрупкая, маленькая. Одно крепкое ругательство, кажется, свалит ее с ног. Что ей там делать, на перемычках, в котлованах?

Пришло назначить ее на «кособий» объект, очень важный для нас, но более или менее легкий. Мы послали ее строить стадион. Кое-кто из мужчин, пожалуй, обиделся бы. Стадион! Еще чего не хватало! Но Римме понравилось это предложение, и вообще ее как-то обрадовало и воодушевило, что на такой серьезной стройке одним из первых объектов считается стадион.

Она была и проектировщиком, и производителем работ, и мастером в единственном лице. А рабочих тогда у нас еще не было ни единого человека. Но энергичная комсомолка поставила на ноги весь Ставропольский район комсомола. Побывала и в средних школах. Выступала на собраниях с призывающими речами, расписывая будущий стадион, пусть не шикарный, без величественных трибун, но удобный, свой, близкий, доступный.

В первое же воскресенье на строительство вышло пятьсот комсомольцев Ставропольского района. Прошло еще три-четыре воскресенья, и вступил в строй один из первых объектов Куйбышевгидростроя — стадион «Энергия», с крашеным забором, скамейками, гаревыми дорожками и хорошим футбольным полем.

Очень скоро Кашикова охотно согласилась пойти в проектный отдел, где работает по сей день, убедившись, что дело это тоже живое и творческое.

ДРУЖБА СТРОГАЯ И ВЕРНАЯ

Первое партийное собрание созвать было нелегко. За каких-нибудь полтора месяца численность коммунистов перевалила за шестьсот, и еще до того, как партийная организация занялась сложными задачами строительства, возникла весьма ощущительная трудность: как вместить шестьсот членов партии в крохотный зал Ставропольского районного дома культуры?

Более обширной аудитории город не имел, если не считать кинотеатра «Буревестник».

Настежь раскрыли все двери. Людей полно в коридорах, в фойе. Доклад коммунисты поневоле выслушали стоя. Говорил я в основном о будущем, рисовал перспективы, пересказывал проектные материалы. Это тоже, конечно, важно, но в зале собирались энтузиасты, люди горячего дела, им подавай конкретные задачи на сегодня — за что брататься и как братиться. Это-то я и упустил. Упустил и другое — подготовку к зиме. И как можно было обойти этот вопрос на собрании, где все в пальто и теплых шапках?

Резко меняется погода в Поволжье. Так же резко изменилась и атмосфера, которую я ощущал с первых дней строительства: от поздравлений и приветствий к строгой и сердитой критике.

Один за другим ораторы указывали: с дорогами плохо — раз, склады и гаражи не оборудованы — два, мастерские не готовы — три, пекарни все еще нет — четыре...

И если меня еще немножечко шадили, то, например, инженера Александра Петровича Дрыгина, отвечавшего за строительство жилья, просто заклевали. Он и работал, надо сказать, бездумно: распылил строительные материалы, и до глубокой осени все дома были у него в «заделе».

Утром я ждал, что Дрыгин придет с заявлением об освобождении от должности. Нет, явился бодрый, энергичный, злой, готовый все отдать, чтобы завоевать добрую репутацию. И, кстати сказать, очень скоро

На стадионе «Энергия».

он добился заметных перемен, так что его даже похвалили потом. За зиму сдали много домов.

Досталось на том собрании и Георгию Федоровичу Малыгину, с первых дней опекавшему автомобильный транспорт. Машины по утрам не заводились, горючее транжирили безбожно, рессоры и оси ломались, как спички, резина не выдерживала и одного рейса.

Он всегда немножко заикается, Малыгин, а на собраниях и вовсе потерял дар речи. Малыгин говорил: «Знаем, сам-то ты работашь как зверь. Но одной преданности, брат, мало. Нужна хватка, нужна культура в работе, нужна мысль, которая опережала бы дело». И это уже означало, что товарища ценият, что в него, несмотря на всю ругань, верят и ждут от него боевых дел.

Собрание кончилось за полночь. Мы все чувствовали себя позорившимися, прошедшими через большое, серьезное испытание.

Я раскладывал на письменном столе, как пасьянс, бесчисленные бумажки с памятными заметками. Все эти мелко нарезанные листики взывали ко мне моими же словами, размашисто написанными цветным ка-

рандшом: «Жилье!», «Дороги!», «Пекарни!», «Фонды за металл!», «Щебеник!», «Радиофикация!»
За что взяться?

К нам потянулись бесчисленные караваны барж и пароходов с грузами. Успевай только принимать. И едва пошилещь, бывало, несколько бригад на правый берег, чтобы хоть немножко, для морального удовлетворения, начать копыряться в земле или рвать камень для подводного банкета перемычки, как приходится вызывать людей обратно — на разгрузку. Рабочие руки на вес золота. Хорошо еще, если пришла баржа с автомашинами: заправил их и повел. А если с экскаваторами в разобранным виде? Или с арматурной сталью, шпунтом, прокатом? А тут еще некоторые заводы из любви к стройке за несколько месяцев выполняли годовой план поставок. Каково было нам, почти безоружным?

На правом берегу, где шло строительство перемычки, организуем в походном сборном домике штаб, своего рода командный пункт, где мы с главным инженером в самое напряженное время даже ночуем. В нашей оперативной группе, выдвинутой вперед, неизменно дежурят ответственный инженер, диспетчер, исполнители по снабжению, по транспорту и телефонисты, связывающие нас с Москвой, с Куйбышевом и, конечно, с управлением строительства, где работает наш инженерный и канцелярский тыл.

Бьем тревогу: не выполняем плана земляных работ. Экскаваторы уже значатся действующими, а их еще собирают, потому что не хватает рабочих и не хватает кранов. У действующих же экскаваторов стоят очереди машин: шоферы делают по семь рейсов вместо пятнадцати.

Иду, созываю шоферов на разговор. Шумливый народ. Требуют уволить начальника участка земляных работ Фисканова, кричат, что это он тормозит дело. Экскаваторщики тоже в один голос: уволить! Потом переходят к конкретным делам: там-то исправить дорогу, там проложить новую, организовать двустороннее движение, сюда добавить экскаватор, сюда бульдозер...

Началась забивка металлического шпунта в перемычу.

За двое суток все это удастся сделать. Прихожу.
«Как дела, товарищи водители?» Кричат: «Порядок!» — «Как Фисканов?» Улыбаются: «Ничего, дельный мужик, на поправку пошел!»

В зоне затопления, куда устремляется весенние воды, уже сплавлены тысячи тонн различных грузов, доставленных баржами и пароходами. Мы называли эти завалы «бутербродами»: внизу сборные детали деревянных домов, сверху сухая штукатурка, рядом лебедки, а над ними цемент в мешках. Да, нужны решительные действия: до паводка осталось совсем немного.

Вызываю автомобилистов с обоих берегов. Устраиваем конференцию.

Рассказываю, как мы хозяйствовали, говорю о грубых промахах и, в частности, о безобразном хранении ценнейших грузов. Кто может ликвидировать это безобразие? Автомобилисты.

Стою на трибуне. Доволен своей речью. Складно, громко, возвышенно: «Мы должны гордиться тем, что находимся на великой стройке!» Но шоферы холодно встретили мои пышные фразы. Иду с трибуны к столу президиума. И друг от зала голоса:

— А кто же все-таки плохо смотрел за этим?
— Почему допустили такое безобразие?

Я сразу взмолк. Понял обратно к трибуне, но уже не такой бодрой походкой, как несколькими минутами раньше.

Хозяйственники меня поймут: очень тяжело стоять перед судом своих рабочих. Никакое единовременное тебе тут не прикроет. Как бы ни были велики твои права, они не выше нашей демократии.

И я говорю, что мы, руководители, и прежде всего начальники строительства — главные виновники создавшегося положения.

Зал сразу зашумел. Посыпались реалики, поправки к постановлению, и уже не такие, чтобы меня узвить, а чтобы помочь, выручить. На этом собрании я понял, что нет дружбы там, где нет честности, а авторитет руководителя питается только честной дружбой. Уходя с конференции, я верил, что «бутерброды»

будут разобраны: весенним водам не поживиться у нас.

...Наши южные соседи — строители Сталинградской гидростанции — вызывают нас на соревнование. Медлим с ответом, потому что целую неделю на участках, в партийных организациях, в постройкоме обсуждаются наши обязательства. А когда отправили ответ, я всерьез забеспокоился, как бы мы не оплошали перед сталинградцами. Они включили в свои обязательства себестоимость, а у нас еще очень плохо с этим делом. Получается так, что мы не воспитываем инженерно-технических работников в духе бережливости и экономии. Иным кажется, что economical надо по бедности, при нехватках, а у нас, мол, на великой стройке, где всеого вволю, где счет ведется на миллиарды рублей, — какая тут экономия! А на самом деле как-раз наоборот. На маломощной стройке многое не сэкономишь. Зато на таких, как наша, избалованных вниманием и лаской всей страны, на один процент снизить расход цемента — вот тебе эшелоны цемента, на один процент сократить денежные затраты — вот тебе миллионы. А сколько можем мы тратить таких процентов? Не счести! Нет, плохо счи-таем!

Большие перерасходы на стройке жилья. Надо прекратить это с самого начала. Надо объявить войну этим перерасходам.

Что вы скажете на сей счет, товарищ главный инженер, что вы скажете, начальник планового отдела? Но они молчат. Да и мне, признаться, нечего сказать, кроме того, что надо бороться, надо пресекать, надо объявить войну. Пока мы, руководители, произносим общие слова, комсомольцы Калинин, Дегтярев, Гинцов приняли деловое решение: выполнять работы на строительстве жилья в точном соответствии с нормами расхода материалов. Троє ребят подняли движение на всей стройке. Знай норму расхода цемента, леса, металла!

Наш мастер малярных работ Уваров побывал в Днепропетровске: больше двух недель изучал там передовые методы строительства домов. Он делает

доклад на общем собрании рабочих жилищно-строительного участка Толково рассказывает Уваров, да и толково, надо сказать, работают днепропетровцы. И собрание решает так: за счет сэкономленных материалов отдельовать каждый седьмой дом!

Ничего, что мы гигант! Посыпаем своих людей на вымучку к другим. Что-что, а дома строить многие могут изве поучить. Следом за Уваровым мы послали за опытом и других мастеров.

Критика и помощь — они идут рядом, вместе. Нам дают уроки и рядовой рабочий, и старый профессор, и министр. На стройке царит атмосфера всеобщей дружбы, коллективной мысли, суровой взаимной критики. Мы окружены любовью, но любовь эта требовательная, строгая.

Едва только собрались мы рапортовать министерству о первых успехах, как вдруг диспетчер встретил меня растерянно и ирачно.

— Что случилось? — спрашивала его.
Диспетчер бормочет что-то ненятное. У него в руках бумага.

Сердито кричу:
— Давайте не тяните, говорите, в чем дело!
Подает бумагу, как заряженную гранату. Ее запустило в меня министерство. Мне строго указывают, что допущены большие потери материалов. Мое руководство, говорится в телеграмме, стоит на низком уровне. Я неправильно оцениваю успехи, некритически отношусь к промахам. Мне предписывают устраниТЬ эти пороки и в декадный срок доделать по принятых мерах.

Уже и следа не осталось от утренней бодрости. На низком уровне? Некритическое отношение?

Беру машину и еду в котлован. Еду на жилстройтельство, на склады, в гаражи. Учиню строгий разнос, кричу, срываюсь и ловлю себя на том, что каждому подчиненному почти полностью повторяю телеграмму министра, адресованную лично мне. И о низком уровне руководства кричу и трезвой оценки достижений требую. К концу дня, усталый, голодный, прихожу домой, уже почти убежденный в том,

что руководству моему грош цена. Жена моя, товарищ мой, Ольга Яковлевна угадывает:

— Получил ругательную телеграмму? Ничего, без этого не бывает. Самое главное, не теряйся...
Правильно.

На следующий день вызывают в обком партии. Там, по всей вероятности, тоже напомнят об уровне руководства.

Запасаемся бесчисленными сводками, диаграммами, чертежами, схемами. Сведения об объемах работ... Но эти внушительные объемы надо еще сопоставить с такими же, если не более внушительными затратами. Где они, сводки и диаграммы себестоимости, производительности труда, экономии?

На расширенное заседание бюро, к моему удивлению, пригласили всех руководителей заводов и строек области. Может быть, их касается не наши, а следующий вопрос повестки дня? Нет, их пригласили поучиться на наших ошибках и по-соседски помочь гидростройке.

Главный инженер Шапошников с длинной указкой в руке ходит от чертежа к чертежу, развешанным почти во всю длину зала. Кое-кто начинает улыбаться. Здесь, мол, не студенческая аудитория, лекции мы слышали. Ты скажи, как у тебя обстоит дело с использованием богатой техники, полученной от сотен предприятий страны? Как готовитесь к решающим работам?

— Вы знаете, что у вас простаивают агрегаты общей стоимостью в одиннадцать миллионов рублей? — спрашивают докладчика.

Спрашивают докладчика, а смотрят на меня.

Шапошников теряется, но ничем помочь ему не могу. Профессорская указка положена на стол, и мы с ним мгновенно превращаемся в учеников. И уж нам дают урок по всем правилам. Только успевай запиняться и запоминать.

Постановление обкома плюс телеграмма министра — вот вам за два дня целых два аттестата... непрестолы.

Но подожди, теперь еще будешь держать ответ перед своим коллективом.

Собирается актив стройки. Оглашается решение обкома, и я в придачу получаю изрядную дозу критики от своих товарищей — ответственных и рядовых. Жарко было.

Мне часто приходится здесь говорить о собраниях. Но, во-первых, для начальника строительства, не имеющего над собой на стройке никакого начальства, собрание как раз и оказывается таким строгим начальством; во-вторых, там меня критикуют, а я не могу здесь замалчивать критику.

Вообще говоря, сколько я себя ни уговариваю, что критика полезна, что она освежает, молодит и т. д., все же похвала воспринимается, на мой взгляд, лучше, а к критике привыкнуть трудно. Десятки раз в году меня публично критикуют, я подробно записываю все замечания и упреки, и со стороны может показаться, будто я делаю это спокойно, но приходишь домой и места себе не находишь. Впрочем, иначе и быть не может.

Критика — это свежий воздух. Жить без нее можно, но растя нельзя.

А еще я думаю о том, что следом за болью, которую причиняет критика, наступает большое чувство удовлетворения, и, спокойно размышляя, ты признаешь: ведь пошло на пользу!

В ЦЕПИ СОБЫТИЙ

Как-то лет шесть назад на строительство прибыла группа писателей. Одни из них настойчиво советовали: «Вы находитесь на стройке, каких еще не было в нашей стране. Ведите дневник! Записывайте все, а пройдет пять лет, мы с вами издадим хорошую книгу».

И вот эта самая «хорошая книга». Просматриваю старые записи. Некоторые сделаны довольно точно и метко. Некоторыми я недоволен. Ну, вот хотя бы запись о совещании 29 октября 1950 года. В моем

кабинете выступает с докладом главный инженер проекта Малышев. Записаны мои вопросы к Малышеву, мои высказывания, мои соображения. Читаю и краснею.

На этом многолюдном заседании собирались видные гидротехники. Они даже не подходили к развесленным чертежам. С закрытыми глазами прекрасно ориентируются, где рисберма, где понур, как расположены водобои и прочие сооружения. Я же со страхом поглядывал все время на чертежи и неоднократно подходил к ним, лихорадочно иска надписи: понур, водобой...

И вот ведь какая у людей деликатность! Тогдашний главный инженер строительства Шалашников сказал мне, что совещание я провел «на высоком уровне».

Конечно, я не безграмотный строитель, имею теоретическую подготовку и немалый практический стаж, но все же проекта Куйбышевской ГЭС, честно говоря, я по-настоящему тогда еще не знал.

Закончив два учебных заведения, я, по существу, учился на Куйбышевгидрострое вновь. И теоретически и практически. Здесь воистину открылась для меня академия.

Начал с изучения проекта. Принципы легче было понять, чем детали. В организации работ общее направление было яснее, чем конкретные технические решения. Да и в самой технике далеко не все было знакомо. Я никогда, например, не имел дела с кабель-кранами, никогда не видел гигантских автоматизированных бетонных заводов.

И вот, помню, приехал в Москву и думая, как быть дальше. Пойти начистоту поговорить с Сергеем Яковлевичем Жуком?

Пять раз подходил к зданию Гидропроекта, не решаясь переступить порог. Наконец, выругав себя за малодушие, рванул дверь в приемную. Так и спрошу, думаю: гожусь или не гожусь в руководители строительства? Если Жук колеблется, пусть так и скажет. Если же он верит в меня, тогда и мне станет легче в себя поверить.

Храбро зашел в приемную. «Сейчас доложу, — сказала секретарша, исчезла и тут же вернулась: — Сергей Яковлевич ждет вас».

Академик Жук усадил меня в кресло и сразу задал несколько вопросов касательно проекта гидропула Думлю, к черту рисовку, буду откровенен.

— Нет, Сергей Яковлевич, плохо изучил я проект. Прямо скажу, плохо дается мне это новое огромное дело. Вы ведь знаете, что я не строил гидростанций...

Жук перебивал:

— Ну что же! Зато вы много сделали в морской гидротехнике.

Чувствую, что краснею до корней волос. Много сделали! Утешает меня академик.

— Да что там! — бесцеремонно перебил я Сергея Яковлевича. — Нужно учиться, учиться заново.

А Жук, хотя и не любит, когда его перебивают, привел в другое веселое настроение.

— Во-первых, Иван Васильевич, не хотите ли выпить чайку? У меня есть прекрасные сухарики. Он попросил принести чаю со сухариками. И уж за чаем начал расспрашивать, но не о Волге, а о том, как были организованы восстановительные работы в морских портах.

Все мои мысли были заняты будущим, однако ничего не поделаешь, пришлось разворочить воспоминания о незабываемых днях в только что освобожденной Прибалтике.

Фашистские захватчики разрушили Таллинский порт до основания. И правительство послало туда группу строителей во главе с А. Н. Комаровским для организации восстановительных работ.

Мы часами просиживали над чертежами бывших сооружений, надеясь использовать хотя бы обломки. Мрачная была работа, но постепенно она нас так захватила, что мы не представляли себе дела более интересного и увлекательного.

Строительных материалов не хватало; страна испытывала страшный цементный голод, и не только цементный: не было инертных материалов, не

было арматуры, не было машин, паровозов, вагонов. Ведь еще шла война. Но правительственные распоряжение гласило: принять в порт первый корабль не позднее чем через шесть месяцев!

Что делать? Съездили мы на один из разрушенных цементных заводов, осмотрели его и обнаружили целые горы готового клинкера. Недолго думая и не особенно разбирая, где закон и где беззаконие, мы самочинно перевезли этот клинкер в порт и собственными средствами организовали помол. Мне за это досталось и от своего непосредственного начальства, и от министерства, и от партийных органов. Но наказали меня уже после того как был добыт цемент и стройка пошла полным ходом. Правда, неизвестно, какое грозило бы мне наказание, если бы порт не был восстановлен к назначенному сроку. А когда кончили, да еще с успехом, наказание забылось, а награда — орден Отечественной войны — пришла. Весь наш коллектив был награжден.

Цементом мы распорядились по-хозяйски. Еще подбросили полторы тысячи тонн восстановителям Беломорско-Балтийского канала, где в то время, кстати говоря, работал наш, теперь уже куйбышевский, Малышев.

Рассказывая обо всем этом Сергею Яковлевичу, я развелся: воскресил в памяти один из лучших моментов моей инженерной жизни.

Происедли мы до поздней ночи. Жук поднялся, усталый, но очень внимательный и волнованный.

— Вот видите, перемычка Куйбышевской ГЭС значительно проще, чем стена Таллинского порта. А вы говорите, что не знаете. Учиться! Так ведь в области гидротехники учиться надо ежедневно, ежечасно и всем.

Положил мне руку на плечо, он добавил:

— И вообще, друг мой, разве есть область знания, где нечemu больше учиться?

Ласково прощаясь, он пообещал продолжить наш разговор на строительной площадке, куда он, надо полагать, все-таки выберется. Сергей Яковлевич действительно вскоре к нам приехал.

«ЛЕДОВОЕ СОРЕВНОВАНИЕ»

Близилась первая весна. Солнце пригревало. Снег таялся только в лесу и в оврагах. Теплый обнажил на берегу остатки нашего постыдного «затоваривания» материалами и оборудованием. А чем ближе к весне, тем трудней вывозить: с дорогами плохо. Кругом непролазная грязь. Тяжко водителям!

Скоро паводок. Никогда, кажется, мы так запечеревшо не следили за календарем природы, как в эту весну. Пинчи перелеты, лесные приметы, даже старицкие поверья служили ориентиром в тумане метеосводок.

Искусство гидротехника в конечном счете сводится к тому, чтобы глашного врага строителя—воду—превратить в союзника и помощника. Волжский лед служил всю зиму чем-то вроде естественной эстакады, и сейчас мы с тревогой наблюдаем, как он темнеет, покрывается трещинами.

На льду мы должны собрать и сварить три «киты» огромного, во всю ширину Волги, дюкера — трубопровода. Летом землесосные снаряды будут гнать по трубам с левого берега на правый пульпу, намывать перемычку котлована гидростанции. Берег с берегом, так сказать, кооперируются: пойма пошлет песок Жигулям, а жигулевские скалы отплатят камнем. А чтобы летом не мешать судоходству, надо было положить дюкер на дно Волги. И беда, если лед провалился раньше, чем сварщики сделают последний шов.

Мы выехали с Малыгиным на трассу. Нука, казаки, автомобильный начальник, свое хозяйство в деле! Как ни плохо с дорогами, а шоферы — гвардейские наши автоколонны — везут, почти ползком, но везут и везут на лед железные звенья дюкера. Маршрут немалый — километров шестьдесят.

Первую колонну встречаем за селением Курумоч. Ведет ее Федор Паньков. Короткая остановка. Водители усталые, грязные. Пятиминутный перекур вызывает оживление. Шоферы так и состязаются

в шутках и остротах. Спрашиваю Панькова, доползут ли за день трубы к берегу. Вместо ответа он командует: «По косям!» Все разбегаются. Неостывшие моторы вновь рокочут, и машины, переваливаясь с боку на бок, натужно преодолевают тяжелую коею.

На дороге появляется старик с девочкой, обиженный и говорливый. Местный рыбак, он всю жизнь прожил на берегу Волги, в поселке Ширяево, на правой стороне, и рад, что эту сторону никакое море не потеряет, потому что она высока и крепка — Жигули! Рыбачил, чинил суда, баржи.

Нас, понятно, интересует, сколько дней осталось до ледохода, когда ожидается первая подвижка. Старик подумал немного и веско предсказал, что, по всей видимости, ледоход не заставит себя долго ждать: уж болтко дружная весна. Он дает нам пятнадцать, самое большее двадцать суток...

Обгоняем колонну лесозаводов со сборными домами. Машины буксируют. Наваливаемся и мы с Малыгиным — раз, два, взяли! Грузовик из последних сил кое-как переваливает через колдобину, я же получаю в награду хлесткую струю грязи. Малыгин хохочет: это, говорит, безобразие, мы не дадим обливать грязью руководство, дайте-ка, я вас маленко почищу!

Вечером мы на льду. Поздравляем шоферов с победой. Благодарим их за доставку третьей «киты» дюкера.

Теперь дело за сварщиками. Все силы на сварку! Началось славное «ледовое соревнование».

Предмайские наши социалистические обязательства заключались в том, чтобы закончить всю подготовку к пропуску паводка, убрать грузы из зоны затопления и положить дюкер на дно Волги. А фронт для земснарядов уже готов: как раз в эти дни зачищена отсыпка каменного баникета, и можно намывать перемычку, был бы только песок.

Слышатся взрывы большой силы. Это в жигулевских скалах, в экскаваторных забоях рвут каменные пласти. В Волгу ужеброшено пятьдесят тысяч ку-

бометров камня, подводная гряда протянулась на триста метров. Экскаваторы круглосуточно роют оттесняющий канал, куда побежит паводковая вода, отогнанная от котлована.

Лед доживает последние дни. На целый километр прорублено во льду майна. Надо скорее опустить туда трубы, иначе ледоход сметет все. Сварщики стоят по шинолотку в воде. Скорее! Скорее!

Проходит еще один тревожный день. Последние приготовления. Заканчиваются испытания заваренных швов. И вот, наконец, команда: «Приступить к опусканию дюкеров». Тросы натянуты, трубопровод вздрагивает, и один конец медленно сползает под лед.

Два с половиной часа звено за звеном монтажники подтягивали трубы к проруби и осторожно погружали в воду. Последний вслеск — и весь дюкер разлегся на воде. Земнаряды включили насосы, трубы наполнились водой и медленно ушли в воду. Водолазы спустились на дно, проверили, хорошо ли «постель». Все в порядке: дюкер удобно и надежно расположился на подводном ложе.

Монтажники Пронин, Рябушкин, Козлов, Алешкин, электросварщики и газосварщики Челупенко, Анисимов, Калинин провели свою славную предмайскую вахту так, что нормировщикам нелегко было подсчитать, сколько же норм выполнили эти отчаянные ребята. Вышло что-то около десяти в среднем.

Мне сейчас просто невдово, что я растирал и забывал за годы стройки сведения об этих отважных людях и приходится ограничиваться перечнем фамилий. Может, я их потом десятки раз встречал, да не узнавал среди тысяч и тысяч таких же молодцов.

...Шоферов не хватало. Где их взять? Малыгин на мой вопрос отвечает:

— Очень просто. Как в Риге, сделаем...

На строительстве Рижского порта мы обратились к трудящимся через газету. Подробно написали о наших трудностях и попросили помочь. Сколько же поступило заявлений! Мы укомплектовали строительство не только Рижского, но и Таллинского,

Кронштадтского и других портов хорошими шоферами.

От слов к делу! Составляем обращения, посылаем в газеты. Потом едем в учебный комбинат, где готовится сто сорок шоферов. Ставим задачу: скажи учебный график, уплотнить программу занятий, досрочно выпустить всю группу шоферов, чтобы спасти сотни тысяч тонн материалов и оборудования, лежащего на берегах Волги, в зоне затопления.

Учащиеся и сами мечтают поскорее сесть за баранку. Предложение принимается с восторгом.

Меня провожает один из «учеников»; этому уставшему человеку лет под пятьдесят. Фамилия его Шарафутдинов. С детства, говорит, еще в Татарии жаждал стать шофером, а теперь хочет водить самую большую, самую грузоподъемную машину.

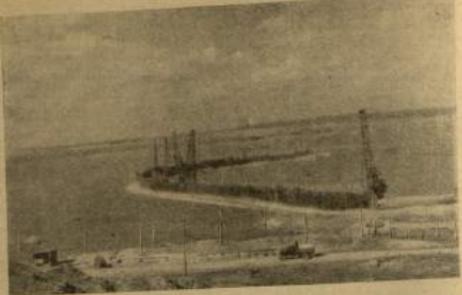
— Пожалуйста, — отвечаю. — Мы как раз получили большегрузные автомашины, «МАЗы». Двевадцать тонн хватит?

Шарафутдинов растроган: так легко нашлась для него машина, да еще двенадцатitonка.

На наше обращение в газетах — оно даже неожиданно сущало трудности — откликнулись тысячи шоферов, трактористов, механиков. Правда, к нам потянулись и отчаянные головы, среди которых было много пьяниц и ловкачей. Публика такая, что рука не дрогнет повести машину на треснувший лед, взять с разгона опасную крутизну или притормозить на полном газу у самого обрыва.

Вскоре учебный комбинат досрочно выпустил восемьдесят шоферов. Среди них был и Шарафутдинов. Он сел за руль двенадцатitonного самосала.

Вывезли первые сорок тысяч тонн материалов и оборудования из зоны затопления. Часть «бутербродов» растаяла. Очень боялся я, как бы какой-нибудь вездесущий корреспондент не сфотографировал это безобразие. И, представьте себе, нашелся все-таки один. Сфотографировал, но снимки принес мне и сказал: «Сохраните на долгую память». Они цепляют меня и сейчас.

Мы вторглись в Волгу:

План отсыпки каменного банкета под правобережную перемычку стал выполнятся.

Как-то, в конце марта, когда побежали первые ручьи, когда потемнел лед на Волге, а контуры банкета уже показались из воды, мне встретилась машина: из кабину высыпался Шарафутдинов.

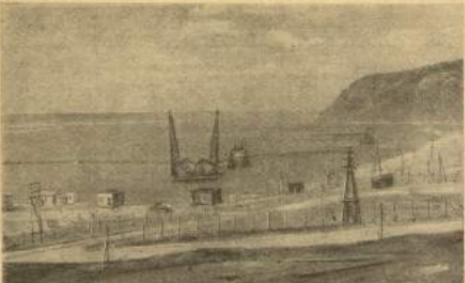
— Начальник, спасибо! Работаем! Неплохая машина!

Через полчаса мимо меня пробежало несколько человек в сторону Волги. Вид у них встревоженный. В чем дело? Говорят, машина пошла под лед. Где? Какая?

Побежал к берегу. Вокруг огромной польныи хлопоту люди с колями. Кричат, волнуются... Вдруг на поверхности воды показалась голова человека. Шарафутдинов! К нему потянулись десятки рук. Вытащили.

Пострадавшему со всех сторон предлагают кто куртку, кто шаровары, кто шапку. Всех волнует, почему он так долго пробол под водой. Зашептился? Не мог выбраться из кабины?

Кутаясь в собранные для него теплые вещи, Ша-

первая перемычка.

рафутдинов дрожащим голосом — зуб на зуб не попадает — объясняет:

— Начальник, машина новая, жалко. Надо было скорость выключить, а то тяжко таскать ее из воды.

Он хотел встать на ноги, но не смог. Товарищи подняли его и понесли в ближайшее помещение. Там его отогревли и отправили моей машине домой.

Отважный шофер совершил подвиг скромно, спокойно и деловито. А друзья его с той же деловитой отвагой бросились выручать товарища.

Этим сильна дружба.

Как верны и добры руки друзей в минуты опасности! Об этом я хорошо знаю, знаю смолоду. В Москве, совсем еще юношей, в первый год работы на стройке, сорвался однажды с карниза восьмого этажа. Каким-то чудом удалось вцепиться в крайние выступающие кирпичи, и я повис на руках.

Не успел крикнуть, позвать на помощь, как почувствовал, что скользкая кладка ползет следом за мной. Еще мгновение — и я полечу вместе с карнизом в пропасть. И вдруг из проема показываются

две руки, они хватают в запястьях мои руки и тянут вверх. У товарища силенок, видно, мало, да он принадлежит животом на свежую кладку, и она под ним тоже поползла, грозя обоих нас улечь вниз. Ползэм. Ну, все! Мгновение, и за моим спасителем, рисующим жизнью ради товарища, показываются еще одни руки. Они крепко хватают его за пояс. За второго ухватился третий, которому удалось укрепиться в проеме, и вот мы один за другим вползаем на пекрыйтие.

Трое рисковали ради одного жизнью.

Когда я думаю о дружбе, о коллективности, о мужестве, о верности, мне всегда вспоминается этот страшный и в то же время прекрасный эпизод юности. От друга, от товарища не услышишь ласковых похвал. Он может резко и даже грубо указать тебе на ошибку, не простит тебе слабости. Но зато, если попадешь в беду, мигом ощущишь его крепкую руку.

И у самого тебя пусть рука будет не так мягка и ласкова, как сильна и верна!

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

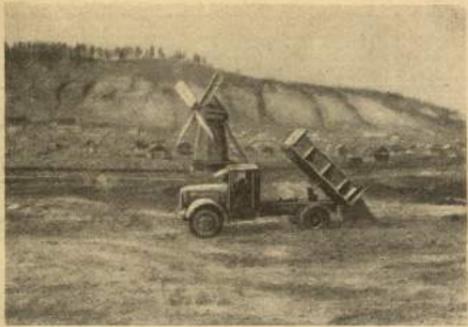
Пропустили паводок, проводили строгого нашего весеннего инспектора, неумолимого и беспощадного.

Полгода, как началась стройка, а то немножко, что зами создано, уже готово к единоборству с Волгой, выдержало испытание, выстояло. Добежав до перемычки, река дениво поплескалась у ее свежих откосов и, словно не желая связываться с малолетними, ушла в сторону.

Ничем не смогла пожираться Волга и в зоне затопления: все успели убрать, не оставили ей ни щепки.

Вся стройка досрочно выполнила четырехмесячный план, а гидромеханизаторы перекрыли его вдвое.

У Министерства речного флота объявился опас-

В овраг сбрасывается первый ковш земли, вынутой из котлована.

ный конкурент: флот нашего строительства первым открыл в предпраздничные дни навигацию на Волге. Поднял пары теплоход «Дмитрий Донской». Он привел баржи для бункеровки пароходов «Можайский», «Покрышкин» и «Кожедуб».

Хотим отличиться не только в навигации. Взяли шефство над двумя колхозами, решили помочь им провести посевную. Выделили двенадцать автомашин, четыре трактора, послали лучших водителей. Возим семенное зерно.

И еще: получили сообщение от ЦК ВЛКСМ о награждении почетными грамотами сорока восеми лучших молодых строителей. В ответ на эту награду комсомолец-экскаваторщик Акимов довел выработку до двух тысяч кубометров грунта в смену при норме в пятьсот восемьдесят.

Учредили мы и свою Доску почета, занесли первые двадцать имен.

Богаты стали знатными людьми!

Были одиночки — теперь сотни. Отовсюду шлют списки отличившихся, награжденных.

Вот уже много лет тружусь я на строительстве, и всегда самые радостные месяцы — октябрь и апрель: без трудовых достижений приходить к празднику просто невозможно.

Мы держим связь с военными моряками и с особой радостью распространяем по участкам письмо балтийцев:

«Дорогие товарищи, вы создаете величайшее в мире сооружение. Ваш труд вдохновляет нас, военных моряков, на новые успехи в боевой подготовке...»

Письмо зачитывается в обеденный перерыв в столовых, на перекурах в котловане, в гараже.

Каждый рабочий стройки видел общую перспективу, знал масштаб всесоюзный и масштаб мировой, но коммунисты доводили до него ежедневно самую непосредственную, самую практическую, его личную задачу на сегодня, на завтра, на послезавтра, на неделю, на месяц. И в агитации не просто прославлялся успех лучших. Он преподносился, что называется, живьем: раскрывался в деталях и не словесно, а показом, примером. Передовики ездили с участка на участок. Мы привозили на наши заводы и базы механизации новаторов с куйбышевских заводов.

Собираем передовиков соревнования и большой группой фотографируемся на фоне будущего гидроузла.

Празднуем Первомай широко и шумно. Весенним половодьем разливается по берегам Волги песня.

...Спала вода. Наступил июнь, теплый месяц, но в смысле погоды хозяйственной чересчур даже горячий: конец полугодия!

В это лето что ни день, то праздник. Экскаваторщик Оленин вынул первый кубометр грунта для перемычки под строительство нижних судоходных шлюзов. Торжественно отмечаем этот кубометр: как же, сама история шагает!

Гидростроители на отдыхе.

На митинг сошлись не только рабочие, но и окрестные жители, из Федоровки, из Зеленовки, с боярским авангардом мальчишек, с озадаченными стариками, которым и не снится, чтобы в этакую заваруху вовлекли спокойную и горделивую матушку Волгу. Пока что они видят только, как бесцеремонно замутили мы своими кубометрами тихие волны небесной списы, как пошли по воде темные, коричневые круги, словно Волга в гневе изошла желчью.

Поставили рядом два грузовика, водрузили стол с красным сукном, создали видимость трибуны, и ораторы из экскаваторщиков и бульдозеристов один за другим деловито объявляли свои намерения:

— Мы твердо решили с этого самого дня давать по полторы нормы в смелу на каждый механизм! Пусть за нас запишут такое обязательство, и да здравствует наша победа на Волге!

— Мы подаем такое общее предложение: к первому октября, пусть к двадцатому и, на крайний случай, к Октябрьской годовщине выполнить подчиненную годовой план строительно-монтажных работ с полной отсыпкой перемычки под нижние шлюзы. Вот и все.

Митинг рукоплещет. Ни одной красивой речи не было, а народ разразился громким «ура», так что даже пароходик с далекого фарватера откликнулся трелями веселыми гудками.

В тот же день на правом берегу, почти у подножия горы Могутовой, начали бить металлический шпунт в защитную перемычку у будущего котлована под здание гидростанции.

Это тоже был праздник.

Жара и пыль. Бросись бы сейчас в воду, да застоеят: не я ли произносил на днях грозные речи против массовых купаний в рабочее время и против эпидемии рыболовства в районе основных сооружений?

Трудно ходить по жаре, а приходится вышагивать десятки километров в день. Особенно тяжко взбираться на жигулевскую крутизну. Но сегодня

мне идти именно туда: проводить строителей высоковольтной линии электропередачи.

Нелегко в горах рубить просеки и класть фундаменты под опоры. Сколько ни механизируй, все равно в таком деле ручной труд и физическое напряжение ненебезны. Ведь не полесьешь в гору с автопогрузчиком, не загонишь туда грузовик! Но зато, намаявшись за день, здесь в простом шалаше в летнюю пору по-настоящему насладишься всей прелестью жигулевского воздуха. Ну, и моя, конечно, забота, чтобы на этом курорте питались не асухомятка. А орцовцы наши к тому времени, увы, еще не развернулись. Высоковольтная линия была закончена раньше, чем ОРС наладил бесперебойную доставку продуктов на этот участок работы.

Возвращаемся поздно ночью. Со стороны котлована ветер доносит запах бензина и мазута. Старое село Отважное с ветряной мельницей и горсткой покосившихся избушек было единствено в лощине между горой Могутовой и горой Отважной. Теперь строениям стало тесно, и они поползли вверх по склону горы. Волга тоже не пустыни в этом месте. Как допотопные чудовища, выползли из подводного царства, стоят землечерпалки и земснаряды. Днем и ночью слышен железный скрежет на воде и на сушке.

С полгода назад, вспоминаю, мы хлопотали о четырехстах лошадках. И вот, гляди-ка, сколько железных силачей-работяг. Машинам тесно в огромном котловане. Со страшным ревом бегут машины «МАЗы», с таким ревом, словно они хотят, чтобы в Минске, из их родине, слышали, как здорово они здесь работают. Очень хороши эти машины, только вот шумят невыносимо.

Каждый день идут в наш адрес теплоходы и баржи с машинным десантом. Техника пополняется.

Со всеми предприятиями-поставщиками у нас переписка. Из Бузулука обращается к нам коллектива машиностроительного завода. Пишут, что буровые станки отправлены на три месяца раньше срока. Из Орска сообщают, что заказ стройки прибыл, когда

Фронт земляных работ расширяется.

план уже сверстали, однако нашелся выход из положения: новый метод отливки и формовки шестерен позволит вовремя изготовить строительные машины. Начальники далеких железнодорожных станций извещают, что движением открыли «зеленую улицу» грузам Куйбышевгидростроя: «Время формирования эшелонов мы сократим в два с половиной раза».

Такими письмами полна наша многотиражка «Гидростроитель».

Вот и первый шагающий экскаватор вступил в строй. Монтажники собрали землеройный гигант за двадцать дней вместо тридцати.

Со стороны Сызрани к Жигулям по новой ветке не сегодня-завтра должен подойти первый поезд. Наконец-то мы связываемся с миром не только водой, но и по суше.

Навстречу долгожданному поезду выставлена увитая лозой парадная арка.

Дмитрий Иванович Сентюрин, начальник железнодорожного строительства, спешит рассказать

мне драматические подробности минувшей ночи. Пустили пробный паровоз с двумя вагонами, не проворив полотно. «Не терпелось, понимаете ли! И поезд сошел с рельсов, — Дмитрий Иванович машет рукой. — Пустяки, не то еще бывает!»

Вид у Сентюрина далеко не праздничный. С неделю обитал в лесу в машине или в вагончике, вдали от домашних благ. Давненько не брался. Минуты, оставшиеся до прибытия состава, он намерен использовать для бритья. Устраивается тут же, на пеньке, перед осколком зеркала, добывшего у кого-то из работниц, и скребет свою жесткую бороду.

— Эх, Дмитрий Иванович, когда же научатся железнодорожные строители работать без штурмовщины?

— А вы научились, гидростроители? — лукаво спрашивается он в ответ.

Собирается тысячная толпа строителей. Первый паровозный гудок, раздавшийся в Жигулях, сливаются с восторженными криками людей.

Медленно движется поезд. Паровоз останавливается у красной ленты, перехватывающей арку.

Митинг. Речи. Поздравления.

Это уже не первый и далеко не последний митинг на стройке. В огромной цепи событий на всем великом пути строительства веселыми огоньками вспыхивает цепь праздников. Но эти митинги — не только праздники. Они боевые зарядки.

Дмитрий Иванович сует мне огромные портновские ножницы:

— Режь ленту.

После торжества едем с Дмитрием Ивановичем ко мне на квартиру. Мы ведь старые друзья. Много раз сходились наши пути на стройках.

За обедом гость мой выпил с наперсток водки и тут же уснул. Впервые за эту неделю человек принял горизонтальное положение.

Решение о строительстве Куйбышевской ГЭС было принято 21 августа 1950 года. С тех пор ежегодно на всей стройке 21 августа отмечается как праздничный день.

Накануне первого такого праздника Василий Лямин у себя в коллективе экскаваторщиков предложил:

— Возьмемся перекрыть проектную мощность механизмов.

Уже на следующий день об этом узнали повсюду. Как штормовая волна, новая инициатива разбежалась по всей стройке.

Лямин — высокий худощавый парень, спокойный, молчаливый. Но в его тихой сосредоточенности и неторопливом расчете, в скучных движениях и деловитом спокойствии скрыта, я бы сказал, военная удача хорошо околовавшегося пулеметчика или батарейца. Вообще, думается мне, эта всеобщая солдатская доблесть из такой мирной стройке, как наша, наилучшим образом показывает миролюбие советских людей: ведь только они, ненавидящие войну, могут так вот обратить на мирные дела весь свой неостыянший фронтовой пыл, всю нерастраченную воинскую энергию.

Телеграф только и знал, что отстукивает по-здравления по поводу годовщины строительства: от министерства, от моряков, от строителей Волго-Дона, от ученых.

На праздничном вечере выступаю с докладом. Начинаю торжественно, но затем принимаюсь безжалостно громить наши недостатки. Обращаюсь то на одного, то на другого начальника участка, сидящих в президиуме и настроенных весьма празднично. Но из президиума мне в затылок летят ответные реплики: «А где было управление Куйбышевгидростроя?»

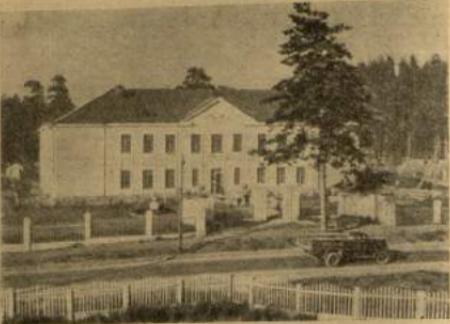
После этой словесной перестрелки, сидя уже не в президиуме, а в зрительном зале на скромном концерте самоделтности, я подумал: может, слишком резко говорил я о своих товарищах, которые и работают умеют и за словом в карман не лезут? Ведь сколько сделано к первой годовщине: два миллиона кубометров земли переместили, разворотили всю Волгу, до неузнаваемости изменили вид ее берегов, построили десятки домов, проложили сотни ки-

лометров дорог. И, главное, я хорошо знаю, что лично никого из этих начальников участков ни в чем упрекнуть нельзя. Я гляжу по сторонам: как они себя чувствуют на концерте? Да где же они? Улетеличились потихоньку. И ведь твердо знаю: в котлован пошли. Да как не пойти в котлован, если в восемь утра им предстоит доложить о работе, проделанной за ночь?

Плащут ребята на сцене, отлично ведет программу шутник-конферансье, а публика редеет. В залах строителей по поведению публики нельзя судить о качестве концерта. Строители часто реагируют больше на то, что происходит за сценой, там, на площадке, в котловане.

И все-таки с концерта я ушел в хорошем настроении. Собственно говоря, не так уж плохи дела: к 21 августа, на десять дней раньше срока, выполнен восемимесячный план, основательно влезли в Волгу, укрушают ее железом и камнем. Новые люди едут и едут. Грузы идут. Механизмы монтируются. Через неделю готовимся открыть филиал черного института. Открыт вечерний гидротехникум, работают курсы по подготовке к вступительным экзаменам в институт. На левом и правом берегах созданы учебные комбинаты, за парты посадили более двух тысяч рабочих, будущих экскаваторщиков, сварщиков, бетонщиков, электриков, шоферов. Ну, и на самих участках ежедневно и ежечасно действует, скажу без преувеличения, настоящая академия строительного новаторства.

Василий Лямин выступил перед большой аудиторией. Назвали мы его выступление для солидности лекций. Минут пять Лямин никак не мог начать, все откашивался и вытиграл платком густо покрасневшее лицо. Наконец овладел собой и стал подробно развивать свою идею, как перекрыть проектную мощность механизмов. Привел расчеты, повесил несколько таблиц и схем, объяснил, почему уверен, что запас мощности и резерв производительности, которые заводом не включены в паспорта механизмов, мы на стройке можем и должны взять целиком. Во-

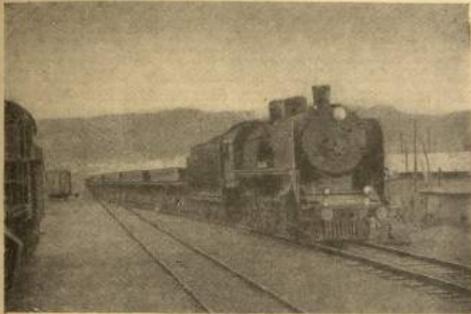
Школа в сосновой роще.

первых, экскаваторщики должны бороться за полновесный ковш, за экономию движений и поворотов механизма и стрелы. Во-вторых, нужно, как он выразился, «технически четкая дружба» машинистов с шоферами самосвалов, чтобы грузовики не скапливались, как подводы в базарный день у иных волжских паромов, но и не опаздывали и не создавали тягостных пауз. Все правильно. Лямину аплодируют. За аплодисментами пошли вопросы к лекции. Ответил Василий на все вопросы. И начались прения. Прения по лекции!

— Вот вы говорите — график. Какой тут график, если у нас, понимаете...

И пошел и пошел очередной оратор разносить свой участок, во главе с уважаемым начальником и уважаемым главным инженером...

Первого сентября — опять праздник. Мы сделали четыре школы. Улицы поселка Комсомольск звенят ребячными голосами, стайками идут первоклашки в сопровождении матерей. То же зрелище в Жи-

На стройку пришел первый поезд.

гулевске и в Порт-городе. Родителям не верилось, что за семьдесят-восьмидесят дней на пустом месте могут вырасти большие светлые школьные здания. А вот нетвердая детская рука уже вывела мелом на новой классной доске знаменательную строчку: «Наш молодой город».

И чтобы большие не возвращаться к празднику, скажу еще об одном. Той же осенью прибыл по левобережной железной дороге первый поезд на станцию Жигулевское море. Теперь стройка связана с магистралью и на левом берегу.

В холодный, пасмурный день на станции собирались много народа. Наш партком, вижу, зачислил Василия Лямина в штатные ораторы. Он и здесь произносит речь. Очень хорошую речь. Лямин говорит, что ему, делегату Всесоюзной конференции строителей мира, выпала честь докладывать в Москве о славных делах строителей и что нет нужды особенно доказывать силу нашего стремления к миру, нбо такие гидростанции, такие моря, как будущее Жи-

гулевское море, создаваемое нашими руками, возни-
кают не для войны, и для мира, для блага, для сча-
стья людей.

Сентябрь 1951 года выдался на редкость теп-
лый. Но Волга любит преподносить сюрпризы. Не-
обычная осенняя тёплыня быстро перешла в студе-
ное нещастие. А холода нас пугают: не готова линия
электропередачи. Стройки электрический гигант, а са-
ма стройка на скдущем энергетическом пайке.

Старый Ставрополь на своей дизельной станции
вырабатывает пятьдесят семь киловатт. В одинна-
дцать часов вечера энергетическая мощь города ис-
сияет: лампочка начинает моргать, подмигивать,
потом, после троекратного сигнала гаснет до сле-
дующего вечера.

На обиходных берегах уже подняты мачты, но остается
самое трудное — совершил прыжок через Волгу:
тогда сызранская теплоэлектроцентраль свяжется
с близлежащей, возникнет кольцо, и мы получим для
стройки пятьдесят тысяч киловатт — в тысячу раз
больше ставропольской мощности. Но совершил
этот прыжок налегке. Никогда еще высоковольтные
линии не преодолевали такую водную ширь — до
половины километра.

Со мной на трассу выезжает автор проекта ин-
женер Волчек, специалист по электрическим сетям.
Над Волгой бушуют холодные ветры, Волчек забывает
в своем легком пальтишке. В этот день предстоит
навесить провода на последние мачты правого берега
и протянуть их через Волгу к левобережным
мачтам. Работать на резком ветру тяжело, но надо
спешить, потому что по Волге вот-вот пойдет осен-
ний лед. Конечно, удобнее было бы проделать все это
на прочном льду. Но ждать ледостава нельзя: зем-
снаряды не успеют выполнить намеченного плана,
да семнадцать новых электрических экскаваторов
стоят без дела.

Сначала все шло хорошо. На правом берегу ка-
бель сравнительно быстро и легко закрепили, потом
катушку погрузили на понтон и перебросили трос на
буксир «Дмитрий Донской».

Поднимаемся на капитанский мостик вместе с ка-
питаном Беляковым и начальником нашей водной
контроры Иваном Павловичем Саулиди. За катушкой
на понтоне следят двое монтажников.

— Разрешите двигаться? — спрашивает Беля-
ков.

Медленно идем к левому берегу. В середине реки
нас сносит вниз, трос начинает бешено разматываться.
Капитан не рассчитал, дал полный вперед, и пой-
тон затянуло в воду. Монтажники уже по колено
в воде. Пока сбиваясь ход «Дмитрия Донского»,
понтон продолжает погружаться. Вот-вот катушка
уйдет на дно.

Монтажники, только что улыбавшиеся, уже не на
шутку испуганы, золят на помощь. Успеваем только
крикнуть: «Держитесь!» — и они вместе с понтоном
уходят под воду.

Мы обмерли. Все пропало! Но через несколько
мгновений понтон появляется над водой, и мокрые
ребята — я глазам своим не верю — опять улыба-
ются. Собственно, им-то самим искупаться в Волге
было не так страшно, они боялись погубить понтон
и катушку.

Кое-как добираемся до берега. Сажаю промок-
ших и продрогших рабочих в машину и отправляю по
домам. Осталось откладывать на завтра, потому
что в темноте пропод никак не напесить.

На следующий день точно так же, как накануне,
тянем с правого берега второй кабель. На этот раз
все проходит благополучно. Наконец навесили два
прозода, остается еще один, последний.

По Волге уже идет много льда. Как быть? Соб-
ственно, раздумывать нечего. Рискнем тянуть третий
кабель наперерез ледоходу.

Теплоход врезается в огромную льдину, ломает
ее, крошит, но и сам дрейфует вместе с ней. Трос
тянется. Но если он не разрежет льдину снизу, она
может не только увлечь теплоход, но и сорвать с ме-
ста мачту правого берега, потащить ее в Волгу.

Беляков даже побледнев. Дает команду: «Пол-
ный вперед!» Напрасные усилия: медленно, но вер-

но нас сносит вниз. Как трос? Он режет лед, но слабо. Этак можно уплыть далеко.

Все зависят от умения капитана. Надо во что бы то ни стало разбить льдину и вытащить трос на поверхность воды.

Часа два с лишним возимся с этой льдиной. Но тут подходит «Можайский» и добывает оказавшую льдину. Трос освободили и уже в темноте — целый день прошел! — передали кабель на левый берег. Не дожидаясь утра, при кострах, монтажники натягивают кабель и поднимают его в проектное положение.

Можно идти греться. Озябли и промокли основательно.

Наш проектант в своем легком пальтишке замерз больше всех, но он почему-то не спешит уходить. Все поглядывают вверх, на мачты.

— Ох, Иван Васильевич, — говорит он, — вперед еще много дела! Надо соединить кабель с гирляндой, а мы запроектировали такое сложное соединение.

Черт возьми! Намаявшиеся за шесть суток монтажники должны были еще повозиться на головокружительной высоте: никак не могли попасть в то «ухо», которое соединяет трос с гирляндой изоляторов. Ну и досталось же проектантам за это мудрое «ухо»!

Когда все было закончено, когда оаябшие, простоявшие, по умиротворенные трудно добытым успехом монтажники, наконец, спустились, Волчка осенила блестящая идея.

— Я вижу, я понял! — воскликнул он. — Можем делать соединение иначе, совсем просто...

Один из монтажников, одессыт, добродушный остряк, неизывающий парень, на этот раз зло выругался:

— Чтоб ему пусто было, тому клятому инженеру! Его бы туда... разочек!

Волчек ежился в молчал, очень довольный тем, что я в суматохе забыл представить его монтажникам как автора проекта.

Канатная дорога через Волгу.

ЗЕМЛЯ, ЗЕМЛИЦА!

Мне кажется, своей нежной любовью к земле — строитель в какой-то мере сродни крестьянину. Есть среди строителей специалисты, которые ни в чем другом так не сильны и не искусны, как в работе с землей. Это их страсть.

Кажется, чего проще: копать землю! Нет, ее надо понимать, эту землю, ее надо чувствовать, с ней надо уметь обращаться, знать ее повадки и свойства.

Спокойная, с леницой глины или капризный, озорной песок. Черная, липкая иериха или опрятная неодногранная с твердокаменным характером... Одна земля сама бежит в ковш, другая упирается, в третьей не подступишься без ножа, а четвертая поддается только взрыву. И к каждой нужен свой подход, чтобы зря ее не будоражить, а брать умеючи, с наименьшими усилиями.

Мы перелопатили за семь лет почти две тысячи миллионов кубометров земли. Это несметные горы. Целая плеяды экскаваторщиков-миллионеров выросла на стройке. Евеш и Коваленко, Лимини и Мячев, Клеманьев и Зенкевич...

Но у этих людей есть еще одна страсть — страсть к технике, к машине, которую они тоже и чувствуют, и понимают, и можно любят.

Я часто наблюдал, как работает Михаил Юрьевич Евеш. Он направляет так, что кажется, будто фантастический железный зверь вполне осмысленно хватает добывчу острозубой пастью. Экскаватор работает почти бесшумно, стрела совершает скучные движения.

Примерно так же управляет своим землеройным силачом Лямини.

Немножко иначе — Коваленко. Он порывистый, лихой, любитель резких и стремительных движений, но — мастак!

Я познакомился с Коваленко в те дни, когда мы готовились к забивке шпунта. Прежде чем торжественно забить первую шпунтину, механизаторам

пришлось довольно долго потрудиться на монтаже тяжелых копров, и особенно трудно дался один из них — этакий богатырский молотобоец с шеститонной силой удара. Возле механиков, то подзадоривая, то порицая их, толклись экскаваторщики, монтеры, шоферы.

В одну из трудных минут встретил меня у злополучного копра крепкий парнишка с живыми, озорными глазами. Подошел, представился:

— Коваленко Борис, экскаваторщик.

— Слушаю.

— Видите? — он кивнул на монтажников копра. — Они хотят на этой работе состариться, деток и внуков вырастить, наверно. Как думаете, кончат они в ближайшие годы эту вольнику?

Я смотрю, парень с большим запалом. Только вот в словах или в делах?

— А что вы можете посоветовать?

Он достал папириску и мне протянул свой изящный портсигар.

— Имею разговор.

— Слушаю.

— Вы можете взвеливенько этих людей отставить? Дайте нашей бригаде — мы смонтируем всю штуку так, что она будет не только шпунтина быть, но еще и музыку играть. Наша бригада экскаваторщиков такая у нас бригада, что каждый обязанательно шевелит мозгами всю смену и даже дома. Уверяю.

Монтажники под предлогом перегрузки охотно согласились уступить копер самонадеянным экскаваторщикам: сделают — хорошо, а не сделают — примут позор на себя.

— Надо за десять-одиннадцать дней спровести, — предупреждаю Бориса Коваленко.

— Ладно, что спорить-то! Хватит с нас и восьми дней.

И что же? Первая шпунтина забивалась как раз на восьмой день после этого разговора. Копер работал отлично. Хотя, вопреки обещанию Коваленко, без музыки.

Уж он меня, Борис Коваленко, разыскал, конечно, остановил, доложил по всей форме, что задание выполнено в точности. Ну, думаю, этот парнишка не даст залежаться нашему премиальному фонду.

На экскаваторе Коваленко работал артистически, хотя трудовая биография у него была довольно короткая и не совсем безупречная. А на стройку он приехал с откровенной целью прославиться и с озорным намерением «обставить» знаменитых машинистов.

Пробовали было упрекать его в лихачестве, да где там: механизм всегда в исправности, план перевоза кривится вдвое и межремонтный период вдвое дольше.

Мало того, Борис Коваленко открыл в машине новые возможности. В один прекрасный день он явился с идеей реконструкции «Уральца» и доказал, что трехкубовый ковш вполне можно заменить четырехкубовым. Коваленко слетал в Свердловск, на «Уралмаш», к знаменитым конструкторам экскаваторов, привез им свои эскизы, поднял на ноги заводскую комсомольскую организацию и получил согласие на переделку ковша. Вскоре молодые экскаваторщики Куйбышевгидростроя в торжественной обстановке принимали дар от уральских сверстников — новые ковши. Большинство экскаваторов переоборудовали.

Но через некоторое время зароптали автомобилисты: увеличенный ковш бросает в самосвал слишком тяжелый груз, под таким ударом плохо чувствует себя рама. Ах, так! Борис Коваленко летит в Минск и уже там, на автозаводе, хлопочет об усилении машины применительно к новой емкости экскаваторного ковша.

— Ловкач! — говорит о нем. — Славу любят. Отчасти верно. Ловкач, Хитрец, Тщеславец. Любит фотографироваться для газет и журналов. Водит знакомство и дружбу с писателями и кинооператорами, с артистами и художниками, вхож к министрам. Но никакой корысти. Только для дела. Только для бригады, для стройки. Он влюблен в свою работу,

Борис Коваленко у своего «Уральца».

рвется вперед, хочет, жаждет отличиться. И эту страсть нельзя не уважать.

Главным землекопом с первых дней стал Сергей Павлович Карцев. Старый инженер и старый большевик, Карцев за свою жизнь перекопал целые горы земли.

Работал он и на Черном море, и на Балтике, и на Севере. Я знаю его давно. На морях он был прирожденным моряком, а здесь, на Волге, стал типичным волгарем. Даже трудно себе представить наши перемычки, наш котлован без Карцева, появляющиеся то тут, то там и прежде всего в трудных местах, где нужны быстрое решение и властная команда. Было время, Сергей Павлович командовал многотысячными армиями землекопов, огромными обозами грабарок. Если судить по численности «войска», то его армии бы понизили в звании: были армии или дивизии, а теперь, если считать людей, и роты не наберешь. Но нынешняя машинная техника, которой управляет Карцев, сильнее десятка прежних армий землекопов.

Я уделю несколько строк рабочему месту Сергея Павловича, его, если можно так выразиться, кабинету. В горячие времена разработки котлована малярная конторка-будочка была поставлена на полозья. Она так и двигалась по периметру котлована следом за экскаваторами. Связисты из сил выбывали, каждый день перенося телефонные провода. Они грозились как-нибудь ночью, тайком, забетонировать у будки фундамент, чтобы Карцев не таскал ее с места на место. В конторке у него всегда было шумно и людно, стоял непроницаемый, густой дым — и от папирос и от печурки. Печка сначала была кирпичная, но при каждой передвижке она разваливалась, тогда Карцев поставил железную.

Три года подряд так вот ездил Карцев по перемычкам и краю котлована.

Главный инженер у Карцева — Ахмет Алхасович Биданоков. Это горячий человек, неутомимый, неугомонный и удивительно плотнущий. Какая бы ни была грязь в котловане, сколько бы почей ни болталивал Биданоков, какие бы ни лазы места, он всегда гладко выбрит, чисто одет. Своим примером Биданоков посемногу привнес к чистоте даже самых чумазых экскаваторщиков.

Обично говорят: требовательный начальник. О Биданокове можно сказать так: требовательный подчиненный. Ко мне, например, он неизменно приходил с новыми, иногда очень неожиданными вопросами, с настойчивыми и решительными требованиями. Когда мы занимались забивкой шпунта, Ахмет Алхасович явился однажды с журналом:

— Видите, на Чимле при забивке шпунта применяли вибрацию системы инженера Цаплина...

— Ладно, я запишу себе. Оставьте мне журнал, почитаю.

Как водится, я не успел заглянуть в журнал. Но утром Биданоков уже спрашивает:

— Насчет Цаплина, насчет вибрации что-нибудь решили?

Трижды звонил и, разумеется, заставил меня прочесть статью.

— Прочли? — спрашивает. — Ну, вот и хорошо. Так надо же срочно вызвать этого самого Цаплина сюда! Сделаем его вместе с его вибратором, а?

Через два дня Цаплин был на стройке.

В ту ночь, когда на наплавном мосту, с которого перекрывали последний проран, гремела музыка, когда в ослепительном свете прожекторов шли, словно в торжественном парадном строю, колонны машин, Биданоков вдруг сказал:

— Скучно.

— Это почему же скучно, Ахмет Алхасович?

— Потому, что не вижу для себя здесь крупных земляных работ. Надо прощаться с Жигулями, видно. А прощаться с родимыми местами всегда ведь невесело, правда? Ну вот, а вы спрашиваете, почему скучно.

Теперь он на Братской стройке. Ему весело там, где ново, там, где трудно, там, где дух захватывает от широты перспективы.

Мне он недавно написал, что все в порядке. Живут, правда, тесновато — их пять инженеров в одной комнатушке, — но зато уже поднимаются один за другим свежие срубы новых домов, так что Ахмет Алхасович дал сигнал семье, чтобы собирали чемоданы.

Из наших «инженеров землеройной службы» под стать Биданокову Павел Волков, «котлованный человек», удивительной работоспособности и редкой выносливости.

Помнится, главный механик Левченко предложил создать первую на стройке техническую конференцию. Он подготовил специальный доклад. Поздоровяд состояло из примеров нерадивого ухода за машинами, вторая половина содержала бесчисленные рекомендации и указания, и только в конце нескольких слов уделено было светлым, отрадным фактам. Причем в самые трудные дни, при любых провалах, при самых мрачных общих показателях таким «светлым пятном» неизменно оказывался участок строительства перемычки для котлована шлюзов, которым руководил Волков. И, конечно же, произ-

несенные под занавес похвальные слова относились к нему, к Волкову. У него и копры на забивке шпунта работают безукоризненно и экскаваторы, все восьмь, ежедневно перекрывают нормы.

Самого Волкова, кажется, даже и не было на конференции. Он не признает смен, ему суток мало: котлован для него — рабочее место, и квартира, и столовая.

Мы с ним старые товарищи, он кочует со мной не первый год. Помни, как он неистовствовал на стройке причалов и мола Балтийского завода. Здесь то же самое. Жена вечером силком тащит его из котлована домой. Он спокойно переносит ее долгие вояши, а мысли его витают где-то далеко, он весь во власти изобретательских идей, он всегда что-то прикидывает, рассчитывает, сбрасывает. Уединенный настолько на ужин, через полчаса он снова появляется в котловане. Здесь у него дощатая, наскальная склоненная будочка с топчаном, жестяной чайник, тетрадки и мыльница с полотенцем. Из благ жизни он приемлет только крепкий чай.

Вечером, после конференции, я увидел его в котловане.

— Ужинай, Павел?

— А как же! Только что. Мы на месяц раньше коначем отсыпку перемычки, шпунт поставлеи, так что можно откачивать воду.

Павел Волков неспроста говорит, что перемычка будет окончена на месяц раньше. Он тут же предъявляет мне с десяток самых категорических требований: давай то и давай это. И я знаю, промедли мы с чем-нибудь, он тут же прничится в управление.

Котлован вытинался и разделялся вширь. Павел Волков уже подсчитал, что в нем после осушения при желании можно собрать на митинг население целой Москвы. На всем огромном пространстве обнаженной земли роют грунт, рокочут, ревут, дымят сотни механизмов, идут вереницы самосвалов. Пыль, дым, острый запах бензина и масла плывут над Волгой.

У всех на устах имена экскаваторщиков. Василий

Лямин или Василий Клементьев? Два молодых машиниста на какое-то время завладели вниманием всего многотысячного коллектива: они показали невиданный пример работы без единой минуты простоя. Две нормы, три нормы в смену. А справятся ли шоферы? Пожалуйста: водитель Илья Константинов на своем самосвале вывозит за смену восемьсот кубометров грунта вместо двухсот пятидесяти по норме.

Этим соревнованием жили и Карцев, и Бидаинов, и Волков, и другие командиры земляных работ. Их обычно лишь мимоходом называли в очерках и радиопередачах, посвященных героям стройки, да и то в скобках, в виде некоего ориентира в сложной организационной системе районов и участков. Мы так усиленно оберегали этих людей от зазнайства, что оставляли их порой в тени, и со стороны могло показаться, будто гигантский экскаваторный штурмовик обходился без организаторов.

...У нас появился и землеройный флот. Он пополнился плавучими спарядами Волго-Дона.

— Разрешите доложить? Михайлов, начальник земснаряда «1000-1», прибыл в ваше распоряжение.

Так вот он каков, этот легендарный волгодонец Виктор Михайлов! Истинный моряк, крепыш, черноволосый, черноглазый, румяный красавец!

— Садитесь. Как дошли от Сталинграда? Как чувствует себя команда?

Дошли неплохо, но только здесь их приняли больно холодно. Поставили где-то далеко на рейде, причалов нет, продовольственный магазин у черта на куличках.

Михайлов просит меня встретиться с командой.

— Поедем.

На земснаряде идеальная чистота, все блестят, сверкает, как на боевом корабле. Дежурные на вахтах.

Здороваюсь, иду в кубрики.

— Что веселья, товарищи?

И тут начинаются жалобы...

Вызываю шофера. Приказываю немедленно при-

везти сюда начальника ОРСа и заместителя начальника строительства по кадрам и быту. Четверти часа не проходит, как они являются, словно на пожар. Да, говорят, исключено получилось.

— Вы слышите, — говорю им, — как нас критикует Волго-Дон? Извинитесь! Возьмите на себя точное обязательство: когда все будет наложено. Мы не смесим отставать от Волго-Дона!

Спрашиваю Михайлова, как насчет работы, когда смогут приступить.

Говорит, надо сначала изучить карту забоев и карту подводных работ. Иши ты, как заправский инженер разговаривает!

Всего несколько дней понадобилось Михайлову на подготовку. Земснаряд его с тех пор в деле. Так и числился первым в нашей флотилии не только по номеру, но и по всем показателям соревнования.

Вскоре после приезда Михайлова заметил я его вдруг в студенческой аудитории иного института.

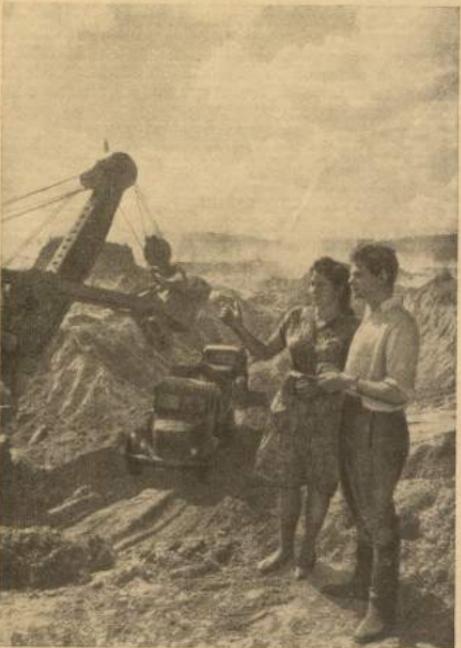
— И вы сюда забрели? — спрашивал его в перерыве.

— Как так забрел? — отвечает. — Меня зачислили. Студент.

Молодец, просто молодец! И на земснаряде чуть ли не полсугодя проводит, и в вечерний институт успевает, да еще дома изобретательскими делами занимается и не пропускает интересных технических совещаний. Завидная энергия молодости!

Главный инженер гидромеханизационных работ Борис Карлович Лингарт дал Михайлова и его коллеге, Виктору Хлюсту, задание — продумать схему так называемой двойной кубатуры. Вот что это значит. Обычно, если земснаряд намывает плотину или перемычку, грунт берут из забоя, где-нибудь на берегу. Если разрабатывается выемка, то сбрасывают грунт куда попало. Но можно же, разрабатывая выемку, посыпать грунт как раз туда, где должна намываться плотина!

Этот метод, ровно вдвое увеличивающий производительность агрегата, быстро распространился на стройке. Начали с нижних судоходных шлюзов. Зем-

Рекорд зафиксирован.

снаряд разрабатывал там котлован, а песок, оказавшийся вполне подходящим для намыва перемычек, гнал по трубам вдоль левого берега к будущей нашей плотине. И еще несколько таких комбинированных выемок и намывов придумали гидромеханизаторы. Умудрялись даже перегонять песок из бетонные за-
вала.

Смекалка и находчивость Михайлова и Хлюста принесли стройке не один миллион чистой экономии.

БУДНИ

Поехал 1952 год. Здорово шагнули мы вперед! Имеем высоковольтные линии электропередачи с воздушными переходами через Волгу. Всюю идет строительство наших городков. Продолжаются широкие изыскательские работы экспедиции Гидропроекта.

Уже связали с железными дорогами площадки обских берегов. Не успели оглянуться, как закончено строительство и даже принято технической инспекцией двести восемьдесят километров железнодорожного пути на наших площадках! Это были великолепные успехи. Они радовали всех нас.

Родившееся в бригаде Василия Ляминина соревнование экскаваторщиков за превышение проектной производительности машин широко подхвачено всеми механизаторами. Девиз лучших — обогнать время. К концу рабочего дня непременно «залезть» в занятвшее здание — вот правило.

Это хорошо. А надо бы сделать еще один шаг, то есть на всю стройку, на все участки, во все тылы распространить пламя этого соревнования.

Но все это же так-то просто: соревнование любит четкую организацию.

Вторая партийная конференция коммунистов-строителей с гневом сказала об отставании стройки жилья и подобных предприятий. Из главных подразделений отставали в ту зиму гидромеханизаторы. Зима объявила им «холодную войну». Понадо-

билось много усилий, чтобы одержать победу над морозом. В те дни мы собирались, помню, обсудить важное техническое новшество, предложенное инженером Ф. П. Алексеевым — циркуляционную установку: на дно укладываются дырчатые трубы, и туда насосами накачивается вода или сжатый воздух, так что нижние слои идут вверх, и эта непрерывная циркуляция не дает воде замерзнуть, чем и пользуются земснарядчики. Они имеют в своем распоряжении постоянную майну — незамерзающую широкую польню, и земснаряд действует в любую погоду, во все времена года.

Зачем так нужен зимний намы? Понятно: мы отстаем с сооружением перемычек. Впереди паводок, и если мы не создадим круговой обороны, пропадут наши котлованы, мы лишим себя плацдарма для наступления на Волту. Вот зачем нужно намывать и намывать в эту лютую стужу, опровергая все старые правила гидромеханизации.

Уже прибыли, в предандении весны, шагающие экскаваторы, приехали с Волго-Дона знаменитый машинист Ермоленко, Герой Социалистического Труда, и сразу же возникли «Курсы Ермоленко»: знатный машинист принялся обучать новичков.

...Как часто на собраниях повторяются одни и те же имена? Оглоблин и опять Оглоблин, Скрипчинский и снова Скрипчинский, Лухота и без конца Лухота... Первые двое имеют дело с грунтом — их критикуют за нелады с экскаваторами, а Лухота, известное дело, допекают за промахи в материально-техническом снабжении. Кому-кому, а уж снабженцам достается!

Начинают критику с Оглоблина и Лухоты, а до-
бираются до меня:

— Обещало было, чуть ли не клялись, понимаете, дать правому берегу дополнительно пятьдесят самосвалов. Распоряжение главного инженера! Бог спасибо-то, думаем, уж мы размахнемся при этих машинах! А что же, понимаете, получилось? А получилось то, что распоряжение отдано, все успокоились, а машин и в помине нет. Вот те и помощь!

Тroe суток прошло со дня распоряжения, а машин нету... Ну что вы скажете, товарищ Комзин?

Что я скажу? Повинюсь, да и только. А меня спросят: и в который раз?

Но вот беда: не у всех хватает мужества прямо сказать руководителю о его недостатках. Сколько их, этих рабочих и воздерживающихся! Я знаю, что они — живой укор мне. Значит, не верят в мою объективность, думают: «А кто его знает, начальство? Ты его критикнешь, а он тебя уволит да еще очернит». Это очень плохо, когда на тебя поглядывают с опаской. Ты должна работать и работать с людьми, чтобы они чувствовали себя сильными в своей правоте. Сам заботься, чтобы подчиненный не боялся тебе возразить.

Помни, один из прорабов, возмущенный непорядками в доставке бетона на эстакаду, разразился такой красочной тирадой по моему адресу, что я даже растерялся.

— Что же это за начальник строительства у нас такой: взгляд у него суровый, ручища, кулачица пудовые, а порядка не видать? Начальник бетонного завода выходит на работу под хмельком, он горя не знает, а мы маемся тут. Два месяца говорим, чтоб навести порядок на бетонном заводе. Нам обещают все, что ни потребуешь, а как до дела, так ищи свидиши. И большой наш начальник, Комзин то есть, размахивает кулаками, а толку нет.

Он обернулся, увидел, что я стою сзади и все слышу, и совершенно спокойно кивнул мне:

— Здрасте, товарищ начальник, вы легки, как говорится, на помине.

Не только не смущился, но повторил мне почти то же самое в упор. А есть критика, как говорят, с маслицем. Выйдет на трибуну этакий игрушечный смельчак и, что называется, режет правду-матку с ужимками бывалого подхалима:

— Надо тут прямо сказать, что наш уважаемый начальник строительства еще мало, еще недостаточно... с нас требует, а мы еще плохо с вами, товарищи, работаем...

С каким удовольствием погнал бы я в шею со стройки такого липкого человека, да нельзя наказывать за критику.

Нет, уж лучше пусть гладят против шерсти, пусть лучше переборщат с критикой, но зато по-честному!

А у нас на собраниях любят гладить против шерсти!

Однажды я опоздал на собрание. Большой зал был забитком набит людьми, и я, вытигнув шеку, стоял в коридоре, прислушиваясь к речам и думал: почему не говорят об управлении? Что у нас там так уж все гладко? Но вот впереди кто-то встал и направился к выходу. Пригнувшись, я пробрался на освободившееся место. Как только выступающий увидел меня, сразу же перешел к другой теме — заговорил о том, что, мол, управление строительства не очень печется о нуждах монтажников. И пошло, и пошло! Вот, думаю, дернула меня пелекая пропасть на это место! Теперь сиди, слушай и запиши.

Крепко досталось всем нам, много исписал я листков, и уже на следующий день партком запрашивает: что делается управлением строительства по предложениям и замечаниям? Такая со всех сторон требовательная критика, что только успевай поворачиваться. Хорошо делает наш партийный комитет, что насяждает такую строгую и гласную, публичную отчетность.

Меня ругают чаще всего за дороги. В самом деле, где там успеть с дорогами! Мы их понастроили сотни километров, по парк автомашин непрерывно растет. Ему этих дорог мало.

Инженер Яковлев приехал из Москвы с интересным предложением: не заниматься мощением проспектов, а монтировать дороги из железобетонных плит; отъездили по этим плитам и, если дорога больше не нужна, собирали и смонтировали в другом месте. Легко вообразить, как это выручит стройку. Достаточно сказать, что вокруг котлована, да и внизу, движение было раза в три интенсивнее, чем в Мон-

Большие запасные частей экскаваторам!

ске на улице Горького в утренние часы, — шел не-прерывный рычащий, гудящий поток...

Отформовать железобетонные плиты непросто, и мы срвнительно быстро пустили в ход своеобразные путекладывающие агрегаты. Надо сказать, что давно уже у шоферов не было такого ликования: машины не буксуют! Дорога без пробок! Можно дать скорость!

Подождите, еще не то принесет нам сборный же-лезобетон!

Наступила новая зима. Третий раз на наших глазах Жигулевские горы одеваются в снег.

Третья зима нашей стройки не похожа ни на первую, ни на вторую. В зиму 1950/51 года первый са-мосвал с породой из будущего котлована пошел по

улицам села Отважного, вызывая бурю ликования у мальчишек. В Отважном еще стояла памятная всем нам ветряная мельница: ее бережно обезжали грузовики и экскаваторы. Долго шадили мы эту мельницу, но в конце концов пришлось с ней расстаться. В тот же год были разобраны и вывезены вверх, на Жигулевские горы, более тысячи кре-стьянских домов. Организовали там поселок Александрово поле, или Пчельник.

А еще год спустя, во вторую зиму, на месте От-важного уже раскинулся гигантский котлован. Там, где стояла мельница, вырос громадный корпус бетонного завода: десять тысяч кубометров бетонной смеси в сутки!

1953 год. Стоят страшные морозы. Вот уже вто-рые сутки 38—40 градусов. Здесь, на вольном волж-ском ветру, градусы эти еще злей. Стужа пробирает насквозь, не дает дышать, колет и жжет скулы, нос, подбородок. Пританцовывая, подходим мы к краю котлована. Неужели экскаваторщики не чувствуют мороза? Смотрите, как спокойно они сидят в своих кабинах — у них там хотя и печка, но все насквозь продувает!

На одном землеройном гиганте сият: «Две нормы в любую погоду!»

Лучшими «Уральцами» управляли в те дни Лу-бенец, Лямин, Коваленко, Ермоленко, Мячев, Евеш. К ним меня всегда тянуло. Зайдешь в будку, где они обогреваются, и засидишься допоздна с молодым народом. Не такая это публика, чтобы с начальни-ком строительства толковать об одних лишь кубо-метрах и процентах. Нет, говорилось и такое, что к стройке не имеет отношения. Однако всякий раз мой приход служил поводом для больших претензий и серьезных запросов. И делалось это как в парла-менте. Наиболее молодой и бойкий Владлен Мячев, экскаваторщик, я бы сказал, нового типа — интел-лигент! — как-то выложил на стол свои подсчеты.

— Сколько стоит кубометр грунта? — спросил меня Мячев в упор. — Почему бы нам, машинистам, не соревноваться за снижение стоимости выем-

ки каждого кубометра? Это самый точный показатель.

Заявился чисто профессиональный разговор. Михаил Юрьевич Еац — он тут на положении консультанта и верховного судьи — дает товарищам приблизительные нормативы отдельных операций: наполнение ковша — шесть секунд, поворот кабины и подъем — семь секунд, выгрузка — три секунды, обратный поворот кабины и опускание ковша в забой — шесть секунд.

— Давно ли мы считали, — с задором спрашивает Михаил Юрьевич, — что двадцать пять секунд на цикл — это находящееся достижение? А сейчас этот норматив легко перекрывает рядовой машинист...

Экскаваторщики ведут счет секундам, потому что у них, как нигде, успех решается четкостью отдельных движений и ритмикой операций. Когда вырабатывается эта артистическая легкость управления машиной, экскаваторщик может быть уверен, что он всегда перекроет норму.

Ковш наполняется без напора, глина в нем не уплотняется и полностью высыпается в кузов самосвала.

Михаил Юрьевич Еац дополняет Михаила Юрьевича.

— Кроме того, — говорит он, — раз ковш наполняется без напора тонким слоем, то, значит, уменьшается давление на экскаватор, а это спасает машину от затопления на влажном основании и в топких грунтах.

Еще один тактический прием: совмещение подъема ковша с поворотом на выгрузку. Это дало машинистам целые две секунды экономии во времени.

Я слушаю внимательно. Учусь.

Михаил Юрьевич рекомендует делать подошву забоя на полтора метра ниже поверхности дороги. Почему? Послушаем:

— Это дает возможность разгружать ковш на высоте трех с половиной метров в строго вертикальном положении и при полном опорожнении. Закрывается ковш одновременно с поворотом стрелы и в это же время опускается в забой.

И здесь выискали три секунды экономии!

Василий Михайлович Клементьев (в центре) получил очередной наряд на земляные работы.

Левобережные экскаваторщики, и среди них особенно Василий Клементьев, перекопавший больше миллиона кубометров грунта, научились на «Уральце» вынимать с погрузкой в самосвалы по три с половиной тысячи кубометров за смену. При занесении ковша в забой они выжимают стрелу настолько, что зубья ковша проходят над грунтом на высоте двадцати-тридцати сантиметров. Наполненный ковш ведется из выгрузки при больших оборотах мотора, а когда остается несколько метров до самосвала, мотор выключается. Экскаватор по инерции продолжает разворот по центру кузова. В тот момент, когда выключается мотор, начинается медленное и плавное опускание ковша на выгрузку.

— Итак, — заключил я беседу, — Владлен Мичев предлагает товарищам экскаваторщикам начать социалистическое соревнование за снижение стоимо-

сти каждого кубометра вынутой земли. Примем? Хорошо! Так начнем с инициаторов.

И бригада Мячева обязалась снизить стоимость выемки на десять процентов. (Если норма выполняется на сто пятьдесят процентов, стоимость кубометра понижается на одиннадцать процентов.) Еще одно условие бригады Мячева. На большой глубине в котловане, в мокрых грунтах, на выемку тысячи кубометров обычно требуется до одиннадцати кубометров леса: устраивается настил, чтобы экскаватор не увязал в трясине. И вот машинисты бригады Мячева обязуются так бережно расходовать лес, чтобы сохранить еще пятинацать копеек на каждом кубометре грунта. Кроме того, старый резерв: не транспортировать смазочное масло и обтирочные материалы. Тут, по подсчетам Мячева, «отломится» еще две копейки на кубометр.

Слишком много, по мнению бригады, расходуется на текущий ремонт. Машинисты взялись на этом деле «заработать» еще по три копейки с кубометром. А когда бригада осуществляет все задуманное, она ежеквартально будет приносить строительству тридцать восемь тысяч рублей экономии.

Мне очень понравился этот поистине бухгалтерский счет, которым несколько дней кряду старательно и с увлечением занимался Мячев вместе со всей своей бригадой. Эти юноши, почти мальчишки, которых ни раз не оторвешь от волейбольной сетки, когда это необходимо, с еще большим азартом и пылом отдаются чисто хозяйственным делам.

Хорошая черта зрелости нашей молодежи!

Мячев ввел в своей бригаде строгий порядок ученья. Каждый машинист обязан до тонкостей знать все нутро экскаватора. Машинисты взялись, все до единого, за три месяца получить дипломы машинистов первого класса, а помощники — дипломы машинистов.

Я был в восторге от предложений бригады Мячева. Почки ее родились в самом забое, он не выдуман в канцелярии, как это иногда случалось.

Даже один процент снижения себестоимости вы-

емки грунта при наших ста девяноста миллионах кубометров — целое состояние!

...Уже больше месяца мы со всем напряжением боремся за окончание перемычек. Ничего более важного для нас нет. Дорог каждый час в этом деле. Но, как назло, на песчаном карьере из-за технических неполадок ежедневно простоят два экскаватора, а начальник экскаваторного участка Чупахин свыкался с этим и, что уже совсем дико, сам на карьере бывает не каждый день.

Плохо с ночными сменами. Никого из начальства ночью не найдешь. Да и я, собственно, тоже стал последнее время отсыпаться, хотя именно сейчас нельзя дремать ни минуты.

По совету партийного комитета переношу на перемычку строительный штаб; устраиваем там нечто вроде командного пункта.

Маленький домик на полозьях. К нему пристроен второй этаж. Разместили мы там, наверху, шесть солдатских косок, поставили тумбочки, завели кухонное хозяйство с двумя сковородами для яичницы и электрическим чайником. Сделали запасы чая, сахара — чего нам еще нужно ночью-то! Теперь я все время нахожусь, как говорится, на переднем крае. Треск отбояного молотка, скрежет экскаватора, завывание моторов автомашин вначале не дают спать, но привыкнуть ко всему можно. Тем более что спать-то приходится часа три, не больше.

Быстро мы освоили, обжили командный пункт. День в маленьком домике начинается еще до рассвета. Ангелина Васильевна, секретарь управления, в такую рань уже имеет подобранные для меня и для главного инженера бумаги. Даже здесь, ничто и никто не избавит тебя от бумаг: всегда что-то надо подписать, рассмотреть, утвердить, и, как ни борись с бюрократизмом, бумажный поток всегда больше ожидаемого.

С нашим переездом на перемычку дело несколько улучшилось. Да и не мудрено: мы держим под наблюдением каждый экскаватор, все недоразумения разрешаются немедленно — не то что переписки, но и

телефонных винтов не надо. Ежедневно проверяем ход работ, замеряем физические объемы, глубины, площади разработок.

В первое же утро после переселения на перемычку иду на земснаряд, где начальником Иван Кулинич. Этот агрегат вместе с агрегатом Виктора Хлюста должен обеспечить усиление перемычки прымывом грунта.

Идти пришлось к земснаряду по льду. Экипаж там боевой: приехали ребята с Волго-Дона. Вот Иван Кулинич собрал в обеденный перерыв всю команду. Дай, думю, поговорю с ними о почине бригады Мячева. Земснарядчики, оказывается, тоже имеют математические выкладки подобно мячевским. Они тоже знают, где у них лежат копейки и рубли. Охотно подписывают обязательство: несмотря на зимнее время, снизить стоимость кубометра намытого грунта на двенадцать процентов.

Меня провожают гурьбой.

— Будет порядок, товарищ начальник! — заверяет Кулинич.

Теперь можно уже сказать, что они не подвели. Зимний намыт шел бесперебойно и удачно. Перемычу надлежно подняли и укрепили.

У нас теперь главный левиз: «Все для перемычек!» Стойка исписана призывами: «Лучших шоферов — на перемычки!», «Раньше всех возить грузы для перемычек!», «Камень и щебень прежде всего — перемычкам!», «До паводка во что бы то ни стало закончить перемычки!»

Перемычки — это хребет стройки. Общая их длина тридцать с половиной километров.

До ледохода предстояло смонтировать опоры для канатной дороги через Волгу. Пока лед крепок, надо действовать, потом с водой трудненчик будет тянуть тросы.

Приехали первые монтажники — Михаил Соболев, Борис и Иван Войтовы, замечательные бывалые люди.

Мы рады, что лед крепок, но морозы могли бы быть помягче. Для марта слишком уж лютая стужа. А монтажникам надо ставить опоры высотой в два-

Гидрологи за работой.

дцать пять и тридцать метров, возвиться на высоте с тростями и проводами, крепить на ветру каленый морозом металл.

Когда я пришел к месту работ бригады, монтажники доложили мне, что тринадцать опор из девятнадцати уже поставлены: применили хитрую подъемную установку Бориса Брайтова, мачту-деррик.

Хотел было я, накороб побеседовать, уйти по другим делам, да не тут-то было. Монтажники с высоты, оказывается, подмечают такое, чего не увидишь с высокого должностного поста.

— Нажмите на Карцева, — с первых слов потребовал от меня Соболев.

Оказывается, через несколько дней монтажники, как они говорят, «упрутся в Карцева»: не готовы фундаменты для правобережных опор.

— Так что уж вы, пожалуйста, вмешайтесь, — на прощание просит меня хором вся бригада. — Чтоб понимаете, на апрель ни одного пустячка даже не оставлять. В марте рассчитываться с Волгой целиком и полностью, подчистую!

Ледоход начался неожиданно. В начале апреля, ничего не подозревая, мы пошли пешком через Волгу — и вышли на тот берег почти по пояс мокрыми. А наутро с треском и грохотом лед тронулся. Бурный и стремительный был ледоход. Тысячи людей собирались на берегу и стояли как зачарованные перед волнующим зрелищем торжества весны.

У правобережной перемычки, где Волга сужена почти наполовину, создался ледянй затор. Льдины накапливаются, громоздятся одна на другую, теснятся у высокого берега, и порой кажется, будто Волга обессилела, остановилась, ледоход прекращается. Но вот слышатся сначала далекие раскаты, потом треск, льдины начинают медленно надвигаться одна на другую, и вся эта громада с сокрушительным напором движется дальше и дальше...

На четвертый день паводка выглянуло и разлилось щедрое солнце, такое ослепительное и жаркое, совсем как летом.

На нашем командном пункте выставлены рамы,

в тесные, насквозь прокуренные комнатушки хлынул живительный шквал весеннего воздуха.

Мы внимательно следим за водой. Сегодня она наш враг, но в будущем станет другом. Малейший прорыв воды в котлован грозит нам неисчислимым убытками. Мы создали что-то вроде чрезвычайной тройки по наблюдению за ходом паводка.

Посередине Волги горделиво высится наша многострадальная десятая опора. Основание ее обнесено тремя рядами шпунта — получилось что-то вроде железной банки. Под защитой этой «банки» положен бетон в фундамент шестидесятиметровой мачты.

Разве забудутся дни сооружения этой опоры!

Это было минувшей осенью. Мы должны были нанести на стремянине песчаник остров. Для этого подтянули лучшие земснаряды, которые способны были пересипить Волгу, то есть намывать грунт с такой интенсивностью и скоростью, чтобы бег реки — два метра в секунду! — не успевал его уносить.

В штаб к тогдашнему начальнику гидромеханизации Сергею Ивановичу Блохину не раз сообщали с реки, что среди бурной Волги уже показалась «земля» — основание опоры в виде островка. Но не успевали передать эту волнующую весть мне, как выяснялось, что намытый островок исчез под водой. Поэтому не верилось, действительно ли показывался из-под воды кусочек намытого грунта. Но и в способности Волги размыть любой островок сомневаться не приходилося. Так оно, конечно, и происходило. Едва земснаряды поднимали гребень основания опоры, как река смывала слабую верхушку.

И только через десять дней после начала намыва Сергей Иванович наконец позвонил мне с горделивой уверенностью:

— Приглашаю вас прогуляться по островку.

И мы действительно неторопливо прошлись по твердому основанию будущей опоры: двадцать семь метров в ширину и тридцать два в длину.

Назовем его, этот остров, островом Достижений, — предлагает Сергей Иванович, склонный, как и другие гидростроители, к романтике.

— Ладно, назовем так.

При мне забрался на островок бульдозер. Зачем, собственно? А затем, объясняют мне, чтобы разравнивать камень, выбрасываемый сюда с барж. Я их похвалил, но бульдозер все-таки велел на всякий случай убрать.

— Да и сами уходите, уже семь часов, зачем на ночь глядя торчать здесь?

А наутро...

Мы стоим на берегу Волги с Николаем Максимовичем Иванцовым — в то время он был начальником филиала Гидропроекта в Ставрополе, стоим и глядим, как бушует Волга. Тяжелые льдины атакуют наш искусственный остров.

Прошло всего каких-нибудь две минуты — я мешал из стороны в сторону, ловя угнанную ветром фуражку. И к нашему изумлению, за эти две минуты ледоход успел начисто срезать островок, по которому мы накануне вечером победоносно прогуливались с Блохиным.

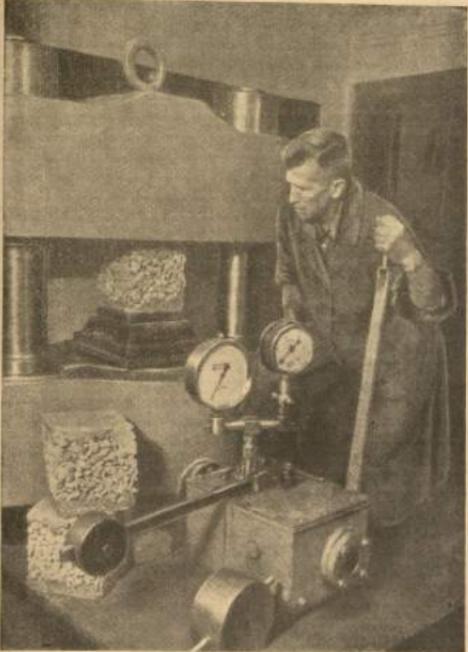
Острова как не бывало!

Теперь я уж не помню, сколько раз неутомимыми руками строителей создавалось основание для десятой опоры, впоследствии хорошо послужившей Гидрострую.

Сегодня с утра очень людно в приемной. Это пришли изобретатели и рационализаторы. Приглашаю всех в кабинет: давно не встречались с глазу на глаз.

Передо мною на столе лежит справка производственного отдела: за год рационализаторы дали три с половиной миллиона чистой экономии. Это очень много, но не для такой стройки, как наша. Экономия была бы значительной, если бы в отделах управления держали под контролем каждое предложение. Аппарат наш иной раз показывал чудеса оперативности, но, к сожалению, не отличался широтой перспективного взгляда, чуткостью к новым идеям, иллюзиями.

— Хорошо, товарищ Журавлев, — спрашиваю я руководителя бюро изобретательства, — за два

Наш бетон проходит испытания.

месяца поступило двести предложений, так сколько же из них внедрено?

Внедрено, оказывается, одно-единственное. Где же другие предложения? Вот они: начальником проектного отдела Измайлова оказался хранителем пятнадцати предложений, у начальника производственного отдела Зерцалова их восемь, а начальник гидромеханизации Шкундина перечтотая всех — у него похоронено в канцелярских дебрях пятьдесят шесть предложений.

Ну хорошо же! Отпечатаем стенограмму сегодняшней беседы, разошлем всем начальникам районов, главным инженерам и начальникам участков. Пусть они видят, как мы равнодушны к драгоценной инициативе людей, отдающих все свои силы, все свои мысли совершенствование строительства.

Вечером того же дня собрал инженерно-технических работников. Зачитывав им стенограмму беседы с изобретателями. Кто хочет выступить? Никто пока что. Наконец после тягостного раздумья поднимается Зерцалов:

— Оправдываться тут нечего. Надо ломать самую систему работы с изобретателями.

Я не могу сказать, что положение сразу же изменилось. О, если бы это было так! Тогда бы совещаниями лечили любую хозяйственную хворь.

...На следующий день встреча с нашими женщиными. По правде сказать, я и не подозревал, что их так много среди строителей на всех участках.

Зал шумит.

Объявляем, что никакого официального собрания мы проводить не намерены, а просто хотим посоветоваться с женщинами, как нам лучше организовать их труд на строительстве, и вообще, какие соображения могли бы они высказать нам, руководителям.

Первой выступила инженер Гамара Петровна Кондрахина. Она пришла на стройку в самом начале, в «древнейший период», как мы именуем 1950 год. Ее инженерный пост на гребне целиковой перемычки правого берега. Послушаешь Тамару Петровну, так и кажется, будто говорит боевой командир, только что прибывший с переднего края. Кондрахина толкует

об атаках, о развертывании наступления по всему фронту и, только перейдя к вопросам учета, меняет военную терминологию на бухгалтерскую.

Следом за ней вступает в разговор буровой мастер Татьяна Сергеевна Фастовец. В течение года эта женщина изо дня в день дает две-три нормы на бурение.

— Можно бы еще больше, но нас... режут трубы: привозят их не вовремя. Опять же и посуду для кернов дают неизменно. А мы должны работать аккуратно.

Старший десятник Лариса Михайловна Ульянская, работающая на строительстве жилья, со знанием дела критикует проекты, во многом отставшие от индустриальных возможностей строительства.

Встреча с женщинами многому научила. Участники беседы по-настоящему знали и критиковали наши производственные дела, помогли нам реальное представить себе, что же такое, в сущности, женский труд на таком строительстве, как наше. Проблема женского труда сливается с проблемой механизации. Женщина и тяжелый физический труд несовместимы на строительстве. Ведь что такое строительный труд, посильный женщине? Это вдумчиво организованный и хорошо механизированный труд.

И можно сказать, что само присутствие женщин на стройке обязывает нас, мужчин, прилагать все усилия к полной механизации работ. Это, как говорится, дело нашей мужской чести.

Девушки наши задают тон в комсомоле и верховодят на контрольно-комсомольских постах. Какая это вообще шумная, задорная молодежь, готовая ко всему, не признающая трудностей и преград!

Пришел я в комитет комсомола поблагодарить «посты» за огромную помощь стройке. И, кстати, спросил: кто же это вешает «молнии» на дверях моего кабинета? Оказывается, это проделывает Мария Матковская, работающая у нас в проектном отделе и связанная со всеми постами на объектах. За заслуги в строительстве она была награждена Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. Эти «молнии» не только крепи-

На курсах шоферов.

куют недостатки, но и показывают лучших наших производственников.

...Как-то вечером пришел ко мне с новым предложением шофер Иван Музлов. По его почину автомашины начали работать звеньями. «Звенья дружбы и взаимной выручки». В случае поломки машины или прокола шин водители помогают друг другу, делятся запасными частями и, как правило, ремонтируют машину на линии.

— Ну и не ново, — сказал было Малыгин, когда Музлов изложил свою идею.

Мы все набросились на нашего главного автомобилиста и, как говорится, заклеймили позором его отсталые настроения и клеймили до тех пор, пока Георгий Федорович не признал, что одно дело знать о звеневой системе, другое — внедрить ее в практику.

— Вообще-то это дело хорошее, — сдался он.

Но вскоре тот же Музлов поставил вопрос о дорогах. Фронт работ в котлованах расширяется, нуж-

ны все новые и новые подъезды, и очень обидно, что в такую страдную пору, когда разгорелся энтузиазм экскаваторщиков и шоферов, много землеройной техники бездействует. А на дорогах изнемогают моторы буксующих и вязнущих машин. Не подготовились мы к распутине!

Что же делать? Решение принимаем рискованное: остановить работы в котловане на пятьдесят суток и заняться дорогами, немедленно начать строительство новых подъездов и ремонт прежних.

...Что-то у Бориса Загородникова затягивается бетонирование нижнего щлоза. Ночные смены не выполняют плана. Не хватает арматурщиков. В котловане сырь, грязно, мало насосов, а между тем я-то знаю, что насосы, именно такие насосы, какие здесь нужны, имеются на базах и правого и левого берегов. Просто снабженцы зевают.

Я спросил Загородникова, не думает ли он, что я за него пойду по базам получать насосы или что насосы сами придут...

— Возьми же за грудки снабженцев!

Какие-то люди мгновь выскочили из кабинки, со двора послышался рев машины: поехали, видно, за насосами.

Погодите, я приду проверю. Накажу Бориса Загородникова, накажу при всей моей любви к нему. Пусть только попробует застриять на вчерашнем объеме работ!

Прихожу. Да, начата укладка бетона в тело шлюза. Смотрю и удивляюсь: на участке Ливанчука подготовлено к бетонированию целых семь блоков. Водопонизители укрошают подземные реки.

Настроение у меня поднялось, но к обеду получил «Правду» с колючими строками: передовой говорилось, что мы, куйбышевгидростроевцы, плохо используем новую технику и заряжены индивидуальными настроениями: избалованы обильем машин. Это не в бровь, а в глаз. Правда же, не наша заслуга, что стойка так богато оснащена, не наши бахвались механизированностью рабочего — это сделала для нас страна, ее промышленность. Зато бескультурье

в обслуживании машин, небрежный уход — вот это уже неотъемлемая наша вина, целиком наша. И когда я об этом думал, опять не идет из головы Борис Загородников, прославший у нас вымогателем машины. Он всегда норовит выпросить лишний кран, экскаватор, бульдозер. Сколько мы его убеждали, что работать надо не числом, а умением, что надо бы весь пыл направить на освоение полной мощности механизмов. Проходит день-другой, а он опять за свое: «Дайте еще кран!..» Пришлось предупредить даже в приказе. Подействовало.

ПРОРЫВ

В Гидропроекте я наслушался страшных историй о прорывах перемычек и затоплении котлованов, об авариях и катастрофах из-за неосторожного обращения с большими реками. Страшали меня усиленно. Это был своего рода педагогический прием.

В самом деле, спрямимся ли мы с Волгой? Первая перемычка должна сократить русло почти наполовину — задача более чем смелая.

Но Волга покорно отступила. Ничего не произошло. Сброшенный под лед каменный банкет, едва только прошел первый паводок, обволокла пульпу, мощно бившая из жерла земснарядов. Каменная гряда постепенно вырастала в земляной вал, и неискушенному человеку могло показаться, что так оно и было издревле, что это работа самой природы.

Я совсем перестал думать об авариях и прочих страшных вещах, как вдруг зимой сердце заняло тревогой: в перемычку замыли лед, большие куски льда, исмотря на все старания гидромеханизаторов, все же попадали в пульпу. Воображение рисовало мрачную картины: вот наступит тепло, лед растает, образуются пустоты, грунт оседет, перемычка, как при горных обвалах, рухнет, и ее сметет могучим течением Волги.

Главный инженер Шапошников успокаивает:

— Ничего, не беспокойтесь! Лед у нас там ле-

жит, как в консервной банке, он никак не может расстаться.

Да, но лед неподвижен, аморфен только до тех пор, пока к нему не проникла вода. А если проберется через грунт струйка, если Волга найдет лазейку?

В эти дни тревог и опасных предчувствий мы получили сообщение о том, что к нам едет комиссия во главе с Сергеем Яковлевичем Жуком.

Жук привез с собой известного гидротехника Николая Васильевича Разина, нынешнего нашего главного инженера, Малышева, главного инженера проекта, Барабанова, прославившегося на Чимле.

Прежде всего комиссия спросила, сколько льда в перемычке, где он и в каком положении.

Выслушав ответ, Жук покачал головой:

— Нескладно получилось.

На второй день комиссия собралась прямо на перемычке. Долго расспрашивали, просмотрели всю документацию — инженерную и гидрологическую. Наконец вынесли решение: усилить перемычку дополнительным грунтом. Причем намыть надо было быстро, до ледохода, а мы к тому времени не овладели зимним намывом. Чтобы земснаряды качали пульпу зимой, надо вырубить во льду майну, расчистить ее и затем — самое главное! — не дать ей замерзнуть.

Первым привели в боевую готовность земснаряд знаменитого гидромеханизатора Виктора Хлюста. Проложили трубы по льду.

Дело идет к весне, но морозы еще крепкие. Как уберечь майну, как уберечь от «закозления» трубы, ведь в такой мороз пульпы недолго замерзнуть внутри труб?

Гидромеханизаторы тут-то и применили недавно найденное остроумное средство против замерзания майны: проложили по дну Волги двухламбовые трубы с просверленными отверстиями и пустили по ним сжатый воздух. Таким образом, нижние теплые слои воды поднимались вверх, а вода при непрерывном движении, как известно, не замерзает. А трубы пульпопровода обезопасить уже было не так трудно: качай без перебоев!

Накануне вся поверхность перемычки была очищена от снега и льда, мы бросили туда все силы. Виктор Хлюст получил команду начать намыв. Земснаряд изготавлился. Сначала пустили струю чистой воды, она смела остатки льда и мусора, а затем — шквал пульпы на всю мощность земснаряда: тысяча кубометров грунта в час!

Мы идя шаг не отходили от земснаряда, все смотрели и любовались красотой и мощью нашей техники, умением и доблестью славной команды Виктора Хлюста.

Пульпа растекается по большой площадке — грунт оседает, а вода уходит в шахтные колодцы. За ними надо зорко следить. Как бы ни была велика площадь намыва, мощные земснаряды могут забить эти колоды. Нужно вовремя нарастить колодцы, иначе образуется озеро, очень опасное для намыва.

Исследования показали, что ни этот раз в грунте не было замыто ни одного кубического сантиметра льда.

Теперь мы спокойны. Ждем весны с легким сердцем и с возросшей верой в свои силы.

...Еще в самом начале работ среди инженеров заметилось два течения. Одно возглавлял Карцев, другое — Шапошников. Группа Карцева требовала: «Скорее в воду!» Она жаждала немедленного штурма Волги. Группа Шапошникова, наоборот, наставляла на том, чтобы сначала во всем объеме построить дороги, подсобные предприятия, жилые поселки, а тогда уже выйти на берег. Романтики и реалисты, горячность и хладнокровие.

Вся трудность положения начальника строительства заключалась в том, что обе группы по-своему были правы: и ждать нельзя, и напропалую действовать нельзя.

Мы решили дать им поспорить, скрестить мечи в дискусии. С самого начала преимущество оставалось за группой Шапошникова. На разговоры уходило много времени. Управление оглашалось порой такими отчаянными криками, такими ожесточенными спорами, что моего инженерного авторитета и власти начальника не хватало для умиротворения сторон.

Я пригласил третью сторону — автора проекта Малышева. Со свойственной ему уравновешенностью и миролюбием он предложил принять комбинированный вариант: усиленно создавать базу, но и не мешкать с основными гидротехническими работами.

Мне предстояло выпустить окончательное решение. Предложение Малышева, внешне компромиссное, по сути означало поддержку Карцева, к чьим доводам, надо признаться, я с самого начала относился более сочувственно, чем к предостережениям Шапошникова. Но неудобно принимать решение напрекор главному инженеру строительства. Поэтому и я, подобно Малышеву, нашел примирительные формулировки, не препятствующие, однако, решительному выходу на Волгу.

А в это время в Москве — дело было осенью 1951 года — обсуждались планы на предстоящий год. Мы послали далеко идущие наметки и требования. Просили тройного увеличения капиталовложений, много новой техники, пополнения рабочей силы. Долгая дискуссия укрепила нашу решимость наступать по всему фронту с одинаковым напряжением: и врезаться всей мощью в Отважненский овраг, где разрабатывается «сухопутная» часть главного котлована, и двинуться с левобережной поймы еще одним каменным валом для постепенного ограничения волжского русла, и готовить производственные мощности для механизированного изготовления бетона, и продолжать с нарастающей силой строить дороги, жилые дома, мастерские, гаражи, склады, причалы.

На обоих берегах объем земляных и бетонных работ был примерно равным. По проекту и там и тут предстояло построить по триста тысяч квадратных метров жилья, и там и тут проложить сотни километров шоссейных и железных дорог, соорудить огромные крытые склады, создать базу строительных материалов, монтировать бетонные заводы-гиганты, соорудить арматурно-сварочные заводы, оснащенные кранами и сварочными агрегатами, возвести авторемонтные, камнеобделочные заводы... И наряду со всем этим, не откладывая, вести отсыпку каменного

банкета на дно Волги — этого подводного фундамента для перемычек, которые оградят котлованы.

Спустя какой-нибудь месяц Москва откликнулась щедрым решением. Мы получили почти все, что просили. Это вызвало необычное вдохновение.

Опять во все газеты полетели статьи, пропагандирующие Куйбышевгидрострой, и письма к заявлям-поставщикам, к строителям, к колхозникам, к воинам. Мы призывали подкреплять, осенять, пополнять людьми нашу стройку.

Подходили к концу работы на Волго-Доне и Цимле. Кто же, как не мы, должны стать наследниками всей техники Волго-Дона и богатого опыта строителей, кто, как не мы, должны принять к себе героев и мастеров этих строек! К нам, к нам, товарищи!

И вот с Волго-Дона и Цимлы начали приезжать инженеры, техники, рабочие-механикаторы. О, как это крепкий, талантливый, горячий народ! Мы-то ведь только собираемся ринуться в Волгу, а они уже велась поработали на ней, вошли во вкус.

Владимир Иванович Севастьянов — начальник строительства знаменитой Карповской насосной станции, Александр Петрович Александров — Герой Социалистического Труда, строитель Красноармейских шлюзов, Григорий Степанович Климин и Федор Иванович Резчиков — оба из Цимлы, оба плотники.

Каждый из них мог, что называется, с ходу взять на себя руководство большим коллективом. Мы радовались и гордились, что получили столько ценных людей.

И теперь, когда нашего полку прибыло, ринулись главными силами в Волгу.

Как боевая карта командира, расписан был, раскрашен во все цвета наш Стройгендплан — единственное в своем роде руководящее пособие, самое популярное и авторитетное для каждого инженера и рабочего. В нем и наша строительная география, и объемы, и движение работ во времени и пространстве, и расстановка техники, и сложная система связей между подразделениями, и порядок чередования и совмещения работ.

В тылу великой стройки.

Волга диктовала свои строгие условия организации работ. Это ведь не сухопутная стройка с единными коммуникациями. Это и не морская стройка, где вся техника сосредоточена в одном месте на берегу. Наша стройка разделена водной преградой. Не будешь с каждым кубометром бетона форсировать реку. Надо строить базы на обоих берегах.

В феврале 1951 года мы вынули первый ковш из котлована под будущую гидростанцию, а к концу 1952 года железный лязг раздавался повсюду, веселые огни на мачтах убегали в Жигули, ослепительными россыпями вспыхивали за сосновым бором, куда переселялся на новое жительство старинный Ставрополь, в Кунеевке, где рос молодой Комсомольск, в Морквашах, ставших потом нашим деревообделочным центром, в новом Порт-городе, возникшем на повороте живописного левобережного шоссе.

В эту пору как-то приехал в Ставрополь в отпуск к старикам родителям мой товарищ по учебе.

— Поедем, — говорит, — Иван Васильевич, по любуемся ночной Волгой.

Он заговорил о том, как хороши берега его детства.

— Ладно, Николай Степанович, поедем.

Поехали. Остановились возле старой пристани. Вышли на берег.

— Слушай, а что это за огни там, на правой стороне? Ух, бог ты мой, а там вон что такое?.. Постой, постой, а где же ту село Отважное?

Не узнал человек берегов своего детства. И уже не он, а я давал объяснения. Вот он, город Жигулевск, вот поселок Яблоневом овраге, вот наш Комсомольск, дальше светится Морквица.

На следующий день мы с ним поехали в котлован. Там он и вовсе растерялся. На пятидесятиметровой глубине в огромной чаше котлована стройка кишила экскаваторами и автосамосвалами. Над котлованом гремела железная бетоновозная эстакада, похожая на стапицию с развитыми путями, разъездами и стрелочными переводами. В люки из тяжелых балей с грохотом падали груды бетона. Глянешь вниз, в блоки, куда летят бетон, — там ощущалась острыми стережими арматура. Неподалеку едут, как на горжественной процессии, новые и новые армокаркасы. У края котлована уже видна, словно проросшая из невидимых корней, светлая гладь первой бетонной стены сопряжения.

— Ну как, Николай Степанович?

В ответ он лишь покачал головой и понтересовался, скоро ли я поеду из котлована обратно, а то он сам дорогу к дому не найдет и еще, чего доброго, заблудится в родных местах.

Основательно мы влезли в Волгу. Однако...

Нечего сказать, хороша консервная банка! Лед, оказавшийся внутри перемычки, повел себя отнюдь не так, как гарантировал вам Шапошников.

Консервной банки не выпшло. Вышла большая неприятность. На рассвете поднял меня своим звонком Федор Иванович Резчиков, руководивший тогда земляными работами в котловане гидростанции.

— Вода идет через перемычу! Пока немного, литров тридцать в секунду...

Когда я выбежал из дома, на ходу одеваясь, в машине уже ждали Разин и Кошев, тогдашний секретарь парткома.

Быстро на катер. Летим к правому берегу. В страшном волнении, не дождаясь трапа, прыгаем с катера на каменный откос перемычки. Взираемся на гребень и видим: уже не литры, а бурный поток бежит в котлован, целая река устремилась сквозь громадную промону.

Ясно: ледок растаял, образовались пустоты, вода их нашла, пробилась, размыла и грозит снести все.

А в котловане работают тысячи людей, техника. Там наши трехлетние труды. Там судьба стройки.

Я вижу, как побледнев Разин. На Резчикове лица нет. Кошев мечется.

Именно в эту минуту поразил меня своей выдержанкой и решимостью Разин, который原先 предстался нам чересчур академичным. Он подошел ко мне и заговорил резко, четко:

— Во-первых, надо не меньше ста пятидесяти машин для подвозки камня. Во-вторых, машин сто для подвозки глины. Насыпать немедленно пять тысяч мешков песком и сосредоточить их здесь, у прорыва. Спустить водолазную команду и обследовать промону. Хорошо бы подать десяток барж с камнем.

Все, что Разин сказал, тут же объявляется приказом. Связисты подают мне микрофон, и я обращаюсь к десяткам тысяч людей, стоявших на гребне перемычки:

— Товарищи строители! Нас постигла беда! Котлован в опасности. Приток воды ежесекундно увеличивается. Но решительными и организованными действиями можно ликвидировать аварию. Всем за работу! Объявляю следующую расстановку сил...

Называю ответственных за машины, за камень, за глину, за мешки с песком.

Неподалеку, окруженный рабочими, стоит Биданов. Это обступили его охотники, смельчаки, готовые нырнуть в Волгу, чтобы найти промону. Особен-

но настойчиво напрашивается бригадир Ахметьев. Он улучил момент и подскочил ко мне:

— Разрешите, товарищ начальник, слезить?

— Это что еще за безрассудство! Водолазы с минуты на минуту прибудут.

— И-э-э!. — Он резко взмахнул рукой и ушел в гнезде на робкое начальство, с которым каша не сваришь.

А вода бежит. Вот уже обрушена внутренняя часть перемычки, дошло до шпунта. Но шпунт закреплен двумя рядами металлических анкеров и, по уверению специалистов, должен устоять.

Отчаянно гудят машины, доставляющие камень и мешки с песком. Сотни людей кидаются разгружать их, образовав живой конвейер. Как ни быстро идет разгрузка, а машины уже вытянулись с обеих сторон в длинные очереди — слева и справа. Больше неоткуда подъехать; по единственной глубокой изъезженной колее в две колонны не проедешь.

Пыль столбом стоит, и мы долго не можем разобрать, есть ли какой-нибудь толк, ложится ли камень на место, попадает ли мы в точку. Но вот выясняется, что толку никакого: весь тысячетонный груз относит, разбрасывает в стороны. А промоина расширяется. Два часа бились и ничего не достигли.

Между тем старшина водолазной команды Сергей Милеант делает уже четвертую попытку спуститься в Волгу с наружной стороны перемычки и определить, где же размыто. Задача у него серьезная. К самой бреши приближаться опасно: поток увлечет в прорви и погубит.

Сергей прикрепил к себе дополнительный трос: при первом же сигнале мы потащим его вверх. Ну как? Оять ничего. Отдохнув немножко, старшина в пятый раз спускается под воду, блуждает там несколько минут и, наконец, резко дергает сигнальный трос и слабым, глухим голосом хрипит в телефон: «Нашел! Меня начинает втягивать! Скорее поднимайте, скорее!» Осторожно, сантиметр за сантиметром тянем его сначала против течения, а потом вверх и поднимаем на поверхность. Едва освободив-

шись от вододозных доспехов, он подробно описывает нам, где находится и как выглядит промоина.

— Ух, с какой бешеной силой тянет туда воду!

Теперь «бомбардировка» ведется уже более или менее прицельно. Но все равно камень летит как в прорву. Кто-то предложил бульдозерами стапкивать сразу горы камня. Попробовали — идет хорошо; но вот бульдозерист не рассчитал, сорвался с кручи и полетел в воду вместе с машиной. Отчаянный этот парень вынырнул благополучно, а механизм мы уже решили оставить до поры до времени под водой. Сейчас не до него.

Аврал возобновляется с новой силой. Уже вручную тысячи людей кидают мешки и рогожные кули с песком, крупные камни, глыбы глины. Свернули к нам шедшие в сторону Куйбышева баржи, груженные камнем. На одну из них переправили бульдозер, и он быстро сгреб и выбросил весь груз.

Уже вечерело, когда Резников, весь перепачканый в глине и мокрый с головы до ног, выбрался на перемычку со стороны котлована с восторженным криком:

— Утихомирили!

В самом деле, воды стало заметно меньше.

— Не успокаиваться! — строго указывает Резников. — Кидать и кидать! С Волгой шутить нельзя!

А мне на ухо шепчет:

— По-моему, мы победили.

Окончательно же мы одержали победу к следующему вечеру, когда котлован был запечатан наглухо и ни одной капли воды не просачивалось.

Людям дан был приказ отоспаться.

ДНИ СТРАДЫ

БОЛЬШОЙ БЕТОН

Два года готовились мы к генеральной битве — большому бетону. Оснащали и проверяли армию, которая должна ринуться в наступление. Наступление, правда, особое — впереди крепость, которую надо не сокрушить, а построить.

Восемь миллионов кубометров бетона — такова

мощь всех бастионов этой крепости. Хватило бы работы на долгие годы, если бы не наши бетонные заводы-автоматы, бетононасосные станции, виброхоботы, монтирующие бетонозаправочные эстакады.

Еще не был готов когтеван, а мы уже мечтали, во сне видели — идет большой бетон! Ждали долго и терпеливо. Ежедневно диспетчерское совещание за диспетчерским советцанцем с поголовным опросом, с перекрестным экзаменом, со взаимной критикой, бесчисленными претензиями, спорами. Тема одна: подготовка к большому бетону.

Экие, скажут, заседальщики! Но не спешу каяться. Диспетчерские совещания — это средство коллективного творчества. Там все на виду. Там критикуют, спрашивают и проверяют взаимно.

Есть у нас еще коммутатор, к которому присоединены все главные районы строительства. Утром, когда я выслушиваю рапорт главного диспетчера, сколько вынуто грунта, заготовлено арматуры, уложено бетона, рапорт этот слышит вся стройка. И каждый руководитель со своего поста может подать голос. Он уж никому не даст сорвать. И ошибиться трудно — тотчас поправят. Начальник, таким образом, получает сведения, выдержавшие огонь критики, обстрелянны, выверенные.

Хорошо бы, конечно, к этому аппарату присоединять телевизор, который показывал бы, что делается на участках. Может, на следующих великих нашихстройках, на сибирских энергетических гигантах, так и будет. Только пусть не думают товарищи руководители, что тогда можно будетсиднем сидеть в кабинете. Нет, при любых усовершенствованиях надо будет много ходить, лазить по стремянкам и вверх и вниз. Потеряешь в весе физическом, зато прибавишь в весе моральном.

Итак, бетон.

Первые кубометры были уложены в дни, о которых я должен был бы рассказать раньше. Это памятные сто тридцать кубометров. Эвонкие, я бы сказал, кубометры!

В Куйбышеве готовилась областная партийная

конференция, и наш коллектив решил ознаменовать ее первыми кубометрами большого бетона.

Доставили в котлован несколько самосвалов бетона и торжественно уложили его в будущую рисберму. Эти самосвалы грохнули на всю страну. Нас так горяко поздравляли, что стало неловко. Ведь это было только начало, пробы, а не настоящий большой бетон.

Лишь спустя много месяцев действительно пошел большой бетон.

Котлован к тому времени являл собой поистине величественную картину. С обрыва, с гребня перемычки, с бетонозовзрывной эстакады дно котлована представлялось гигантским муравейником. На стометровой глубине хлопотали тысячи людей, копошились экскаваторы, ползли самосвалы, суетились автопогрузчики. Днище и откосы были разливаны бесчисленными колесами.

Долгие месяцы дно котлована было рабочим местом, и люди устраивались в этой громадной чаше с относительными удобствами: прикрылись от дождей навесами, обзавелись контролями, будками, сараями, выставили щиты с показателями, развесили плакаты, призызы.

Наверху, за шпунтовой стенкой и перемычкой, бьется о камень Волга. А здесь сухо. На совесть поработали водопонизители. Они отвели подпочвенные воды. По контуру котлована в три ряда пробурили триста шестьдесят четыре, а на всем строительстве семьсот семьдесят шесть артезианских скважин, и насосами выкачивали по 33 миллиона кубометров воды в месяц.

Экскаваторы в котловане гидростанции уже стоят на двадцать метров ниже уровня Волги!

Поздним вечером мы выехали на правый берег в котлован. Тьму разрывали молнии электросварки — это ширился «железный фронт» под бетон, варилась арматура, собранная в густые сетки, в крупные фермы и мощные блоки будущих фундаментов, быков, стен. На эстакаде готовились принять первый бетонозовзрывной поезд — огромные бады уже были

погружены на железнодорожные платформы. Двадцать четыре виброботы нацелились в развернутые блоки сооружений...

И вот на эстакаду торжественно въехал первый бетонозовзрывной поезд. Не знаю, что прозвучало громче — гул восторга тысячи людей или грохот бетона, обрушившегося из бадей в бункера и оттуда через виброботы вниз.

Пошел большой бетон!

— Товарищ начальник, товарищ начальник! Почему фотограф нет?

Но что делать фотографам, если они уже несколько месяцев назад досрочно засияли это событие?

Торжествуем победу: за сутки уложили две тысячи четыреста кубометров бетона. Много ли это? Не очень много; на всю станцию понадобится три и шестьдесят миллиона кубометров. Значит, нам потребуется полторы тысячи суток. Нет, столько времени нам не отпустят. Когда же управимся?

Соревнование в разгаре, обязательства бетонщики приняли смельче, к ним присоединились машинисты мотовозов, крановщики, шоферы, рабочие карьеров. Но мы-то знаем: если рабочий берет обязательство, он этим самым и нас, руководителей, обязывает. Чтобы шофер не простонавал, надо вовремя дать ему груз. Чтобы крановщик не сидел без дела в кабине, надо обеспечить ему фронт работы.

Молодой машинист крана Сергей Немасев на одном из собраний в разгар ожесточенной критики, обращенной главным образом к механикам, вышел на трибуну и — кто его знает, откуда у него такие спокойные ораторские манеры! — поднял руку:

— Минуточку, товарищи...

Мало кто знал Немасева до тех пор. Молодой крановщик, и только. Но тут он вдруг заговорил безапелляционно и властно от имени комсомольской бригады, которая, как выяснилось, предварительно обсудила положение с кранами.

— Коэффициент полезного действия, — начал Немасев свою речь, — составляет у нас в лучшие

дни 0,84. А почему, я хочу спросить, почему у нас планируют коэффициент использования крана всего только 0,747. На эстакаде одиннадцать порталных кранов, да два кабель-крана, да десять телескопических. Можно горы свернуть! Теперь вспомним лучшие дни. Разве мы на пределе работали? Еще хватало времени байки рассказывать...

Он опять успокоил развеселившийся зал:

— Минуточку, товарищи, минуточку. Я затем вышел, чтобы сказать от имени бригады: надо перейти на почасовой график. Пусть каждый крановщик знает, что вот, мол, в этот час таскай арматуру, в этот — плиты-оболочки, в этот — металлические закладные части.

Как раз перед выступлением Немасева кое-кто из организаторов бетонных работ подступал ко мне с требованием добавить на эстакаду кранов. Я отмалчивался, потому что не далее как накануне заместитель министра И. И. Дмитриев ответил на мои притязания насчет кранов сердитым упреком:

— У вас триста кранов, целый лес, целая непривычная чаща всякой техники, а вы еще просите!

И тут я слышу здравый, толковый разговор Немасева.

Ну, думаю, хороший мне попался союзник. Я сейчас обращу его речь против ходатаяев. Ишу глазами инженера Бориса Загородникова. Это ведь он вечно добивается новых механизмов. Ну-ка, Борис, что скажешь? Выходи, отвечай Немасеву!

В общем на следующий день, с легкой руки нашей многотиражки, на строительстве уже зажило слово «немасевцы». Немасевский кран № 7 стал знаменитым. Его украсили огромным нарисованным на фанере комсомольским значком, увили кумачом, расцветили флагами.

Заветной цифры 0,84 вскоре достигли и остальные краны.

Не надо думать, что после этого на эстакаде царил сплошной праздник. Еще хватили горя с бетонопомпами.

Когда эти механизмы прибыли, мы нарядовались

В лаборатории.

не могли. Шутка сказать: насос способен гнать бетон на расстояние двести пятьдесят метров по сорок кубов в час, да и вверх подавать метров на сорок. Но, увы, это было чисто спортивное, анкетное знакомство. О механизме же, как и о человеке, нельзя судить по бумагам.

У насоса оказались непредвиденные свойства. Например, он был способен за одну смесь создать целые три пробки, три «коэзла» затвердевшей смеси. Трубы, где сквачился бетон, приходилось резать, ломать. Только и знали, что препарировали бетоноводы. И некоторые инженеры уже начали поговаривать, не лучше ли вообще выбросить эти вечные механизмы.

К тому времени многие молодые строители были порядком избалованы: им подавай такой волшебный механизм, чтоб оставалось лишь дотронуться до него пальцем.

Сын мой Борис, только что закончивший гидротехнический факультет и работавший на стройке, жаловался мне: «Это не бетононасосы, а кровососы! Дал бы команду снять их вообще». Отругал я Бориса, а вечером поехал еще раз посмотреть работу бетононасосов, проверить, не сами ли мы виноваты.

Ну, конечно, смесь не той консистенции — раз, трубы положены неправильно — два.

Ученая комиссия вместе с нашими инженерами пересмотрела свои поспешные заключения и реабилитировала насос. Лаборатория нашла новую консистенцию, механики по-новому смонтировали трубы — и насосы заработали безотказно. Они подавали бетон даже туда, куда не достать ни телескопическим, ни портальным краном. Мало того, наши инженеры Виталий Яковлевич Кан и Алексей Иванович Трегубов организовали подачу бетона в три перекачки — целую систему насосов. А молодой инженер Франченко сконструировал для передвижной бетононасосной станции тележку и скрип, после чего в технической литературе механизмы эти так и называются: «Бетононасосы с приспособлением инженера Франченко».

За первый месяц уложили восемьдесят две тысячи кубометров бетона в рисберму и в фундаментные пли-

ты. Это еще на самом дне. Внешнего впечатления никакого.

На следующий месяц дали нам повышенный план — сто десять тысяч кубов. Это тоже не так много, но нам уже жарко.

Да и лето стоит знойное, сухое. Бетонщики работают по пояс голыми. Идет яростное соревнование бригад и участков. Блоки расщечены флагами — знаками первенства.

А на головы руководителей ложатся белые метки седини.

В самом деле, поседеешь! Вижу, на эстакаду бежит народ. Что случилось? Бетонщик Пахомов орудовал лопатой у самого жерла виброХобота. Бетон, тяжелый и липкий, валом валил, и парень нечаянноступил в густое, клейкое месиво и увяз по колено. Пытается выволзти ноги, да не тут-то было: так и тянет его вниз, засасывает в бездонную гущу. Уже трое товарищей тщетно сляются вытащить Пахомова. Бетон прибывает, и все на него, на Пахомова. Вот уже бетон по грудь. Товарищи рассчитывали на свою силу и потому с опозданием подняли общую тревогу.

«Человек в бетоне!» Остановили все. В двадцать рук взялись и мигом разгребли бетон. Откопали, вытащили бедиагу, перепуганного насмерть. Начальник участка струхнул не меньше Пахомова. Стоит ни жив ни мертв.

А нам урок. Урок и грозное напоминание, что нельзя шутить с бетоном, заполняющим такие колоссальные блоки. С тех пор мы установили жесточайшие правила безопасности.

Круглосуточно громыхала бетоновозная эстакада. На обоих берегах с полной нагрузкой действовали новые железнодорожные линии.

Гремели взрывы в Яблоневом овраге, где брали жигулевский камень.

Добытчики камня... Хотется сказать несколько слов о них.

В ясное морозное утро января 1951 года тишину горы Могутовой нарушили первые раскаты мощного взрыва. Тонны аммонита, заложенного в специально

пройденных штольнях и шурфах, оторвали тяжелые глыбы скал и раздробили на мелкие куски.

Еще не отремели в Жигулях взрывы, не улеглось эхо, как подошли к месту обвала экскаваторы, бульдозеры, автосамосвалы. Камень пошел в правобережный банкет.

Добытчикам камня предстояло разработать свыше пятидесяти миллионов кубометров. Много ли это? Лекторы наши нередко приводили наглядное сравнение. Величайшая пирамида Хеопса, которую строили долгие годы десятки тысяч рабов, потребовала около трех миллионов кубометров камня. А Куйбышевгидрострою понадобится ровно в пять раз больше!

И ни один кубометр не должен быть добыт ручным способом. Здесь, в каменных карьерах и на камнеобрабочем заводе, работают прекрасные механизмы. На крутых склонах горы Могутовой, Яблоневого оврага, Сокских гор, где еще недавно в непроходимых лесных чащах паслись непуганные стада лосей, за короткий срок выросли огромные механизированные карьеры и первоклассные заводы, проложены сотни километров дорог.

Создан могучий арсенал для большого бетона.

Вот теперь уже можно было сказать, что бетон пошел в рост. Его стало видно издали, тем более что, не в пример другимстройкам, у нас блоки не обшивались деревянной опалубкой. Поншло в дело важное новшество: вместо дощатой опалубки ставились железобетонные плиты. Мы называли их плитами-оболочками, они так и срастались с бетонным телом сооружения, служа одновременно опалубкой и облицовкой.

Но лето было для нас своего рода стартом, разбегом. В сентябре положили двести тысяч кубометров. Настало время удвоить темп. Но тут выступает грозный противник, приближение которого мы чувствуем каждый день.

Зима идет.

Мы живем в России, в снежной стране. Наши стройки проникли в сибирскую тайгу, им идти дальше — в суровые края Востока и Севера, во льды,

в снега, навстречу ветрам и вы沟ам. Даже у нас, на Волге, зима стоит почти полгода. Не выбрасывать же эти полгода из планов и графиков! Вот инженерная проблема. И главное в этой проблеме — зимний бетон.

Созываем ученых мужей. Какие будут рекомендации насчет зимнего бетонирования? Лаборатория по бетону накопила для присезжих научных работников множество сведений, проб, образцов.

Но вот приблизились первые морозы. Пока что пришлось прибегнуть к самому примитивному средству — кутать бетонные блоки одеялами. Да, да, одеялами. Правда, одно такое одеяло весит семьсот килограммов, его подают краном. Им могла бы укрыться целая рота солдат. Но вот беда: горят эти одеяла. Брызнет огнем сварщик — и одеяло мгновенно загорается. По восемь пожаров в день случалось. Сколько мы погнули этих одеял! Нет, не к лицу великой стройке такие смехотворные способы зимнего бетонирования.

Пускаем в ход электропрогрев: ставим стержни электродов за плитами-оболочками и включаем ток.

Испытываем и такое средство: газовые горелки, или, лучше сказать, газовые грелки. В блоки укладываются трубы с отверстиями, соединенные по двое и по трое, а иногда связанные в сложной комбинации. По ним идет газ, и установка работает так же, как кухонные горелки.

Первая зима большого бетона прошла в общем хорошо. Конечно, мы не дотянули до летних норм, но все же темпы зимнего бетонирования круто подняли. На лето нам дали в министерстве удвоенный план.

Недавний рекорд в двести тысяч кубометров очень скоро померк. В следующий месяц теми же средствами — насосами, виброхоботами, самосвалами и транспортерами — уложили четыреста тысяч кубометров. Но это мы рассматривали всего лишь как разбег. Бетонных мощностей-то у нас на двадцать тысяч кубометров в сутки. Так нельзя ли укладывать хотя бы тысяч пятнадцать?

Поток бетона берет начало в карьерах, на камне-дробильных заводах, вбегает сотнями вагонов «нерудных» и цемента в чрево бетонных заводов-автоматов непрерывного действия.

Завод непрерывного действия — что это такое?

Бетономешалки, против обыкновения, делают не одиночные замесы, а перетирают, перемешивают бетонную смесь непрерывно, так же непрерывно получая составные части — воду, щебень, песок, цемент — ровными, правильными дозами через равные промежутки времени. Этой подачей занимается автоматический дозатор, который работает с вибрационными питателями и весовыми ленточными транспортерами.

На таком заводе бетономешалки выдают в час до ста кубометров бетона. Такие заводы не к чему создавать на стройках, где нет непрерывного и массового бетонирования. А здесь только автоматы-заводы и могут досыта питать производство.

Мы, конечно, дадим пятнадцать тысяч и больше. Но для этого на всем пути должна действовать новая техника. К сожалению, одним отрезком пути до поры до времени безраздельно владела первобытная технология. Стремительно шел конвейер и вдруг обрывался: разгрузка цемента произоходила дедовским способом. Стыдно. Мало того, вредно! Выгребать из вагонов цемент лопатами вручную — это тяжелое занятие. Даже маска не спасает от едкой пыли.

Надо подключить к конвейеру машину, которая бы разгружала цемент. Об этом давно мечтают строители.

Наш инженер Антон Яковлевич Инякин, человек кроткий и застенчивый, — именно из-за этих свойств он оказался на тихом поприще инженера по изобретательству, — поставил перед собой задачу: добиться такой машины. Дело, которому он себя посвятил, несколько лет занимало специалистов Ленинградского института проектирования дорожных и строительных машин. И вот скромный наш Антон Яковлевич победил в соревновании с институтом. Победил, потому что изобретал не вдали от стройки и имел в своем распоряжении мощную экспериментальную базу.

Я очень люблю изобретателей, этих людей железного упорства и настойчивой мысли. Под их натиском и при весьма, надо сказать, слабом энтузиазме нашего главного механика Виктора Ивановича Щукина мы организовали на ремонтно-механическом заводе хороший экспериментальный конструкторский цех. Помню, только что вышел приказ об этом цехе, прихожу из завода и вижу, что изобретатели уже натаскали туда множество замечательного оборудования. В один момент все разобрали.

Инякин доложил, что его машина готова к испытаниям.

Что это за машина? Может быть, пневматический агрегат, который захватывает цемент в вагоне и нагнетает его в «банки», в металлические резервуары?

Собралась комиссия. Тут и механики с обоих берегов, и представители завода, и инженеры-строители. Неудач в том деле бывало много, поэтому некоторые приглашенные втихомолку посменяются: дескать, сколько же тщетно ломали головы над такой или подобной машиной, а тут вдруг объявился никому не известный, доморощенный конструктор Инякин и хо-чет людей удивить!

Гляжу на самого Инякина. Худой и черный, как бедуин, он за эти дни осунулся еще больше. Суетится, волнуется, вытирает платком обильный пот. Последние двое суток он совсем не спал, это я знал.

Вот Инякин решительно сел на место водителя. Машина движется к открытой двери вагона, совком загребает цемент и разворачивается к бункеру. Члены комиссии взапуски бегают то за Инякиным, то к бункерам, то к вагону. Уже никто не смеется; механический грузчик работает, пыли нет.

Инякин просто сияет. Кажется, он победил.

Итак, по всему бетонному фронту восторжествовала механизация.

...Однажды Николай Васильевич Разин пришел с большой пачкой красочных проспектов и информационных листков, которыми снабжает все стройки Гидропроект. Любопытные сведения: наивысший су-

точный объем укладки бетона на одной стройке в США — шестнадцать тысяч кубометров.

Мировой рекорд.

— Дайте-ка мне листочки эти, — просит секретарь парткома Мурысов. — Доведем до сведения агитаторов.

— Это зачем же? — спрашивает Рязин. — Чтобы они растрябили, как мы далеки от американского рекорда?

— Вот именно, — соглашается Мурысов. — И чтобы подняли людей на побитие рекорда. Задача ясная. И, по всем данным, реальная. Мощность наших бетонных заводов — двадцать тысяч. Нам ли работать перед американским рекордом?

Дело было накануне 21 августа 1955 года. Приближалась пятая годовщина создания Куйбышевгидростроя. Бетонные работы были в разгаре. Над Волгой уже выселились могучие опоры водосливной плотины, величавые громады сооружений ГЭС, судоходных шлюзов. Бетона мы можем наворотить горы, за них задержки не будет. Стало быть, дело за арматурой. Сумяток арматурщики готовить блоки под весь возможный бетон — поставим рекорд!

К тому времени у нас существовали на обоих берегах арматуро-сварочные районы — железные арсеналы, как мы их называли. С арматурного завода на стройку шли погруженные на платформы готовые армофермы огромных размеров, и арматурщики, случалось, уходили от движавшихся по их пятам бетончиков на несколько ярусов вверх. «Посуда» (так любят называть у нас готовые армоблоки) подавалась бетонщикам вовремя и по всему фронту.

В громадах ГЭС очень густая железная начинка. На каждые пятнадцать кубометров бетона приходит-ся тонна арматуры. И это не просто пучки стержней, не просто сетки и каркасы, а сложные конструкции, то кольцевые, то конусные, то сводчатые, в бесчисленных комбинациях образующие гармоническое сплетение гигантского скелета стационарного здания с его спиральными камерами, кратерами турбин, водоводами, донными лабиринтами.

II. Антонец (в середине) — один из лучших сварщиков стройки.

До недавнего времени арматурное хозяйство называли на стройках двором, подобно конному двору, лесному двору. У нас было бы смешно называть двором корпуса арматурного завода с мостовыми кранами, с ролгангами автоматических линий, с контактно-стыковыми сварочными агрегатами. Эти новые предприятия так же походят на своих предшественников, как нынешние мощные автобазы на конные дворы.

Раньше говорили: вязать арматуру. А в нашем обходе совсем другие слова. Мы говорим: монтаж армоконструкций. Завод изготавливает почти весь скелет сооружения. Эта несущая конструкция во время бетонирования заменяет леса и подмости. Как и повсюду в строительстве, здесь властно утверждает себя идея сборности, идея укрупнения монтажа. Не делать на площадке того, что можно сделать на заводе, — вот правило новой строительной технологии.

Арматурные заводы...

Железнодорожный состав, позякивая сталью, привозит арматуру на разгрузочную площадку — ставит платформы между двумя подвижными кранами. Эти кranы курсируют вдоль состава и снимают металл, складывают его в придорожные стеллажи.

Оттуда, со стеллажей, арматура идет в правильное отделение, на первую заводскую операцию. На вибрационных сортировочных столах она группируется, пруток в прутку, по диаметрам, по длине и укладывается пачками по сто тонн.

Арматура пропускается через правильные станки, а потом мотовоз таслит ее на платформах в отделение, где зачищаются концы: материал готовят к сварке. Потом уж вступает в работу сварочная машина: прутки стыкуются и затем подаются в отделение резки.

Нарезали. Дальше гибочное отделение. Тут арматуру, что называется, гнут в барабан рог, придают ей, говоря по-инженерному, проектный профиль.

И, наконец, арматурная сталь после всей этой обработки поступает в сборочно-сварочный цех. Тут уж

обыкновенные прутки разной величины и конфигурации свариваются в крупные и сложные арматурные фермы — металлические каркасы для мощных бетонных сооружений.

Готовые каркасы весят до пятнадцати тонн и более. К месту бетонирования их подают на платформах иногда целиком, иногда расчлененными на несколько частей.

Некоторые такие несущие армокаркасы «приезжают» на место бетонирования одетые в светлые плиты оболочки; железобетонный «костюм», как я уже говорил, служит сначала опалубкой, а потом так и остается на сооружении в качестве облицовки.

Бригадир арматурщиков-сварщиков Алексей Улесов, Герой Социалистического Труда, прославился «ванным методом»: сварщики пользуются «ванночками» — вынутыми в форме ёржня металлическими пластинками, которые как бы подхватывают, поддерживают расплавленный электросварочный аппаратом металл, он целиком идет на спайку стыков стержней. Не нужно прежних стальных накладок, ликвидирован лишился расход металла.

Специальности Алексея Улесова, как любят выражаться арматурщики, — «минрометаллургия»: в его «ванночках» происходит маленький процесс электролиза.

В феерическом тантисте сварки и руки Улесова, крепкие и точные, и глаза с выцветшими, почти белыми бровями нацелены в одну точку. Его профессия с годами сосредоточивалась на одном этом деле, его мастерство как бы устремилось в глубину. Специальность в своем развитии дошла до тех глубин, где блуждает в искааниях наука.

Растущая техника дробит профессии. В старину строительная профессия делалась на две-три специальности, теперь этих специальностей десятки, сотни. И в предельной их узости открывается необычная широта. Арматурщик, бульдозерист, крановщик, скреперист, монтажник железобетона, монтажник металлоконструкций, монтажник агрегатов — какую ни возьми специальность, она уже требует особой

Алексей Александрович Узесов (крайний справа)
со своей бригадой.

большой книги даже для краткого изложения основных приемов, навыков, правил.

А представьте себе целый коллектив Узесовых! Над ними же надо поставить и руководителя — умельца, в совершенстве знающего арматурное и сварочное дело. И, следовательно, этот руководитель должен заниматься только арматурой, только сваркой.

Вот отсюда и возникла специализация коллективов. Мы разделили стройку на районы, районы не столько территориальные, сколько профессиональные: район земляных работ, район укладки бетона, район арматурно-сварочных работ, район гидромеханизационных работ... Виталий Яковлевич Кан, начальник первого бетоноукладывающего района, и главный инженер этого района Алексей Иванович Трегубов не сумели бы организовать такой слаженный ансамбль техники на поточном бетонировании, если бы они занимались еще и земляными работами и заготовкой арматуры.

Но зато специализация требует, чтобы на одном месте дружно работали по совмещенному графику не подчиненные друг другу «чужие» группы. И уж, конечно, бетонщики к «чужой» арматуре отнесутся со всей строгостью.

...В этом-то месте я и должен сказать об одном из лучших организаторов железного взаимодействия районов, производства, участков.

Людей, которые иной раз любят подтрунить над проектировщиками, я бы хотел познакомить с Кириллом Ивановичем Смирновым. И они поняли бы, что проектировщики — это вовсе не кабинетные затворники, священикодействующие над листами ватмана.

В разгар строительства приехал к нам в Ставрополь новый начальник филиала Гидропроекта. Высокий, стройный, очень молодежный, хотя и с просьдью в пышных волосах, Кирилл Иванович — это был он — сначала показался мне скромным человеком. Он докладывал отрывисто, очень официально. Ну, думаю, такого силком придется тащить на площадку.

Оказалось, ничего подобного. Кирилл Иванович в несколько дней облизал все участки, перезнакомился со всеми, вплоть до десятиников и бригадиров, не пропуская ни одного собрания, а у себя заботился прежде всего о том, чтобы каждый проектант знал свое детище в натуре и не цеплялся за формулу, если жизнь опровергает эту формулу.

Прошло несколько месяцев, и как-то само собой возник вопрос о назначении Смирнова главным инженером работ правого берега, заместителем Александрова. Очень хорошая вышла пара:ственный командир-организатор с ярким дарованием крупного хозяйственника и вдумчивый ученый, тоже организатор, по-юношески дерзкий в новаторских решениях. Больше всего меня обрадовало, что Кирилл Иванович, как только стал главным инженером правого берега, решительно отверг некоторые проектные установки, разработанные в свое время им самим. Вот она, честь мундира: беречь высокое свое инженерное достоинство от малейших пятен косности и чиновной спеси.

Мы с ним раньше много спорили, и я должен сказать, что, даже когда правым оказывался я, Кирилл Иванович обогащал этот спор, попуждал меня к глубокому обоснованию моих выводов. С ним приятно спорить. Чистота и искренность и никакой нервозности.

— Как спалось, Кирилл Иванович? — звонит ему Николай Васильевич Разин часиков этак в восемь утра. — Когда разрешите к вам нагрянуть?

Чтобы не засиживаться на долгих кабинетных совещаниях, мы предпринимаем почти ежедневные выезды, организуем своего рода «шагающие совещания», и чаще всего на правом берегу, у Александрова и Смирнова. Встречают нас хозяева берега где-нибудь на перешейке, на развилике дорог перед котлованом или у обрыва, куда пристает наш катер. Сходим с катера, здороваемся.

У нас с Разиным уже есть диспетчерские сведения об укладке бетона и выемке земли за минувшие сутки. И Разин, разматриваясь в Александрова и Смирнова, говорит:

— Вы выглядите нынче на тысячу кубометров хуже вчерашнего. Или это мне так показалось?

Смирнов за словом в карман не лезет:

— Погужали плохо: тридцать вагонов цемента нам пододали.

Я об этом знаю. И, чтобы успокоить Кирилла Ивановича, показываю диспетчерскую рапортчику: вагоны и баржи с цементом на подходе.

Александров, выслушав это, обращается к Разину:

— А обещанные вчера автокраны так и не пришли.

Разин мрачнеет. Исполнители подвели — это пустая отговорка. Ведь обещал он, главный инженер. И Николай Васильевич прячет в карман записную книжку с перечнем критических замечаний: придется с ними повременить до выполнения вчерашнего обещания.

— Ладио, идемте посмотрим тридцатый блок, — предлагает Разин.

И «шагающее совещание» переносится на тридца-

тий блок, над которым висят, колышется поднятым краном громадный стальной каркас.

...В разгар бетонной страды произошло большое событие. Кончилась первая смена, но люди не спешили уходить из котлована. На стенах монтажной площадки и у парапетов бетоновозной эстакады собралось много народа. Все хотели посмотреть, как начнется установка первых деталей турбины.

Раздался гудок сирены, и над котлованом повис в воздухе первый сегмент статора. Машинисты портальных кранов Сергей Немесов и Николай Кучеренко плавно опустили его на бетонное основание. Так начались монтаж первой турбины, детали которой заняли сто вагонов.

Мостовых четырехсотпятидесятитонных кранов еще не было в машинном зале. Поэтому, чтобы не тратить даром время, монтажники решили установить статор по частям. И поставили все сегменты «чистенько», так что кольцо сомкнулось точь-в-точку.

Боюсь наскучить читателю долгим разговором о технике. Весело и увлекательно не расскажешь, например, о сетчатой опалубке. Занимательного тут мало, но поучительного много. Оказывается, громадные массы бетона, скажем, стоят шлюза, вовсе не обязательно укладывать в толстую и плотную «посуду» — опалубкой великолепно служит тонкая мелкая металлическая сетка. Не помню уже, кто первый предложил эту идею, во всяком случае она родилась не вдруг. Не могли же мы обшивать досками километры бетонных поверхностей! Металлическая сетка вдвое дешевле деревянной опалубки и во много раз удобней. С некоторых блоков ее снимали после бетонирования и пускали в дело повторно.

Описанием всякого рода новинок и находок можно бы занять десятки страниц. Здесь важно сказать вот о чем: технические новшества не появляются на пустом месте. Когда мы говорим о полете инженерной мысли, надо представить себе трамплин, от которого она отталкиивается.

Рационализаторы будут спокойно подремывать, если у них нет базы, если им «не из чего» придумы-

Начался монтаж турбии.

вать, но они загорятся необычайным воодушевлением, если в их руках индустриальная оснастка и богатые материально-технические средства.

Инженерное новаторство наших дней имеет мощный трамплины. Есть «из чего придумывать». Наши бетононасосные станции, сетчатая опалубка, сборный напряженно-армированный железобетон, плиты-оболочки и множество других порождений творческой инициативы — это, я бы сказал, дары пятилеток.

Каждое наше достижение, в сущности, рожено энергией и мыслью бесчисленных тружеников тысячи трехсот заводов, поставлявших стройке оборудование, механизмы, материалы, создававших тот трамплин, который устремлялся в полет смелой мысли строителя.

Возвращаясь на склоны горы Могутовой и любуясь этим необычайным парадом техники, надо суметь увидеть не только Куйбышевгидрострой, но и Сталинград, и Братск, и Красноярск, и Обь, и Каховку, и Волго-Дон, и новые domы Донбасса и Урала, и но-

В кратер турбии опускается рабочее колесо.

вые заводы Сибири — все великое множество строительных площадок, которые страна одновременно и со всей щедростью снабжает и оснащает техникой. Во всю неоглазную ширь советской земли раскатывается железный гром нового строительства.

— Кривая укладка бетона шла вверх. Наступило 19 августа. Уложено шестнадцать тысяч пятьдесят кубометров. Есть! Американский рекорд остался позади. Но что это за перевес — пятьдесят кубометров!

Радиорупоры по всей стройке передают репортаж многостражки. К микрофону приглашаются рабочие и инженеры. Приезжие писатели произносят речи. А шутники отстрят:

— Не годится, чтоб Америка наступала нам на пятки!

На следующий день, 20 августа, накануне нашей пятой годовщины, мы уложили девятнадцать тысяч пятьдесят кубометров. Вот это уже стоящий мировой рекорд.

Пятая годовщина, вероятно, останется самым памятным днем для всех гидростроителей. На берегах Волги большой народный праздник. В поселке Комсомольск тысячи людей пришли на митинг. Потом начались танцы...

Когда кончился август, подсчитали, что среднесуточная укладка за месяц тоже превышает американский рекорд.

Очень хорошо!

ХЛЕБ — ВСЕМУ ХЛЕБ

Михаил Александрович Бурматов много лет был председателем Ставропольского райисполкома. Говорят, беспокойная должность. Но нет, дело не в должности, а в человеке. Равнодушный и ленивый может самую боевую должность сделать сонной и безмятежной. Бурматов же по натуре человек беспокойный и деятельный, всегда жаждущий живого общественного дела. Чаще всего встречал я его где-нибудь в поле, на дороге, на улицах города. Мы страдали

с ним, по-видимому, одной слабостью: хотелось везде побывать самому, за все взяться своими руками. И, может быть, потому вездесущий председатель позволялся мне с самого начала.

Через Бурматова я как-то «подружился» с окружающей местностью, с шестнадцатью колхозами, с левобережными степными деревеньками.

Скупа земля Заволжья. Не хватает воды. Но не сидеть же у Волги и ждать погоды, той погоды, которую мы, строители гидроузла и открыватели новых морей, обещали изменить к лучшему. От стройки колхозы ждали шефской помощи, и Бурматов был человеком, умевшим очень тактично и осторожно пользоваться в интересах района помощью богатого шефа.

Тяжела была для района весна 1951 года. Много неотремонтированных тракторов. В отдаленные колхозы из-за бездорожья и распутицы не доставлены семена. Машин не хватает, людей не хватает.

И вот приходит ко мне Михаил Александрович, а с ним целая группа председателей колхозов. Ну что же, милости просим! Рассаживаю гостей и уже смутно догадываюсь, за чем пожаловали такой мощной депутацией.

У меня своих забот много: лаводок встречать надо. Очень трудно отвлекать людей и технику на пахоту, на подвоз семян, на ремонт тракторов. И я заговорил о трудностях строительной весны раньше, чем председатели высказали свои нужды.

Один из гостей, увешанный военными орденами и медалями, стал было меня перебивать, что-то возражать мне, но Михаил Александрович тихонько одернул его: «Погоди ты, слушай». Я решил помочь колхозам, но, чтобы прикинуть, как и чем, постарался перенести беседу на следующий день. Но только ушли гости, как меня охватило беспокойство:

— Обидятся! Неправильно меня поняли!
И в самом деле обиделись. На следующий день утром мне позвонил из Куйбышева председатель облисполкома Григорий Андреевич Малехоньев.

— Как живешь? — спрашивает.

— Ничего, Григорий Андреевич, спасибо.

— А я, понимаешь, сижу тут и вспоминаю, как мы с тобой во время войны...

Я все понял и все вспомнил. Город Оренбург в трудную военную пору. Я везу туда, как уполномоченный министерства, оборудование двух заводов, чтобы быстро смонтировать их на новом месте и немедленно начать выпуск продукции. Прибыли мои эшелоны, загромоздили все оренбургские пути. Я с секретарем обкома Малехоньковым отправился в город искать подходящие здания для заводов. Долго ходили. На конец Малехоньков подвел меня к большому зданию: «Эх, придется принести жертву — отдадим помещение сельскохозяйственного института! Поможем и людьми. Разгрузить эшелоны, разместить ставки!»

Малехоньков сам в молодости крестьянствовал, он был удивительным знатоком земли, этот сын полей, целиком посвятивший себя колхозному производству. Он часто говорил мне:

«Строители любят кричать: «Цемент — хлеб стройки», «Бетон — хлеб стройки», но не понимают, что хлеб — всему хлеб».

— Слушай, — говорит в трубку Малехоньков, — а что у тебя там... Вроде председатели ушли от тебя без энтузиазма. А?

На другой день я сел в машину и направился в колхозы. В шести примерно километрах от села Подстепки машина застряла в грязи. Ага, значит, семена надо будет грузить на вездеходы. А их у нас двенадцать штук всего. Ладно, отдадим на время шесть. Малыгин, которого я захватил с собой, зверзал на сиденье.

— Ничего, ничего, управимся, — говорю Малыгину.

В село идем по грязи пешком, еле ноги вытаскиваем. Побывали в нескольких колхозах. Договорились. Составили график шефской помощи.

На следующий год шефство распространилось уже и на Ново-Буянский район. Там, чтобы наполнить скот, заготавливали снег и лед. Мы послали туда Федора Федоровича Энгеля с группой водопонизителей, и

в колхозах были пробурены артезианские скважины. Наши мастера легко достигли той глубины, куда десятки лет тщетно пытались проникнуть сельские строители. Как строительной организации, нам было поручено строить МТС, помогали в электрификации района. Мы вывезли своим транспортом миллионы蒲ов зерна. Одним словом, породились с колхозниками.

За восемь лет мы привыкли считать себя гражданами Куйбышевской области. Да, стройка мы всесоюзная, гигант воздвигаем мировой, грандиозный, невиданный, но нужды района и нужды области, заботы окрестных колхозов и МТС мы не имеем права оставлять без внимания. С высот могучей индустриальной техники надо уметь в меру подсобить и колхознику в его нелегком труде на великом поприще создания народного изобилия.

Есть среди нашего брата люди аристократического склада. Это от них я слышал язвительные шуточки по поводу того, что нам, деятелям грандиозной стройки, поручили срочно соорудить... птицефабрику.

Задача это серьезная, — говорил на пленуме секретарь обкома Михаил Тимофеевич Ефремов. — Вот мы и решили, что будет правильно поручить строительство крупной фабрики яиц и курятину кол-лективу строителей гидроузла. Правильно?

Все невольно поворачиваются в мою сторону. Я немалого роста, голова моя всегда торчит в зале. Мы переглядываемся с Мурмсенем: конечно, правильно! Я уже начинаю обдумывать, что же там придется делать и как делать.

В перерывах в культурах меня дергают знакомые: — Когда можно к вам за курятинкой пожаловать? Скоро, значит, начнете пускать яйценосные агрегаты?

— Поздравляю главного птичника Заволжья!

Наше дело такое: не спеши обещать. Обсудим, посмотрим. Меня выручит звонок. Спешим в зал, рассаживаемся. М. Т. Ефремов рассказывает нам об общем положении в сельском хозяйстве области. Обстоятельно, подробно рассказывает. А после него берет слово директор действующей птицефабрики, и уж

он обращается прямо ко мне с советами, как и что делать, с чего начинать.

С одобрения остальных гидростроевцев и ставропольцев я дал пленуму твердое обязательство. Догоним Америку не только по мясу, молоку и маслу, но и по яйцам. Догоним и перегоним!

По дороге домой мы обсуждали, кому что поручить. Уже известно, что для начала надо соорудить сто шестьдесят куриних «домов».

Решали: Евгений Михайлович Терещенко — вот кто с блеском выполнит задачу. Терещенко у нас испытанный мастер и организатор новых, непривычных дел. Он в первые годы строительства возглавил сооружение ремонтно-механического завода, оснастил его, наладил ремонт механизмов и даже построил из нем земснаряд. Позже он с тем же успехом командовал гидромеханизированным флотом, а теперь, когда готовы плотина, дамба, водноломы, снова назначен начальником управления промышленно-гражданского строительства.

Надо ли говорить, что уже в августе 1957 года всякий мог видеть в стороне от шоссе Ставрополь — Кубышев светлую россыпь домиков итличного городка — сто шестьдесят штук, как и задано было. Готово шесть цехов, заложен трехэтажный инкубатор. Говорили, что колхозная делегация, которая пожалует к нам в дни сорокалетия Октября на праздник, явится в машинный зал с грандиозной яичницей...

За все эти годы мы по государственному заданию построили девять МТС и оснастили их оборудованием. Построили также мастерские, склады, зернохранилища, животноводческие помещения, водопроводы, жилые дома, гаражи. Кроме того, редкий строитель не побывал в колхозах по делам шефской помощи.

Да, хлеб — всему хлеб. Никогда нельзя об этом забывать.

...Бывает иногда и так. Михаил Александрович Бурматов, наш районный председатель, пришел ко мне однажды и говорит:

— Хочу перейти настройку работать, Иван Васильевич.

— Не может быть. Не верю! — схитрил я.
— Нет, правда, Иван Васильевич.

— Ну, в таком случае, Михаил Александрович, иди к нам, — предлагаю я. — Немедленно иди к нам работать.

С секретарем парткома звоним в область: отдайте Бурматова в наше распоряжение.
Отдай!

Послали мы Бурматова на партийную работу в самое отсталое и запущенное подразделение — в автобазу тяжелых самосвалов. Там и план не выполнялся, и текучесть рабочих, и поломки, и перерасходы горючего. Ну, а раз так, то и коллектив всякий раз стараются обделить: всем квартиры — автобазе ничего. Всем премии — автобазе ничего. Только и говорят, что там одни пьяницы, врачи, бракодели, «леваки». Резину новую этой автобазе — в последнюю очередь, запасные части — в последнюю очередь.

И Бурматов начал с того, что на первом же собрании разнес в пух и прах меня. Что это, мол, такое? Рвачи есть, но их единицы. Пьяницы есть, но их единицы. Так зачем же обижать коллектив? Даже лучшим рабочим не дали квартир.

Прав Бурматов.

Короче говоря, спустя три месяца мы вручали автобазе тяжелых самосвалов переходящее знамя. Бурматов оправдал доверие обкома и наше. Он доказывал, что триста пятьдесят машин работают безотказно и что никого из шоферов не уволили. Люди те же, а пьяниц, рвачей и бездельников как не бывало.

Вскоре нам срочно понадобился заместитель председателя объединенного постройкома. Кого рекомендовать? Ну, конечно же, Бурматова.

И с тех пор как он работает в постройкоме, мы, хозяйственники, понемногу стали уже и специалистами по организации культурного отдыха людей, по детским учреждениям, санаторному делу и т. д. Он нам покоя не дает. Теперь имеем не только пионерские лагеря на две тысячи ребят, но и особый дом отдыха для старшеклассников, созданный по инициативе

Бурматова. И с ялями дело двинулось вперед, и с детскими садами, и с путевками в санатории. И, самое главное, постройкой больше стал проявлять себя в организации соревнований на участках.

Бурматов по-прежнему все время в разъездах. Только поздно вечером вижу из окна своего кабинета, как из противоположного здания выходит, опираясь на палочку, этот неуемный человек. Гашу свет, спускаюсь:

— Ты что засиживаешься, Михаил Александрович? Нарушаешь режим.

— А ты что?

Я оправдываюсь:

— Сидел в кабинете не по служебным делам, а по личным: писал дневник...

— Ну и я по личным: подводил личные итоги рабочего дня и намечал план на завтра. Вот и задержался малость.

ПЕРЕД ШТУРМОМ

Вернемся назад, к июлю 1951 года, когда мы поздравляли друг друга с началом работ по сооружению нижних судоходных шлюзов.

Экскаватор, зачерпнув на песчаном берегу первый ковш грунта, бросил его в кузов самосвала под тысячеступенчатое «ура». К вечеру в забои вошли еще пять экскаваторов и посемнадцать скреперов.

Митинг, помимся, закончился под грохотом мощного взрыва. В одно мгновение сорвало верхние слои почвы с лесом и плодом. Началась расчистка створа для основания перемычки.

И вот на этом же месте четыре года спустя снова торжество, но такое, что уже не обойтись без радио. Праздник привлек людей с обоих берегов: нижние шлюзы вступают в строй! Первый крупный железобетонный объект гидроузла, первое наше готовое сооружение! Пока там, на ГЭС, на водосливной и земляной плотинах, развертывались решающие атаки на главные направления, здесь, на отшибе, успели «втихом

молку» уложить шестьсот с лишним тысяч кубометров бетона, изо дня в день ведя ожесточенную борьбу с водой — ее откачивали сто с лишним миллионов кубометров, чем, по подсчетам, можно было бы заполнить бассейн с зеркалом в квадратный километр и глубиной в сто метров.

Враг, которого мы с такой яростью все время отбрасывали, теперь нам не страшен. Мы заключили с водой мир. Она приняла наши условия.

Показался флагманский пароход «Казань», за ним — «Серафимович», «Павел Бажов», «Дмитрий Донской», «Можайский». На всех палубах гремят музыка: там пассажиры праздничного рейса, наши рабочие с семьями, гости из Куйбышева, из окрестных колхозов.

Медленно раскрываются четырехсоттонные створки ворот. С «Казани» режут алюминиевую ленту. Войдя в камеру, суда как бы салютуют продолжительными гудками.

Спустя несколько минут открываются вторые такие же исполинские ворота, и пароходы, поднявшись на ступеньку по волжской «лесенке», втягиваются в судоходный канал. По обеим берегам канала тысячи людей кричат «ура», машут, бросают вверх шапки, аплодируют.

Пуск нижних шлюзов — это вызов главным силам.

— Атакуйте Волгу, мы готовы!

А атаковать Волгу и «прихлопнуть» ее правобережный прорыв, где она, разъяренная, мечется в камениной трещине, можно будет лишь тогда, когда сбьем в этом месте напор воды, отвлечем бурлящий поток в сторону, к донным отверстиям ГЭС и в котлован; туда Волге рано или поздно все равно придется пойти по подводящему каналу.

Но котлован не готов к затоплению. Бетон, что называется, ростом не вышел: много еще возни в подводной части. И теперь там, на ГЭС, возникла неотложная, властная задача — подняться выше воды, выйти на «пусковой» уровень.

Там бетонная страда еще не кончилась, а монтаж-

Будущий машинный зал.

ная уже началась, и в тесных секциях гидростанции, в машинном зале огнем и железом крепилась тридцатая сила общего фронта арматурщиков, бетонщиков, монтажников.

Бетоновозная эстакада — она вроде главной артерии или главного нерва основной площадки гидроузла. Сплошным потоком идут по ней поезда на мотовозной тяге, длинные составы с бетоном, с арматурой, с плитами-оболочками, с деталями агрегатов.

С этой эстакады в здание ГЭС укладывается почти весь бетон. Чем ближе к завершению работ, тем труднее здесь работать. В сентябре в связи с подготовкой котлована к затоплению была разобрана часть перемычки, где проходили пути железнодорожного кольца, включавшего и эстакаду. Теперь кольцо разорвано, и поезда пришлось перевести с кольцевой на двустороннюю тягу. При этом нельзя снижать темпов бетонирования, наоборот, надо усилить поток бетона.

На монтаже арматуры.

Мы создали на эстакаде распределительный пункт. Устроили разъезды-обгоны, чтобы поезда не мешали друг другу.

Ничего, справились! Да еще грузили больше, чем прежде. Раньше разгружали в сутки до трехсот поездов, а теперь ухитрились принимать все триста пятьдесят. Раньше сбрасывали тысячу двести кубометров бетона за смену, а теперь тысячу восемьсот.

Все двадцать агрегатов в общей сложности весят 63 тысячи тонн. Собирают их и монтируют частями. Сначала ставят на место статор, огромный круглый, колыцевидный панцирь генератора. Потом опускают рабочее колесо турбины, а затем ротор. Эти три главные части собираются на внешней площадке и оттуда, схваченные кранами, плавно совершают воздушный путь к своему месту.

Чтобы поднять и поднести девятисоттонный ротор, нужны усилия двух спаренных кранов.

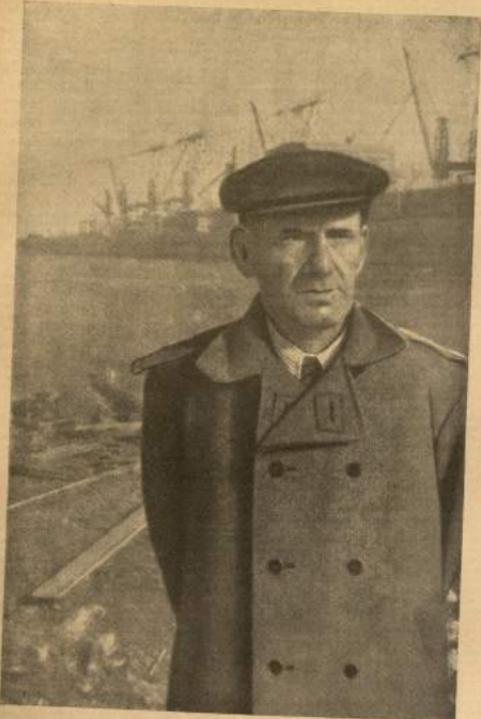
Предельная грузоподъемность такой «парочки»— девяносто тонн. Вот, значит, до какого веса можно предварительно укрупнять стальные узлы механизма. Не будь у нас этой укрупненной сборки и крупно-узлового монтажа, пришлось бы монтажникам долгие месяцы, если не годы, возиться в мрачной тесноте кратеров, агрегатных шахт.

Было время, мы переживали: первый ковш земли, первый кубометр бетона. Теперь у всех на устах: первый агрегат!

Съехались чудотворцы-монтажники во главе с монсieur Никифоровым. Среди них патриарх-турбинист мастер Сергей Григорьевич Петров, бригадиры Николай Дзионзик и Алексей Бугаев, изъездившие всю страну, от Сибири до Таджикистана, и, как сказал Дзионзик, доставившие на Волту опыт, собранный по крупицам со всей советской земли за многие годы.

Никогда еще там не скрещивались нити и стрелы бесчисленных графиков, как в эту бурную осень 1955 года.

Я говорил уже, что затопление котлована икрытие Волги тесно связаны. Теперь следует добавить: чтобы завертелось первое рабочее колесо, надо иметь

Сергей Григорьевич Петров.

определенный уровень воды, а его не будет, если мы перекроем Волгу.

Чтобы привести в движение такой могучий гидроагрегат, надо пропускать через турбину без малого два миллиона кубометров воды в час! И мы спешим, так как на дворе осень, близок ледоход, и малейшее опоздание может отбросить нас почти на целый год.

Остановить бег Волги в октябре — очень правильная тактика. Грозный наш противник наиболее уязвим именно в это время года, хотя остается могучим и своенравным. Как никак великая река на пути от верховьев к Жигулям вбирает в себя энергию двух тысяч рек и речушек. Волга даже в это время несет до двенадцати тысяч кубометров воды в секунду.

Конечно, за предыдущие пять лет мы основательно потеснили реку: в 1951—1952 годах надели на нее тяжелую узду перемычек и заставили «отощаться» на сорок процентов. Налетев на верховную защиту ГЭС, она метнулась к левому берегу.

Какая это была картина! Река в отчаянии размывала песчаный отлогий берег, уносила песок вниз, к большим глубинам, выравнивала себе ложе.

Здесь, на левобережье, в 1953 году атаковали Волгу земснарядчики, так что вскоре ей пришлось удовольствоваться 340-метровой правой протокой, или, как мы говорим, прорывом. Прежде чем замыть земснарядами левую протоку, понадобилось сбросить в воду много камня, чтобы река не размыла дно, иначе пришлось бы иметь дело с бедной. И на правом берегу в последней протоке тоже следовало сделать нечто вроде каменной постели. Камень обрушивали сверху, с канатной подвесной дороги и с барж.

Дво Волги, как и Днепра, состоит из мелкозернистого песка. Поэтому мы вели перекрытие таким же методом, как и на Каховской ГЭС. Вначале на дно отсыпали каменистый банкет, а потом намыли грунт земснарядами.

Но одно дело Днепр, другое — Волга. У Жигулевских гор она несет, как я уже сказал, до двенадцати тысяч кубометров воды в секунду, а Днепр всего только тысячу четыреста кубометров.

Чтобы легче было намывать, мы создали поперек русла, метром на пятьсот выше, каменный остров, и между двумя каменными барьерами оказалось тиховодье — в это пространство земснаряды начали намывать грунт.

Теплоход «Ветер», буксировавший баржи с камнем, несколько раз отбрасывало, уносило на быстрые, но капитан Владимир Филиппов не терялся, разворачивался еще и еще раз, пока не подводил баржи к точной позиции.

Там же работал и наш «Дмитрий Донской» с Беляковым на капитанском мостике.

Работа была опасная, рискованная.

«Дмитрия Донского» постигла печальная судьба. Однажды, когда он буксировал земснаряд, Волга разверзлась, штормовой ветер налетел на теплоход, развернул поперек реки, а потом в одно мгновение потопил.

При спасении людей погиб матрос Алексеев. Сам капитан шесть раз нырял под воду, разбил стекло, поранил себе руку и спас женщину с ребенком, застывшую бедой на борту теплохода.

Да, нелегко нам далось «укрощение» Волги. Но она еще помытарит нас!

Мне позвонил министр строительства электростанций Федор Георгиевич Логинов:

— Вы еще никогда не перекрывали реки? Очень рекомендую съездить в Горький, посмотреть, как пройдет перекрытие там. Полезная будет поездка.

Летим в Горький.

Наш пилот Валентин Дьячков мигом доставил на Горьковскую ГЭС меня и начальника работ левого берега Владимира Владимировича Антонова. Спешим на наплавной мост, с которого будут сбрасывать камень.

Много сделали горьковчане. Здание ГЭС стоит во всей красе, плотина почти закончена. Только вот шлюзы отстали.

На правом берегу приготовлена целая гора бетонных «ежей» вроде тех, какие делали во время войны для противотанковой обороны. Нам объясня-

ют, что сначала в воду полетят бетонные кубы (две с половиной тысячи штук), а потом «ежи» и камень.

В восемь утра началось. Двинулись самосвалы; три экскаватора и два крана без устали загружают их.

Казалось, Волга совсем равнодушна к насилию, учиненному над ней. Собственно, река здесь спокойна, расход воды в несколько раз меньше, чем у нас, в Жигулях. Первые кубы канули тихо и бесследно. Только во второй половине дня обозначился горбик на широкой неторопливой волне, но камень из воды еще не выглянул. Кое-кто уже беспокоится, хватит ли груза.

На обоих берегах собралось много зрителей.

До вечера ходим по наплавному мосту от машины к машине, всматриваемся в Волгу и не обнаруживаем никаких заметных перемен. Ну и прорва! Операция продолжается ночью. Мощные огни и музыка придают особую торжественность этому моменту. Только к утру в нескольких местах вылез из воды каменный гребень. Течение усилилось, Волга уже бурлит, гневается. На мосту трудно разговаривать, приходится кричать.

А что там размахивает руками Антонов? Он предполагает, что Волга размыла у левого берега основание и уносит камень. Так и есть. Надо немедленно усилить разгрузку самосвалов, и именно в том самом месте, где образовалась промонка.

Подходит машина за машиной, но шоферы в цель не попадают. Тут уж мы все, и хозяева и гости, подсказываем шоферам, бегаем по мосту, кричим.

— Попадите, ребята, в точку! — взываю я к шоферам. — На вас и куйбышевские гидростроители смотрят!

Вот один удачно подошел с машиной и сбросил камень безошибочно. Бегу к нему с благодарностью от Куйбышевгидростроя. За ним другой попадает в цель, третий.

И вот гребень выравнивается.

Значит, Волга изнемогла в борьбе с атакующим камнем. К концу дня поднимается каменный вал, уже

сухой, светло-желтый. За ним Волга во всю ширь обмелела, а потоки воды ушли к сооружениям ГЭС.

Все в порядке. Спасибо, горьковчане! Кое-чему мы тут научились. Хорошо. Теперь атакуем Волгу в Жигулях.

Мы совершили «сделку» с начальником строительства Горьковской ГЭС тов. Юриковым: забираем оставшиеся неиспользованные «ежи» и бетонные кубы. Но «оживились» мы, конечно, не только этим. Автомобиль еще на наплавном мосту достал карандаш, логарифмическую линейку и стал прикидывать, верно ли мы определили потребное количество пирамид и камня для перекрытия Волги в нашем жигулевском створе.

В самолете мы с ним продолжаем расчеты. Проран у нас метров на двадцать шире да в полтора раза глубже, а расход воды больше в три раза. Выходит, что мы не напрасно заготовили столько пирамид и камня.

С самолета хорошо сейчас виден наш гидроузел. Правда, с высоты он не производит впечатления: итючка бетона поперек Волги, и только. Пройдет несколько дней, к сооружениям хлынет вода, и тогда даже с катера, а не то что с самолета вся наша работа будет выглядеть более чем скромно: громады уйдут под воду.

Сразу с аэродрома мы с Владимиром Владимировичем едем в бухту, где собирается из барж наплавной мост. С нами Федор Иванович Резников, теперь уже он начальник района земляной плотины, отвечающий за всю подготовку к перекрытию Волги.

С первых же слов Резников признается, что остался руководство: сборка моста затягивается, бетонных пирамид заготовлено меньше половины, камня тоже мало. Талантливый он инженер, Федор Иванович, а человек слишком мягкий. Не приказывает, а советует, не требует, а просит. Но отсрочки он не добивается:

— Сделаем! Двадцатого сентября мост будет собран, двадцать пятого готовы будут все три тысячи пирамид...

Можно ему верить. Недостатки свои он возмещает замечательными достоинствами: завидным трудолюбием, находчивостью, хозяйствской сметкой.

По правде сказать, меня больше беспокоило состояние котлова. Ведь чтобы пустить воду, надо уложить бетон до отметки «38», вывезти из котлова все оборудование, механизмы и материалы, разобрать низовую и верховую перемычки, куда мы в свое время всадили столько металлических шпунтун, уложили столько камня.

Вот оно, то место, где мы отчаянно боролись с Волгой, спасая котлован во время прорыва перемычки. Экскаватор уже оголил большую часть насыпи. Ба, знакомые мешки с песком! Сколько же мы их тут нашли! А это что такое? Неужели цемент? Да, в горячке накидали и мешки с цементом. Как же это я недоглядел!

А шпунт стоит крепко. Недаром били мы его шеститонным копром.

Разборка верховой перемычки идет пока хорошо, а вот с низовой не ладится. Там придется резать шпунтун под водой.

Друзья с Балтики прислали на самолете электроды для подводной резки металла. Бригаду сварщиков-подводников сформировал все тот же Сергей Милеант, наш славный водолаз. На подмогу мы посылаем еще плавучий кран — выдергивать отдельные перемычки от верховой не отстанет.

Чего еще не хватает, чтобы пропустить воду в котлован?

Бетона не хватает. Надо поднять его на здании ГЭС до проектных отметок. Осталось уложить не так уж много, но зато в самых различных местах, в закоулках, в дырах.

Бетонщики, как любят выражаться начальник района Кан, наступали уже не мощными отрядами, а в рассыпном строю.

Гигантские камеры водохранилища, по которым мы свободно расхаживаем, уже чисто выметены. Уходя, бетонщики разукрасили своды и стены — все равно

это уйдет под воду! — веселыми стишками, автографами. На самом верху кто-то умудрился жирной краской вывести: «Шабаш».

Да, Волга — приемщик строгий, но государственная комиссия тоже поблажек не даст. Она придирчиво осматривает все, что сделано, и одно за другим выставляет категорические требования; там подлатать, там подрубить, там заполнить, там замазать... Иначе не разрешит пускать в котлован воду.

Комиссию неизменно сопровождает целый «хвост» наших начальников районов, инженеров, прорабов, уподобившихся школьникам, которые жаждут узнать, какую из поставлены отметку.

Стоят солнечные сентябрьские дни, и руководящий состав большей частью общается на вольном воздухе, а не в кабинетах. Приемы и свидания назначаются в котловане.

Всех бетонщиков, кого мне нужно повидать, я без труда нахожу на эстакаде или на бычках.

Уже никто не жалуется на бетонные заводы: в смеси недостатка нет. Мне приходится без конца улаживать недоразумения с кранами: подъемные механизмы теперь наполовину заняты монтажными операциями. Некоторые краны по несколько часов держат тяжелые металлические части, пока их крепят и сваривают. Кран, иными словами, несет вахту в качестве подсобного тяжелажника. Но это вызывает нарекания бетонщиков, которым каждую минуту и в самых различных местах нужны железные руки кранов. Борьба за краны!

— Дайте нам свободу маневра! — требует от меня бетонное начальство.

Смуглый крепыш невысокого роста, подтянутый и ладный — это и есть Виталий Яковлевич Кан, обруссевший кореец. Имя этого инженера так часто повсюду склонилось, что некоторые приезжие, привыкшие к обилию сокращенных наименований и запутавшиеся в неведомых марках бесчисленных наших механизмов, спрашивали, как расшифровывается загадочное «КАН». Ведь они то и дело слышали: «Встретимся у Кана», «Тут нужен будет Кан», «Где

тут Кан?», «Как дела у Кана?», «Идите в район Кана».

Из начальников районов Кан считается самым упрямым. Но есть два вида упрямцев — активные и пассивные. Один глух к возражениям и доводам, как гора Могутовая, и его так же трудно свинуть с его точки зрения, как эту гору. Другой упрямится активно — с размаху бьет по возражениям и доводам, наступает, крушит, доказывает и добивается своего. Упрямство Кана активно.

— Товарищ Кан, сколько вам нужно времени, чтобы забетонировать до заданной отметки вторую секцию?

— Четыре дня, если...

— Что если?

— Адресуйте свой второй вопрос арматурщикам.

— За нами задержки не будет, — подают голос арматурщики.

— Все. Сказано: четыре дня!

Десятка раз вывешивались «молнии»: «По вине тов. Кана срывается...», «Тов. Кан! Вы срываетесь...», но ни одного дела Кан не сорвал. Кстати говоря, не без помощи этих «молний», которые не оставляют разводнищим даже такого упрямца, как Кан.

Со своим главным инженером Алексеем Ивановичем Трегубовым Кан как бы состязается: кто дольше сохранил спокойствие? Чем горячей обстановка, тем больше спокойствия и невозумности проявляют они оба.

— Да, я слушаю, — поднимает телефонную трубку Трегубов. — Вы меня удивляете: я не знал, что вы такой заядлый шахматист. Что ни слово, то мат. Перезвоните, пожалуйста... Вот. Другое дело. Здравствуйте. Ага. Ага. Ага. Правильно. Будет. Говорю, будет. Привет.

— Ну, знаете, — убеждает кого-то Кан, — если вы двое суток домой не уходили, без обеда оставались, это меня очень беспокоит. Ведь в условиях социализма не ест тот, кто не работает. А бородой вы не обросли? А умылись сегодня? Ну вот. А в нашем районе все нормально обедают, бреются и умы-

ваются. Да, да. По лицу можно определить, каково положение на объектах.

Думается, Кан немножко преувеличивает.

В те дни у нас не все блестело культурой. Достаточно вспомнить, что творилось в котловане. Чистота царила только в бетонных камерах, а вся чаша верхнего и нижнего бьефа была завалена горами строительного мусора. Нам пришлось создать чрезвычайный штаб очистки котлована. Во главе этого «мусорного штаба», как его моментально окрестили, был поставлен Кунаковский, заместитель начальника работ правого берега, и он в тот же день подсчитал, что мусора накопилось... семьдесят тысячи кубометров!

Несколько раз в день, как военный совет, собирался «мусорный штаб». Мы отдали в его распоряжение все до единой свободные машины, бульдозеры, скреперы.

...Считанные дни остаются до затопления котлована.

По всей стройке идет соревнование: кто завоюет почетное право участия в перекрытии? Наш постройкой тщательно изучает огромные списки «кандидатов», из них надо отобрать лучших экскаваторщиков, лучших шоферов, лучших земснарядчиков. Председатель постройкома в полной растерянности сообщает нам, что, по предварительным итогам, людей, безусловно достойных почетного задания, оказалось гораздо больше, чем это нужно для перекрытия Волги. Как быть? Одних шоферов с наивысшими показателями насчитываются четыреста, куда их столько? Отличников-бульдозеристов свыше пятидесяти, а работы едва хватят на десять человек. Решаем так: кому не достанется работы на почетной вахте по не зависящим от него причинам, тому наравне со всеми участниками штурма выдать памятные почетные грамоты.

Как быстро меняется картина стройки! Еще совсем недавно, кажется, мы катерами добирались к десятой опоре канатной дороги, стоявшей каменным островком на быстрине. А теперь в оstromок

упирается широкая гряда земляной плотины, и по пыльной дороге катят с левого берега вереницы машин, будто здесь всегда была суши. Десятая опора стоит сейчас, как мощный каменный плацдарм для решающего броска, для штурма последних трехсот сорока метров волжского русла.

К опоре подали дебаркадер, где расположился штаб Резникова. Там же и наш с Разиным командный пункт. Там же обосновались гидрологи, ведущие непрерывное наблюдение за режимом Волги. Там же кухня прославленного повара Агаяна, «главного кулинара перекрытия Волги», который приготовился падать горячую пищу и горячее кофе прямо на плавном мосту.

И вот, наконец, подтянуты к прорану звенья плавного моста. Баржи и понтоны скреплены тросами, накрыты добротным дощатым настилом, к нему с обоих берегов спускаются забетонированные дюрожки. Проезжая часть плавного моста и металлические балки расположены так, чтобы нагрузка пришлась на кору. Носовую часть для выравнивания предполагалось засыпать песком. Но по опыту горьковцев наши решили затопить носовые отсеки водой. Это быстрее и дешевле. Наступил торжественный момент — впервые в жизни, впервые в истории Ставрополя, Жигулей Волгу можно в этом месте пешком перейти с берега на берег.

Плавный мост весь расписан, расчерчен: как идти машинам, где останавливаться, где разворачиваться. Барьеры украшены флагами, лозунгами, плакатами. Над мостом висят гирлянды ламп. С железных переплетов матчи десятой опоры нацелены прожекторы. Выставлены радиодинамики.

Кажется, все готово. Решаем: 25 октября в девять часов утра начать затопление котлована.

Здание гидростанции тоже разукрашено. В котловане благодаря заботам «мусорного штаба» полный порядок: ни щепки, ни гвоздика, ни камушка. Светлыми плитами выстлано все гигантское ложе.

Чашу котлована заполнили тысячи строителей. Впрочем, где там заполнили! Когда люди сошлись

на митинг, они заняли меньше четверти грандиозной «аудитории». Шли медленно. Каждому хотелось на последок прогуляться по родным местам, куда с завтрашнего дня уже не ступит нога человека.

Митинг был короткий. Выступили Мурсыев, Александров, начальники участков Червяков и Комиссаров, экскаваторщики Борис Коваленко, шофер Болдин. Сказал несколько слов и я.

Но предстояло дать слово... Волге. Все взоры обращены были к низовой перемычке. Она была уже основательно разобрана. Оставалось лишь сделать небольшую прорезь, чтобы вода хлынула и размыла всю оставшуюся, уже ничем не укрепленную насыпь.

Это самое долгожданное событие.

Сделать прорезь поручено было «Уральцу» экскаваторщику Чеволдаева и «Воронежцу» машинистов Фоканова и Терехова.

Все, кто только что был на митинге, бросились к противоположному откосу котлована. Люди забрались на гребень перемычки, плотным кольцом обступили экскаваторы, и сдва только Чеволдаев зачерпнул один ковш рыхлого грунта, как сотни людей стали ногами разгребать землю и гнать вперед маленький ручеек, побежавший из нижнего бьефа в сторону котлована. Войдя в азарт, некоторые бросали в ручеек свои старые, замасленные кепки, благо теплый сезон все равно кончается, и не сегодня-завтра погода заставит надеть ушанки. Некоторые в полном восторге сбегали с перемычки вниз, обгоняли ручеек и как бы затягивали с ним, заманивая в котлован. Иные по неосторожности оказывались по колено в воде. Это только усиливало всеобщее возбуждение.

Шум, крики, смех, рукоплескания.

— Товарищи, все по рабочим местам! — объявляет по радио Александров. — Всем покинуть котлован. Повторяю: всем покинуть котлован!

Землечерпалка «Цюрупа» сделала несколько таких глубоких выемок, что вода пошла уже не ручейком, а широкой и быстрой рекой, и вскоре мутная волна добежала до бетонных бычков гидростанции и устремилась в камеры водосбросов.

Последний раз июля собрались в котловане. Через несколько минут сюда хлынет вода.

Волга как бы принята с черного хода. Ничего, когда будет раскрыта верхняя перемычка, поток пойдет в обратном направлении, нормальным путем в донные отверстия, а потом из водосбросов сюда, вниз. Сегодняшняя «низовая» вода будет встречать главные потоки и сдерживать их, сокращая перепад, смягчая напор.

К вечеру вода полностью заполнила чашу котлована, вышла и в верхний бьеф. К утру уровень воды в котловане сравнялся с уровнем реки, и теперь, если сломать верховую перемычку, Волга не водопадом ринется к бетонным сооружениям, а потечет спокойно, что, собственно, нам и нужно.

А на наплавном мосту ждут не дождутся команда перекрывать Волгу. На высоком правом берегу лежат наготове огромные запасы камня. Немножко ниже моста, на том же берегу — склад бетонных четырехгранных пирамид по десять тонн весом каждая. Изготовились крановщики. Несколько «репетиций»

Вот уже землечерпалки разрушили перемычку.

проводили автомобилисты. Давно готовы самосвалы с нашими, собственной конструкции, площадками вместо кузовов. Площадки эти сварены из рельсов: чуть наклонить, и пирамида сползет.

— Когда же? Ну когда же?

Покоя нет от этих бесконечных вопросов. Десятки корреспондентов центральных газет, кинооператоров, фотокорреспондентов так и дежурят сутками на наплавном мосту, боясь прозевать главные события. Больше всего их огорчает, когда Разин или Резчиков со спокойной улыбкой отвечают им:

— А зачем спешить?

Кинооператоры выпросили одну машину: пусть она сбросит хотя бы одну пирамиду для пробы, для опыта, для одного кадра.

«Гидростройтель» выпускает листовки. Одна из них, зовущая на штурм Волги, написана особенно здорово, как, бывало, писалось в армейских газетах перед крупным наступлением.

«Штурмовать» Волгу начала уже и наша радиогазета, опекаемая приезжими писателями и журна-

листами. Там и наш Николай Медведев, старший прораб наплавного моста, он же поэт, он же диктор, он же и редактор. Над Волгой звучат стихи Медведева, стихи о строителе:

На его пути — пламенеть огнем.
На его пути — голубеть морам.
На его пути — этажам растя.
На его пути — городам цветти.

Все готово к перекрытию Волги, кроме верхней перемычки. Раскрыть ее до конца не так-то просто. Глина, смешанная с горной массой, с тем камнем, которым мы усиленно крепили перемычку и мостили дорогу на ее гребне, не поддается экскаваторам. На что уж опытен и силен Михаил Евец, но и он медленно, считанными сантиметрами выгрызает стенку своего забоя. Тут особенно важно срезать перемычку под самый корень, чтобы не было никакого перепада, ни малейшего переката воды.

С флангов кое-как выбрали грунт, но вот в середине, особенно в том месте, где мы аварили во время прорыва, держится крепкий каменный островок. А оставлять его нельзя. Дело серьезное.

На моем командном пункте заместитель министра строительства электростанций Иван Иванович Дмитриев проводит специальное совещание: как расширить проход для волжской воды и убрать с ее пути все препятствия?

Долго совещаемся, наконец Дмитриев говорит:

— Вот что. Возьмите баржи, погрузите туда пять-шесть бульдозеров с самыми смелыми, самыми отчаянными машинистами, подойдите к островку, выгрузите машины, и пусть бульдозеры срежут островок.

Баржи всегда готовы. Биданов дает распоряжение срочно подать бульдозеры. На островок наводятся прожекторы. Часов в одиннадцать вечера подходим на баржах с бульдозерами. Делим остров на

Наплавной мост.

квадраты, и бульдозеры начинают срезать грунт. Глина вязкая. Мы стоим по щиколотку в воде. Бульдозеристы каждым рывком отбрасывают коричневые космы грязи.

Уже за полночь. Мы все порядком устали. Бульдозеристам вовсе не нужно столько начальства, но никто из нас не уходит. Я знаю, что своим присутствием мучаю Карцева и Бидановка: им обоим незачем тут дежурить. Впрочем, если я и уйду, то ни Карцев, ни Биданов все равно не отлучатся ни на минуту. Оба они простили на ветру, у Карцева слезятся глаза.

— Проклятый остров! — чертыхается он. — Надо назвать его Островом отчаяния и слез.

— Ну, знаешь ли! — поправляет его Биданов. — Еще чего не хватало! Надо назвать Островом надежд!

— Островом радости! — добавляет Разин. — Видите, дело пошло: пятачок остался. Сколько времени?

— Три часа.

— Оставить один бульдозер. Остальные — на баржу! — командаeт Разин.

Остается самый отчаянный машинист — Николай Балашов.

— Сколько еще можешь работать? — спрашиваю его.

— Пока бульдозер не всплынет...

К утру Балашов уже бороздит скрытый под водой остров. Машина наполовину в воде. Вода подбирается к сиденью водителя. Он прыгает вон, и погруженный по пояс в воду — не забудем, что на дворе конец октября, — ногами ощупывает дно и примеривается, куда ему направить нож бульдозера.

— Хватит! — кричим ему с баржи. — Причаливаем!

Человек двадцать заходят в воду, чтобы пристроить трап, по которому бульдозер взберется на баржу.

Совсем светло было, когда кончили.

Над срезанным островком Волга едва заметно моршилась, потом волна улеглась, муть осела, и первый рассветный луч упал на гладкое, ясное зеркало нового водохранилища.

ПЕРЕКРЫТИЕ ВОЛГИ

Наступил момент, когда можно дать сигнал к штурму последней протоки.

Как на параде, выстроились готовые к маршру автоколонны, расщепленные флагами и транспарантами. На горе у белого камня в нетерпении ждет команды бригада Бориса Коваленко со своим экскаватором «девяткой». Крановщики примериваются к пирамидам.

У въезда на мост сооружен красочный щит, задуманный в виде циферблата, который будет непрерывно в различных показателях отражать ход операции

Обрушим в Волгу горы камня!

и постепенно, буква за буквой, обнажать надпись: «Волга перекрыта».

А на самом мосту... гуляют.

Все, кто свободен от работы, жены и дети рабочих и инженеров, многочисленные гости, съехавшиеся отовсюду, уже вторые сутки под неумолкающую музыку прогуливаются по широкому, чистому, до лоска вымытому настилу.

— Всех лишних просят покинуть мост!

Надо начинать.

Мы утвердили график перекрытия, рассчитанный на сорок восемь часов. Использовали для этого данные о перекрытии Днепра, Свири, Камы, недавней операции на Волге у Горького. Учили, что нам будет гораздо трудней: в нашем створе Волга и шире, и глубже, и напор гораздо сильней.

— Товаришу Урицкому, — передает по радио Резников, — приготовиться к приему бетонных мас-сивов...

Урицкий — начальник участка земляной плотины. Он флагом подает сигнал автоколонне. На мост первым пойдет самосвал Георгия Игнатьева, щофе-ра, заслужившего высокую честь открыть наступле-ние на Волгу.

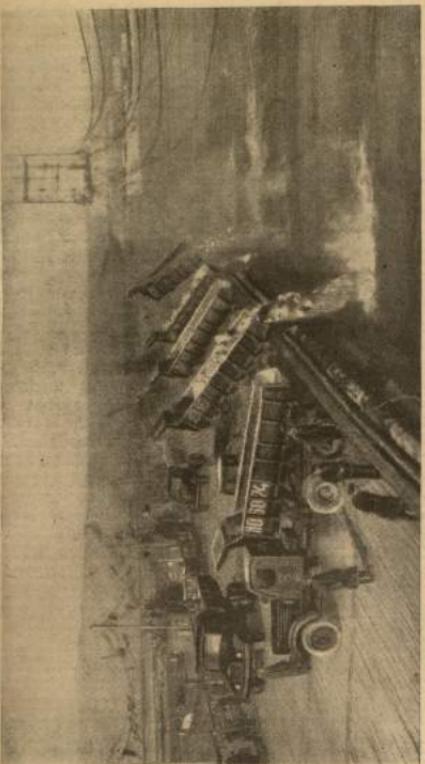
Кран подхватил пирамиду за железное ушко и легко поставил на рельсовую платформу самосвала. Игнатьев тронул. Пшел на мост. Развернулся у бе-лой черты, задним ходом по знаку регулировщика подал машину к самой бровке моста, тихо поднял платформу, и пирамида скользнула вниз. Освободив-шись от груза, машина слегка подпрыгнула, мост качнулся на волне. Первый всплеск. Фонтан брызг. Бетонная громада ушла в бездну.

Разворачиваются следующие машины. Летят и лесят пирамиды. Вся публика, столпившаяся на берегах, хором ведет им счет. А Волга спокойно погло-щает громаду за громадой и только отфыркивается. Не заметно никаких перемен на ее широкой и вольной волне. Как они там, наши «гостиинцы»? Не относит ли их течением?

Вперемежку с пирамидами решили бросать глы-бы камня поменьше, бесформенные, чтобы они за-полнили пустоты между ними.

Спустя несколько часов тысячи людей вдруг раз-зом вскрикнули: «Ухо показала!..» Да, наконец-то одна пирамида не канула в глубины, а пошла по тек-чению кувырком, отскакивая от граней уже нагромож-денных под водой пирамид, и, тяжело перевернув-шись с боку на бок, остановилась, высунув из воды острый уголок, в самом деле похожий на ухо. Вот тут-то мы и увидели, как легко играет Волга десяти-тонными «гостиинцами», как она бесцеремонно швы-ряет их и относит течением.

Кончилась смена. Но многие не хотят уходить. Как же уйдешь, если самое захватывающее впереди! Но мы-то ведь обещали всем отличившимся дать по-работать на перекрытии.

— Немедленно на ходу смениться! — даем по радио приказ.

Гидрологи докладывают, что скорость Волги у донных отверстий усилилась. Ага, значит, наш камень уже передресовал часть потока к гидростанции. Хорошо! Но здесь пока только отдельные углы торчат из воды. Сплошной гряды еще нет.

Широкая волна разбилась на несколько течений. Волга уже бессиестся, бурлит у каменных преград, обегает их, пенится, кружит водовороты.

— Следите за равномерностью отсыпки камня! — командает Разин. — Усилить сброс пирамид к левой части протоки! Товарищи Саулиди! Почему водители превышают установленную скорость?

Все больше камня идет на фланги. Там, на выступах берега, уже стоят наготове бульдозеры, которые, как только поднимется каменная гряда, пойдут выравнивать ее и уминять.

На погрузке камня в машине бригады Бориса Коваленко раздаются веселые крики и смех. Это бригадир, которому кажутся слишком долгими интервалы между подачей самосвалов, решил позабавить публику. С утра еще запасшись краской, он выбрал большую белую глыбу камня с гладкой поверхностью и вывел кистью: «Привет судакам!». На машину, привившую в кузов этот именной груз, сразу нацелились десятки фотоаппаратов. Не для них ли, для приятелей-журналистов, придумал Борис свою веселую шутку?

Уже передается третий выпуск радиогазеты. Выступают у микрофона шоферы, крановщики, гидрологи, экскаваторщицы, читают свои литературные зарисовки и стихи-экспромты наши друзья — писатели.

Надвигаются сумерки.

В отчаянии выбегает на мост повар Атани. Целый день прошел, а в столиковую к нему никто не является. И вот он выводит свое кулинарное подразделение на передовую: девушки в белых халатах несут на мост корзины и термосы. По кабинам разносят котлеты и чашечки кофе.

Сброшено больше тысячи пирамид. Волга вся по-

крылась белой пеной. Она ревет. Теперь пирамиды только наполовину уходят в воду, и потому каждая взметает такой мощный фонтан брызг, что и регулировщики, и мы все, стоящие на мосту, то и дело прихватываем холодный душ.

К утру мы уже все здорово промокли и продрогли. Иван Иванович Дмитриев, заместитель министра, и Михаил Тимофеевич Ефремов, первый секретарь обкома партии, ни на минуту не отлучаются, как я ни уговариваю их пойти обсохнуть и согреться.

К шести часам утра вырисовался гребень каменного банкета. Волга заметно приутихла. По этому гребню бросаем мелкий камень и горьковские «ежи», которые для нас, увы, оказались слишком легонькими. Эти «ежи» позже находили в нескольких километрах ниже места перекрытия.

Можно ли считать, что Волга уже перекрыта? Можно. Сквозь камень пробиваются только слабые ручейки. Почти весь напор снят.

Сколько времени прошло? Девятнадцать часов. Ну, еще полчасика набавим на эти ручейки.

— Ну, тогда уже давайте точно, — предлагают нам спустя полчаса гидрологи. — Девятнадцать часов тридцать пять минут.

Вместо сорока восьми!

— Выступите, скажите что-нибудь перед микрофоном, — советует мне Разин. — Я прикажу прекратить сброс пирамид. Пусть кидают только камень для выравнивания гряды. И дело с концом. И поздравим всех!

Я произношу несколько слов по радио, благодаря всем участникам замечательной победы.

— А музыку не выключать! Давайте вальсы!

Утром 31 октября начинается разборка наплавного моста. Его переправят к бычкам сороудерживающим сооружением, и он там послужит эстакадой для бетонщиков.

С правого на левый берег и обратно пошли первые пешеходы. Антонов, начальник левого берега, обнимает Александрова, начальника правого берега.

Утро наступает победное, но не праздное. На ка-

менную гряду уже нацелены, как жерла крупнокалиберных орудий, трубы земснарядов, подтянутых для намыва трехсотокаметрового продолжения земляной плотины.

В предоктябрьские дни, через неделю, над бывшим прораном уже возвышался гигантский земляной вал. Земснарядчики намывали по триста тысяч кубометров грунта в сутки.

Собираясь на праздник в Москву, зашел проститься со мной и с Разиным профессор Михаил Михайлович Гришин, видный гидротехник.

— Вот что я вам скажу, товарищи: перекрытие проведено отлично. Это был величественный парад, демонстрация мощи нашего советского гидростроения. Доставили мне, старику, радость. Спасибо!

СТРАДА МОНТАЖНАЯ

Волга покорилась, но она еще на нас не работает. Теперь все усилия на подготовку к пуску первых агрегатов. К Новому году во что бы то ни стало дать ток!

В разгаре страда монтажная.

На внешней сборочной площадке собирали статор. Впервые в монтажной практике собрали его целиком, чтобы затем в готовом виде поставить на место.

Павел Черняев, один из самых искусных такелажников, с восторгом взялся строповать этот небывалый груз. Вес — триста тонн. Это порядочно, но все-таки не в весе дело: рабочее колесо и ротор еще тяжелее. Дело в размерах. Диаметр статора — семнадцать метров.

Такие машины еще никогда краном не поднимали и тем более не таскали в воздухе по такому громадному машинному залу.

Здесь, на сборочной площадке, в машинном зале, ты уже забываешь, что рядом Волга. Чувствуешь себя как на большом заводе.

Здесь — Ленинград.

В самом деле, почти все эти стальные громады, комплексы удивительных механизмов и приборов,

Знатные монтажники Витальев и Яблочкин.

хитроумная автоматика — продукция знаменитой «Электросилы» и Металлического завода имени Сталина. И шеф-монтажи и мастера — из Ленинграда. Вот уж поистине Нева на берегах Волги!

Монтажники — тоже в большинстве ленинградцы, но, правда, ленинградцы... всесоюзные. Они исколесили все края и области страны, от Свири до Минчечуара, от Камы до Севана.

Руководитель монтажа турбин Иван Васильевич Никифоров в эти дни безжалостно критикует нас на совещаниях. Человек очень сдержанний и немногословный, он страшно гордится, если бетонщики хотя бы на два часа нарушают график.

— Давайте уж будем верны своему слову, товарищи! — то и дело говорит он.

И я должен признать, что, начиная с монтажного этапа стройки, мы, строители, немножко подтянулись и не без влияния таких людей, как Никифоров, представляющих здесь новейшую советскую школу высшей индустриальной организации. Мы стали чаще поглядывать на часы, строже следить за своими графиками.

...Иван Васильевич Никифоров не только тезка мие, но и ровесник. Впрочем, дружба наша обошлась бы и без этих случайных совпадений. Меня привлекает Никифоров прежде всего его удивительная работоспособность. Он всегда спокоен, уравновешен и, конечно, в совершенстве владеет всеми тонкостями сложной инженерной профессии металлиста, механика, монтажника. Тут, на вершине, могут удержаться только те, кто учится и усваивает новое ежедневно и ежесменно, не позволяя себе довольствоваться даже самыми громкими победами и успехами.

Но к этим качествам надо прибавить вот что. Никифоров всегда с коллективом. Причем это не тот тип «массовинчика-бодярчика», завсегдатая всех танцулек и пиршшек. Нет, он с коллективом прежде всего в деле, в повседневной работе. Обычная картина: собралось трое-четверо монтажников, один что-то рисует мелом на черном листе железа, другой правляет, и глядишь, там уже возле них Никифоров. Он непременно вяжется в спор.

А о чём обычно споры?

— Только о том и спорим, — с гордостью говорил мне о своих людях Иван Васильевич, — удастся ли сократить монтажный цикл и как-то компенсировать на монтаже отставание... ваще, дорогой товарищ, ваше отставание, строителей. Видите, всегда думаем о вас и всегда готовы выручить. Выручить — это да, но прощать — нет, — обращают он в шутку свой упрек.

Но он прав. Мы перед монтажниками в долгу. Так уж мы привыкли к их доблестной работе, что нарушили график в полной уверенности, что монтажники наверстают, выручат.

— Э, не подведут! Уложатся! — говорили у нас.

Когда сильно запоздали с бетонированием подкрановых путей в машинном зале, я как-то раскрычался:

— Опять ставим монтажников в тяжелое положение! Мы укради у них восемь суток!

А Александр Иванович Трегубов берет меня под руку и отводит в сторонку:

— Слушайте, Иван Васильевич, это ж гвардия Никифорова! Она выйдет победителем из любого боя.

Вон они собрались, ругают нас, строителей, на чем свет стоит. Я решил уйти подобру-поздорову. Народ там горячий.

А монтажники, вижу, уже заприметили меня и энергично требуют к себе:

— Когда это прекратится?

Ничего не скажешь в оправдание. Виноваты строители, виноваты их руководители. Я, конечно, даю торжественное обещание во что бы то ни стало наверстать упущенное восемь дней и удаляюсь с чувством большой неловкости, словно я у кого-то украд эти восемь дней по всей их стоимости.

Но остановился на минутку в раздумье и слышу, как старший мастер Петров, знаменитый наш Петров, говорит:

— Ни черта они не наверстают, а денька на четыре еще задержат. Давайте уж с самого начала рассчитывать, что они задержат нас на двенадцать дней, и из этого расчета составлять свой график на эти дни.

Ах, молодец!

Я бегу на свой командный пункт, шумлю, требую, вызываю диспетчерский аппарат, расставляю контроллеров по всем участкам: не подвести! Хоть раз, для примера, для демонстрации, выйти бровень с ударными подразделениями монтажников!

Трудно? Да, трудно.

Как всегда в таких случаях, обращаюсь к молодежи. Звоню секретарю комитета комсомола:

— Товарищ Токарев, я прошу вас с членами бюро прийти ко мне.

Ох, что же это я говорю! Как так можно вызывать себе целый комитет?

— Слушай, я не то хотел сказать. Я сам к вам приду сейчас, хорошо? Соберетесь в половине пятого? Ладно, ладно.

С комсомольцами-комитетчиками мы быстро формируем контрольные посты по всем участкам. Объяв-

ллем, что называется, чрезвычайное положение на подгорных путях. Начальники районов сразу чувствуют ветерок комсомольской тревоги: июх у них хороший. И, как это у нас заведено, хороший этот сквозячок заставляет людей быстрей поворачиваться.

Короче говоря, это сказалось на стройке немедленно. Так мы налегли, что на девятый день развизали монтажникам руки. Петров, дальновидный и мудрый Петров, ошибся в своем прогнозе.

Ивана Васильевича Никифорова я застал в крохотной его канторке на внешней сборочной площадке. Он устал до предела. В канторке к тому же жара неусыпная. Обливаемся потом. Кто же это надумал так натопить? Вот оно что: оказывается, Иван Васильевич простужен, и монтажники решили никуда не выпускать его целый день из канторки, держать здесь, как в парилке, кости отогреть. Непрерывно звонит телефон. Одни раз трубку перехватил я:

— Кто говорит?

— Это я, супруга Никифорова. Ах, товарищ Комзин! Я хочу вас попросить: нельзя ли устроить так, чтобы Ивану Васильевичу делали уколы там, на месте? Это совершенно необходимо дважды в день...

Никогда еще не приходилось мне решать такого вопроса. Но что поделаешь! В постель человек не ложится, да ему и не нужно это, домой же ездить каждые несколько часов и вовсе ни к чему. Ладно, пусть приходят к нему сюда медсестры и колют.

— А нельзя его сейчас к телефону? — несмело спрашивала меня супруга Ивана Васильевича.

Он делает мне знаки: не надо, не надо! Некогда, некогда... Потом!

— Ну, в таком случае, узнайте уж у него, в котором часу лучше принести ему обед. У меня ведь и термосы специальные приобретены для этого.

Монтажники у нас пользуются самостоятельностью, однако нашли мы управу на Никифорова, заставили поберечь себя и быстро избавили его от недуга. Дай ему судьба доброе здоровье и на будущее!

...Идет зима. Волга уже во льду. В конце ноября застали снежные бураны.

Полным ходом шло сооружение линий высоковольтных передач. По горам, через овраги и реки пролегла сверхдлинная линия Жигулевск — Москва. Но для надежности передачи электроэнергии начались возведение второй линии. Она идет параллельно.

На новой трассе будут установлены свыше двух тысяч металлических и железобетонных опор. Самым строителям гидроузла поручено прокладывать линию на ближних участках: здание ГЭС — река Уса. Эти близкие участки самые трудные. В горах пришлось заложить шестьдесят девять фундаментов под опоры, сделать два больших перехода: один через Яблоневый овраг, другой через реку Усу. Опоры переходов выше обычных опор в два с лишним раза.

Уже были установлены два трансформатора, монтажники начали выкапывать на площадку распределительных устройств третий, когда обнаружили трещину в фарфоровом изоляторе на четыреста тысяч вольт.

На замену трансформатора требовалось не менее трех суток. Но затратить трое суток — такое мы не могли себе позволить.

Бригадир электромонтажников Алексей Горемыкин взялся выполнить работу за один сутки. Это не было пустым баухальством. Бригада все тщательно рассчитала. Она организовала работу так, чтобы ни минуты не пропало. Разделившись на две группы (одна готовила к установке новый изолятор, другая снимала старый), монтажники начали в восемь вечера и закончили всю операцию в четыре часа пополудни, то есть справились за двадцать часов.

Это было 25 декабря 1955 года.

Бригаде Анатолия Чернышева поручили сделать так называемую врезку линии электропередачи в общую энергетическую систему.

Ранним утром, когда мороз был особенно силен, верхолазы бригады Чернышева забрались на отроги Яблоневой горы. Ажурные металлические мачты пятидесятиметровой высоты даже слегка покачивались

на ветру. Ветер усиливается. В такую погоду обычно не разрешают монтажникам лазить на мачты. Но сейчас... Не сидеть же сложа руки и ждать погоды, если готов к работе первый агрегат, если тысячи сердец строителей бьются в страшном нетерпении и просто ради чести, ради славы, ради высокой гордости коллектива надо без промедлений включить распределительное устройство Куйбышевской станции в общую сеть, чтобы ток побежал по электрическим жилам к Москве.

Первым полез вверх бригадир, за ним — верхолаз-монтажник коммунист Виктор Кривенцов, следом — комсомолец Николай Попов и остальные члены бригады. Они работали там, наверху, шестнадцать часов. И сделали все как полагается. Шестнадцать часов подряд наверху, на мачтах, в страшный мороз!

Пурга метет, а монтажники в непокрытом еще машинном зале делают свое дело с обычной для них неторопливой расторопностью. В самый штурм, когда в машинный зал вырывались тучи снега, собирали и подготовили к переносу статор второй турбины.

— Переждем, — сказал такелажникам главный инженер Рудник. — К вечеру, может, уймется.

Но пурга не унималася. И тогда Павел Черняев вместе с крановщиком Силкиным пришел к Руднику в его маленькую комнатушку и стал уговаривать:

— Мы народ северный, понимаете? Нечего ждать! Давайте нам команду, и мы мигом перенесем статор.

Рудник долго колебался. Они напоминали ему о Ленинграде, о ледовой дороге через Ладогу. Не сам ли Рудник шел тогда пешком в пургу на Волховстрой, еле ноги волоча после блокады? Ничего! Раз задание — надо действовать, не глядя на погоду.

— Так сколько же ждать, Абрам Григорьевич?

И вдруг Рудник поднялся из-за стола, нахлобучил шапку и сказал:

— Идемте, ладно!

А там, оказывается, уже было все готово. Двумя спаренными мостовыми кранами плавно подняли громадное кольцо статора и осторожно понесли через

всю сборочную площадку, через накрытый брезентом первый агрегат к кратеру второй турбины, бережно опустили и, не взирая на лютый ветер, метко, не пропустивши ни на один миллиметр, посадили на место.

Позже подсчитали, что статор собрали, перенесли и установили вдвое быстрей, чем это полагается по норме.

Первые затворы донных отверстий гидростанции были закрыты еще в конце ноября. Тогда-то, собственно, и началось понемножку наполнение водопровода.

Мы ведем замеры горизонта воды через каждые два часа. Уровень верхнего бьефа поднимается за это время на три четверти, иногда на пять сантиметров.

Затоплена уже обширная пойма. Под водой почти скрыт остров Телячий.

Море растет, и сила воды, напирающей на бетон, возрастает: это-то и нужно для пуска агрегатов. Море, стало быть, готово к работе. Хорошо!

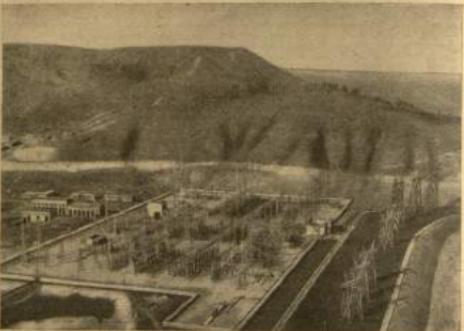
19 декабря. Полностью кончили монтаж первого агрегата. Опущен в кратер ротор второго.

Тем временем на первом агрегате начался монтаж возбудителя. Через несколько дней состоится пробная прокрутка. А потом — под нагрузку. Но морозы становятся все более жестокими, и снегопады время от времени яростно набрасываются на монтажников.

Нашему арматурно-сварочному району дано срочное задание — изготовить легкий временный металлический шатер для первых агрегатов. Под этим шатром мы их и пустим.

Наступает пора открывать донные отверстия к первой турбине. Тяжелые затворы не поднимаются: примерзли. Четвероногий «кошловый» кран с большим усилием вырывает затвор из пазов. Ну, теперь мы, кажется, не осрамимся, дадим ток к Новому году!

Вся страна ждет весточки с Куйбышевгидростроем. Снова съехались на стройку гости, корреспонденты, кинооператоры. Это уже не наплавной мост, залитый

Ток пошел на Москву.

солнцем, где часами гуляли наши гости и зрители. Лютый стоит холод. А в машинном зале средистынувшего железа мороз кажется еще крепче.

22 декабря. При помощи телескопических кранов приподняты затворы со стороны верхнего бьефа перед «наступающей водой». Вода заполнила спиральную камеру первой турбины.

23 декабря. В 20 часов 35 минут открыты лопатки направляющего аппарата: волжская вода начала вращать турбину. Пробный пуск на холостом ходу, так называемая прокрутка.

24 декабря. После холостой прокрутки в 5 часов 30 минут агрегат поставлен на просушку электрической части.

28 декабря. Уровень водохранилища поднялся на 10 метров.

29 декабря. Ура! Ура! Ура! В 18 часов 18 минут первый агрегат включен в сеть!

...Страна готовится к XX съезду партии.

Мы напутствуем наших делегатов — секретаря обкома Михаила Тимофеевича Ефремова и экскаваторщика Михаила Юрьевича Евеца:

— Скажите родной партии, скажите съезду, что в наступившем 1956 году мы дадим стране десять действующих агрегатов.

Известным приветствием Центрального Комитета КПСС куйбышевгидростроевцам партия высоко оценила нашу работу и отметила успешное выполнение этого обязательства.

ШКОЛА ЖИЗНИ И БОРЬБЫ

МОЛОДОЕ МОРЕ

День рождения молодого моря — 16 ноября 1955 года. В восемь часов тридцать пять минут утра Разин отдал команду закрыть донные отверстия и начать наполнение водохранилища.

Наступили дни больших переживаний. Мы и просыпались и спать ложились с одной тревожной

мыслью: на сколько прибыла Волга? Опасались: вдруг расчёты неверны? Вдруг природа нас подведет? Не накопится вода, и мы осрамимся со своими турбиными!

Телефон гидролога — «Комсомольск, 1-60» — был самым ходовым. Этот номер многие из нас долго будут помнить.

Елфимов, Елфимов... Никого, кажется, так часто не вызывали, не разыскивали, как начальника гидробюро, главного жреца нового моря.

Где Елфимов? Что скажет Елфимов? Чем порадует нас Елфимов?

Захожу к нему в гидробюро. Нет на месте. А телефон 1-60 заливается. Снимаю трубку:

— Слушаю...

— Сколько?

— Чего сколько?

— Эх ты, «чего, чего»! Передай трубку тому, кто знает «чего».

Вошел Елфимов и, не спрашивая, кто звонит, зачем звонит, отвечает в трубку:

— Семь!

Семь сантиметров! Так медленно поднимается море.

Опять звонок за звонком. Елфимов не отрывается от телефона. Наконец, широко улыбнувшись, он подносит к моему уху трубку, и я слышу:

— Когда же вы, черти, ветродуи, начнете работать как следует? Где вода? Где вода?...

Это донимают гидрологов с правого берега.

— Так и передайте товарищу Смирнову и поймите, что не от нас зависит. Мы уже измеряем эту прибыль в трех точках. Вот только что я вернулся с инспекторского осмотра этих точек.

В горячем возбуждении люди уже не верят гидрологам. Но, увы, гидрологи не ошибаются. Волга скучится на воду.

Разин, обычно спокойный, в эти дни ходил сам не свой.

— Что же будем делать, Иван Васильевич? Водо-то прибывает плохо!

В расчеты мы, конечно, верили, а все-таки... Осень была сухая, дождей мало, да и горьковчане попридержали воду в своем море.

Есть один запасный выход: сократить сброс воды в нижний бьеф, закрыть те отверстия, которые мы разервировали для Нижней Волги. Риск большой, а все же без этого не обойтись. Решили отдавать винц только полторы тысячи кубометров в секунду, в обрез, для минимального водоснабжения Куйбышева, Саратова, Вольска, Стalingрада и других городов с их предприятиями.

Боже мой, что началось! Мне приходилось буквально прятаться от телефонных звонков. Из Саратова звонил директор одного из заводов:

— Слушайте, нельзя ли приоткрыть клапан? Дайте же водички! Слушайте, наш водозабор начинает высыхать!

Только повесил трубку, звонок из Стalingрада, уже более настойчивый и злой:

— Что вы делаете?! Дайте воды!

Николай Васильевич стоит за моей спиной и шепчет:

— Не уступайте, продержимся еще несколько дней! Что поделаешь! Как-нибудь...

На какое-то время мы с Разиным стали самозванными распорядителями волжской воды — верховными мирафами, как сказали бы в Средней Азии.

Наш министр в Москве тоже беспокоится:

— Как с водичкой?

В самый напряженный момент Москва дает распоряжение открыть щиты Рыбинского водохранилища, Камского и Горьковского морей. Они «подбрасывают» нам, как выразился Логинов, несколько миллиардов кубометров воды. Великолепно звучат, не правда ли: «Дан приказ морям!»

— Так вот, — успокаивает нас министр, — через несколько дней вода подойдет к вам...

Словно речь идет о плотах, баржах или судах. Наконец вода пришла. Море прибывает уже на двадцать, на двадцать пять и даже на тридцать сантиметров в день.

Декабрь. Кругом белым-белое. Река покрыта льдом. И в такую стужу, в морозы, поистине наперекор стихиям, идет бурное половодье. Старожила ничего подобного не видывали. Лед дрожит, ворочается. Водой залило все ерики, воложки, заливы и впадины.

Еафимов будет меня ночью срочным докладом: в водохранилище накоплено столько воды, сколько нужно для работы первых двух агрегатов.

Море готово к работе. Море к нашим услугам.

Подумать только, сколько труда положено на «строительство дна» молодого нашего моря! Вырубить триста тысяч гектаров леса, переселить полтораста тысяч человек, с избами, со школами, с пекарнями и банями, с мастерскими и складами — на это понадобилось двадцать тысяч рабочих. Одним только переселенцам на пересад и перенос жилья государство выдало триста миллионов рублей.

На будущем морском дне работали не только лесорубы и трактористы. Там не только эвакуировали наизменное имущество.

Своего рода генеральную ревизию должны были произвести ученые-археологи, занимавшиеся раскопками. Поволжская экспедиция Академии наук спешила извлечь из глубины времен побольше драгоценного материала, пока вода извечно не закрыла доступ к стоянкам, городищам, курганам в зоне строительства. Близ села Хрящевка обнаружены могилы, остатки зданий с куполами, даже следы водопровода и бани, множество всяких немых свидетельств высокой для древнейшей поры культуры людей, населявших приволжские просторы.

И вот вся эта земля, исхоженная поколениями, наевки канула, ушла в подводный мир.

Разлилось море...

Теперь крепить и наращивать бетонную мощь!

2 февраля 1956 года термометр показывал 40 градусов мороза. Северный ветер обжигал лицо. Порховые ветра достигали десяти-двадцати метров в секунду. Но бетонирование напорного фронта гидроузла не прекращалось.

Начальник участка Сандлер и главный инженер участка Красотченко не отлучались с эстакады. Вместе с прорабами Наханьковым, Лютаревичем и Шайхетом они продумали и хорошо наладили электро-прогрев бетона. Сорокакубовый бетононасос, несмотря на лютую стужу, все время был в рабочем состоянии и действовал без единой задержки.

...В первых числах февраля гидрологи отметили некоторую убыль воды в водохранилище. Во что бы то ни стало нужно было закрыть затворы водосброса, чтобы не ослаблять напора на лопасти турбин двух действующих гидроагрегатов. Этую работу поручили опытным гидромонтажникам бригады Ивана Кукариня.

Стоя в водолазном костюме по пояс в ледяной воде, Кукарин сам освобождал стропы опущенных затворов. А ночью на такую же отчаянную работу вышла бригада Василия Серого.

Воду задержали.

8 февраля надстройкой пронесся свирепый снежный ураган. За несколько часов пути бетоновозной эстакады левого берега были засыпаны двухметровойтолщиной снега. Казалось, не удастся продолжить бетонирование водоизливной плотины. Но на борьбу со снегом брошены были все наличные силы, вплоть до служащих, и пока бетонщики поддерживали блоки электропрогревом, люди разгребли снег, и потом всю ночь сотни людей работали на дороге, поддерживая связь эстакады с бетонным заводом. Бетонирование не было прервано ни на минуту.

И море ширилось... Нашиими соседями стали деревни Ягодное, Русская Баровка, Никольское. Постепенно превратились из степных в приморские. Бело-крытые чайки, настоящие, морские, кружат в воздушном хороводе на празднике новоселья. Звери и птицы, обитавшие в пойме, ушли в леса.

Любопытные возникли зрелища. Однажды в весенний ледоход тысячи людей столпились на берегах и на пролетах водоизливной плотины, впервые принявший паводок. Плыли по Волге целые острова черного, грязного льда. Один такой остров, вырванный

где-то выше из ледяного поля вместе с молодым ясеником и кустарником, медленно несло к быкам плотины, когда вдруг в толпе заметили, что в зарослях происходит какое-то странное движение. Да это лоси! И много их. Кто насчитал шестнадцать, кто четырнадцать, а кто и двадцать. Льдина огромная, чуть ли не во всю ширь плотины. Люди синтят, размахивают руками. Вот льдина раскололась на несколько частей, лоси сбились в кучу на краю, а прыгнуть в воду не осмеливаются. Обломок льда несет их к пролетам и вот-вот сбросит страшный водопад. Ну, погибли бедные лоси! Льдину прибило к бетону, она разлетелась на куски, и обреченные животные исчезли в мутной воде. Как не погибнуть им в страшном двадцатиметровом полете к бетонным расекателям и водобоям! Но произошло чудо: один за другим лоси вынынули из воды, поплыли, барахтаясь в кипящем потоке, выбрались на берег и понеслись в жигулевский лес.

Потревожило новое море и рыбу. Железобетон закрыл старые пути к нерестилищам. Но потери возмещаются с лихвой. В водохранилище выпущены из развода сазаны, белуги, осетры, стерлядь, и скоро рыбакам откроются новые промысловые просторы, так что, может быть, со временем войдут в обиход отменные сорта «волго-морской» рыбы. На пятый год после образования моря, по подсчетам специалистов, там будет вылавливаться рыбы вчетверо больше, чем в Ильменском, Онежском и Ладожском озерах, вместе взятых.

Нет, старожилам Волги сетовать не приходится. Гидроузел только на время расстроил и возмутя жизнь реки. Зато Волга отныне имеет спокойный, устойчивый режим. Она уже не транжирит свои силы, как прежде.

Волга берет начало у села Болговерховье Осташковского района Калининской области, обегает тридцать областей и автономных республик РСФСР и вбирает в себя по пути воды семи тысяч притоков. В меженное время у Куйбышева секундный расход воды достигает двадцати тысяч кубометров, а сред-

ний годовой сток — ста пятидесяти миллиардов кубометров. Новое наше море, собственно говоря, задержала немногим больше трети годового стока волжской воды.

Две тысячи портов и пристаней стоят на главном водном пути нашей страны. Чтобы перевезти волжские грузы сушей, понадобилось бы пять больших железнодорожных магистралей. Силы Волги неизмеримы. Раньше, бывало, во время половодья река совершила бесполезную и подчас вредную работу: поднимается метров на пятнадцать, затопит набережные, натворит бед в складах и подвалах. Судам в такие дни не пройти под мостами, они дожидаются спада воды.

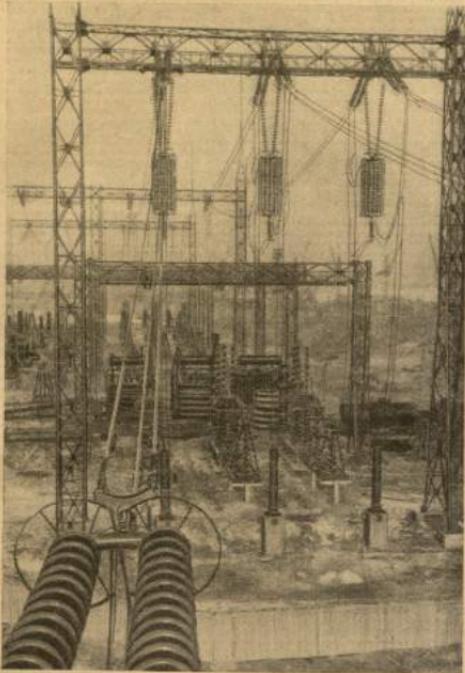
А потом, сбросив бесполезные миллиарды кубометров воды, Волга иной раз мешала так, что пароходам приходилось стоять у перекатов в ожидании дождей.

Гидроузел укрошает дикую силу и как бы дисциплинирует могучий бег величайшей реки.

И когда говорят о значении Куйбышевской ГЭС со всеми примыкающими к ней сооружениями, надо иметь в виду не только одиннадцать с половиной миллиардов киловатт-часов годовой выработки энергии, не только восемь миллионов тонн каменного угля, ежегодно сбываемого для страны, и шестьсот тысяч вагонов, которые понадобились бы для перевозки этого угля, но и полное обновление водного пути и новый режим водоснабжения прибрежных районов.

Москва уже получила высоковольтный ток, получил и Куйбышев, новая линия дошла до Саратова, шагнули наши мачты в Татарию и на Урал, на очели новые воздушные магистрали.

Водохранилище нессякаково, оно непрерывно возобновляет свои ресурсы. Оно готово взять на «дольствие» сотни электровозов на центральных, уральских и приволжских железных дорогах. Электрической станет дорога Москва—Куйбышев. Уже заканчивается электрификация шестисоткилометровой ветки в сторону Ковылкина, Рузаевки, на Кинель, на Покровское. Наша гидроэнергия прибавит скорости по-

Распределительное устройство.

ездам: они будут делать до ста тридцати километров в час.

Над зданием ГЭС, по гребню плотин, через Волгу побежит рельсовый путь новой железнодорожной магистрали. В несколько раз увеличится грузооборот между западными и восточными районами.

А колхозы-соседи получат энергию и для электроизяготы, и для электромолотьбы, и для широкой механизации животноводческих ферм.

Еще задолго до создания Куйбышевского моря высказывались предположения, что водоем в шестьдесят миллиардов кубометров неизбежно изменит микроклимат прилегающих районов. Да, это так. Микроклимат стал немножко влажней.

Большие изменения произошли и в судоходстве на Волге. Вступили в строй крупные порты в Казани, Ульяновске, Чистополе, Комсомольске. Тут и грузовая портовая техника и удобства для пассажиров. На случай штормов созданы хорошо оборудованные судоубежища для пароходов и теплоходов.

...Больше ста тысяч рек нашей Родины нанесено на карту. На два миллиона километров протянулись голубые артерии страны.

Водная энергия неиссякаема, непрерывна.

Сколько стоит киловатт-час энергии нашей гидроэлектростанции?

1,3 копейки. Всего четыреста восемьдесят человек занято на обслуживании гидроузла. За неполные два года первые куйбышевские агрегаты сэкономили стране миллионы тонн угля. Номинальная мощность одного нашего агрегата равна ста пятидесяти тысячам киловатт.

Куйбышевское море заполнено до проектных отметок, и это позволило создать высокий напор на действующих турбинах. При спаде паводка уровень водохранилища, регулируемый затворами водосливной плотины, достиг отметки 53. А горизонт реки ниже сооружений резко упал. Напор воды достиг такой силы, что турбины развивают мощность большую, нежели проектируют.

19 июня 1957 года третий агрегат работал с на-

грузкой сто тридцать пять тысяч киловатт. На других агрегатах работники станции длительное время держали нагрузку сто двадцать — сто тридцать тысяч киловатт.

О чем это говорит? О хорошем конструктивном решении и тщательном изготовлении агрегатов заводами «Электросила» и Металлический.

Вместе с заводскими специалистами наши энергетики-эксплуатационники провели большие исследования, чтобы установить оптимальный режим агрегатов. Есть все основания для перемаркировки турбин. В таком случае мощность всей станции вернее будет исчисляться не в два миллиона сто тысяч киловатт, а в два миллиона пятьсот тысяч.

...Немало пережили мы за восемь лет тревожных моментов, но в февральские дни 1957 года, кажется, было самое тревожное время. Надо было срочно освободить от воды те три секции, которые были затоплены при перекрытии русла Волги. Тогда пришлось на это пойти, чтобы часть русла пропустить через здание, через последние секции, куда еще не подошли монтажники. А теперь требовалось выгнать воду, чтобы дать фронт монтажу последних агрегатов.

Выгнать воду. Легко сказать! Водохранилище к этому времени поднялось основательно, столб воды вырос, напор усилился.

Со стороны водохранилища последние секции были перекрыты легкими временными затворами: они рассчитаны были на ограниченный напор, под их защищенной рискованно осушать камеры и работать в них. Того и гляди вода сломает ненадежные ворота.

Что же делать? Мы запросили Гидропроект, но оттуда нам ничего существенного не смогли предложить.

Тогда мы решили сделать вот что. Заменить уже сейчас временные затворы постоянными, тяжелыми, эксплуатационными. Задача весьма сложная. Во-первых, затворы для одной только секции весят более тысячи трехсот тонн, во-вторых, Волга, проходя через здание станции, отложила на глубине в тридцать семь метров много наносов, древесины, ила и прочей

дребежени. Прежде чем установить новые затворы, надо было расчистить для них место. Это делалось с помощью грейфера, приспособленного к подъемному краю.

И еще одна трудность: чтобы в осущенных секциях могли спокойно работать люди, затворы следовало пригнать с максимальной плотностью, не оставив ни единой щелочки для воды. Нам удалось создать специальное самоуплотняющее устройство на затворах.

И в феврале, в разгар зимы, ценою огромных усилий мы выигнали из секций воду, передали напор с одних затворов на другие, надежно прикрыли осущенные камеры и быстро сумели поправить кое-где бетон, установить закладные части и сдать секции монтажникам.

Поработали тут и наши водолазы и, конечно, прежде всего бетонщики и арматурщики. Руководил этой работой Черняков, один из опытнейших наших инженеров, один из героев правого берега.

Строительная площадка водоотливной плотины. Когда-то здесь проходил рукав Волги, омывавший остров, заросший густым кустарником. Сейчас эту часть поймы уже пересекли железобетонные сооружения.

Днем и ночью идет бетон. Ему придется противостоять могучему морю. Плотина будет выдерживать колоссальный напор. В весенний разлив, когда гидростанция не справится с потоком, плотина через свою пролеты будет сбрасывать вниз лишнюю воду.

Здесь все должно быть сделано с полной гарантией абсолютной несокрушимости. На глубину двадцати метров в несколько рядов забиты металлические сваи. Шпунтовые заборы длиною до пяти километров пересекли основание плотины вдоль и поперек, углубились в откосы, примыкающие к бетонным стенам. Путь воде надежно прегражден.

На два месяца раньше срока закончена была забивка шпунта.

А спустя несколько дней началась укрупненная сборка металлических конструкций автодорожного моста через временный судоходный канал.

Кому довелось видеть хоть раз в жизни горный водолад, тот никогда не забудет этой картины. Вода разбивается о гранитные скалы. Шум разносится по ущельям.

Почти то же можно наблюдать на водоотливной плотине. Только скала здесь не дикая и бесформенная, а отлитая из бетона: стройная, правильная. Тысячечетонные валы вадают с огромной высоты, клокочут на железобетонных водобоях, вздымают фонтаны брызг. С яростной силой вода бросается на бычки-гасители, на водобойные стены. Рокот ее далеко разносится по пойме и по морю.

За сутки проходит свыше миллиарда кубометров воды.

Однажды в половодье в море начался быстрый подъем воды. Сооружения напорного фронта подведены были к тому времени до отметки 43. Лишь в одном месте, на дамбе, примыкающей к плотине, еще не поднялись до нужной высоты бетонные откосы.

Дамба овывалом вдается в море. Откосы, одетые в бетон, должны защитить плотину от размыва морским прибоем. И в то же время дамба как бы разделяет водохранилище на два потока, один из которых стремится к зданию ГЭС, а другой — к водосливной плотине.

Горизонт воды быстро поднимался. Волны нового моря уже выкатывались за пределы бетонного покрытия откосов, грозили разрушить земляное основание дамбы.

Положение становилось угрожающим.

На командном пункте начальника района Климина собрались инженеры. Было решено срочно направить на дамбу несколько бригад бетонщиков, опалубщиков, арматурщиков, выделить срочно технику и материалы. Оставалось решить: откуда брать бетон? Завод у плотины после затопления котлована оказался отрезанным от дамбы. Тогда на помощь пришли бетонщики правого берега.

И вот на дамбу двинулись машины и люди.

Наиболее уязвимым был участок инженера Годовкина и прораба Кондратьева. Часть откоса уже

скрылась под водой. Бетонщики, не смущаясь этим, быстро соорудили опалубку и поставили арматуру, и машина за машиной — тридцать машин гуськом! — стали сбрасывать бетонную смесь в опалубку.

Машинам приблизиться к дамбе было нелегко: прежние дороги ушли под воду, а сохранившиеся изрядно разбиты, попорчены. Но самое трудное было спускаться по откосам — тут недолго и перевернуться вверх колесами. И тогда в самых круtyх местах, где не было никакой возможности притормозить и остановиться, машины держал на гросе трактор, совсем как это делают альпинисты. Поддерживаемые тракторами, машины уже могли спускаться куда угодно: трактор страховал их и помогал выбраться обратно наверх.

За два дня огромный сектор дамбы, метров на двести, полностью был забетонирован на высоту пять, а местами и двенадцать метров. Опасность была ликвидирована.

Там, где сейчас возводятся верхние судоходные шлюзы, раньше тихо плескалось Лещево озеро. Помнится, как пришел конец этому озеру. Несколько бульдозеров прорыли траншеи, и вся вода из него стекла в реку. С тех пор неизвестно изменился левый, пойменный берег Волги.

29 апреля 1957 года в камеру верхнего шлюза зашел первый пассажирский пароход «Чайковский». С высокого мостика начальника вахты видны были не только шлюзы, но и далекий рейд, куда сначала заходят волжские караваны, и водное пространство между нижними и верхними шлюзами.

БЛАГОДАТНОЕ ЛЕТО

В Москву я приехал за несколько дней до открытия сессии Верховного Совета РСФСР.

Да приезжай хоть за месяц, все равно не успеешь обойти все те столичные учреждения, где тебе до зарезу нужно побывать по делам стройки. У нас на строительстве редкий гвоздик не вел бумажной

родословной от самой Москвы. Нашему брату хозяину, будь он и за тридевять земель от столицы, министерство доводилось той мамашей, которая уже взрослая, работающим сыновьям продолжает ежедневно отсчитывать гривеники на трамвай, на кино, на бутерброды. За каждой мелочью ездили в Москву, в министерства и главки.

На этот раз мне трудней, чём всегда, доставались резолюции и распоряжения насчет оборудования и материалов для Куйбышевгидростроя.

Вордешь в учреждение — оно как растревоженный улей. В коридорах и кабинетах, в столовых и буфетах, во время перерыва и во время работы все только и говорили о перестройке аппарата, о передаче руководства совнархозам экономических районов.

Кого куда назначат, какие учреждения упраздняются, какие остаются — вот темы бесконечных толков и пересудов.

Страна жила идеями февральского Пленума ЦК. В гигантском нашем государственном доме по-весеннему широко распахнули двери и окна и взялись хорошенко приобраться, наилучшим образом расставить имущество, навести чистоту и порядок.

В шумных коридорах повстречались мне некоторые товарищи и друзья давних лет учебы и работы.

— Ну, отчего ты так невесел? — спрашивала инженера К., которого я помню молодым, бойким. Теперь это унылый, состарившийся раньше времени и располневший сверх меры завсегдатай поликлиник.

— Да так...

В свое время К. окончил институт, проработал год два, если не меньше, на строительстве и ушел в аппарат, где и обитал безвыездно все годы. Сидел, по его словам, «на контроле» — указывал людям, как и что делать. Сам же не создал ничего, не построил даже забора.

И теперь жизнь поставила перед ними крутой вопрос: ты кто, инженер или делопроизводитель? Покачнулось кресло, в котором столько лет так удобно сиделось. Вот и скис мой приятель, он даже оброс

рыжеватой седеющей бородой, голос его стал на октаву ниже.

— Так что же с тобой все-таки приключилось? — спрашивала еще раз, хотя причина недомогания и так ясна.

— Да ведь сниматься с места придется. Как мы поедем с семьями-то? Моя Клавдия Николаевна... Нет, она не уедет из Москвы.

Жаль мне этого беднягу. До того измельчал, что стал рабом своей размеренной жизни. А жена? Черт возьми, ведь ты с ней живешь двадцать пять лет! Какой же она тебе друг и товарищ? Выходит, она любит не тебя, а квартиру!

Он оправдывается и за себя и за супругу. Годы, видите ли, подошли. Старость надвигается. Это полстолетия — старость!

Не выдержал я, накричал, нагрубил и ушел не попрощавшись.

Такие вот дружки-приятели, помню, многозначительно перемигивались, когда я в свое время перешел с высокой должности в министерстве на стройку.

— Чудак, это же явное понижение! От добра добра не ищут.

Инженеры, а понять того не могли, что работа строителя имеет несколько измерений. По отвесу — понизили или повысили — ее не измеришь. Есть еще объемы и пространства! А мой старый товарищ К. и по сей день этого не понял.

Унылые люди с нудными, как зубная боль, разговорами! Не так уж их много было в министерстве, но публика это очень заметная, к сожалению.

Конечно же, погоды они в аппарате не делали. А те, кто и в министерствах хорошо работал, уже собирались без долгих хлопот в путь: на предприятия, в экономические районы. Таких, конечно, большинство. Работая в Москве, они добрую половину года проводили в странствиях по заводам и стройкам, и им по душе грандиозная реорганизация, так смело и решительно предпринятая партией.

Такие по московским удобствам не плачут. Однако не забыть бы мне того дела, ради которо-

го я хожу по учреждениям и невольно наблюдаю за переживаниями моих знакомых и незнакомых москвичей.

В те дни уже оперялся Московский совнархоз. Может быть, заглянуть туда и там попытаться проявить кое-какие дела?

Я пробирался по коридорам, загроможденным столами, шкафами, диванами. Шло великое переселение. Но суматоха была веселая, как долгожданное новоселье большой семьи. Начальники управлений принимали людей не в кабинетах. Подоконник, лестничная площадка, уголок между двумя шкафами были в тот момент лучшими приемными. Действовало всего несколько телефонов, и звонили по очереди. Но никому из посетителей, явно поспешивших со своими просьбами, не предлагали повременить денька два-три. Нет, даже в этой уютолоке немедленно отыскивали человека, уполномоченного решать и действовать.

Вот и меня так прияяли, на ходу. Я доложил, что гидростройтели облизались к сорокалетию Октября пустить станцию на полную мощность, но для этого многое еще недостает. Например, двенадцать изоляторов. Это не простые изоляторы, а уникальные. Они распределяются поштучно. Каждая «штучка» весит восемь тонн.

Что ж, мне предлагаю поехать непосредственно на завод. Когда? Да хоть сейчас! И представитель совнархоза поедет. Просто отлично!

У меня приласено открытое письмо к коллективу завода с просьбой изготовить изоляторы сверх плана и в короткий срок.

На завод встретили нас очень хорошо. Внимательно выслушали мое сообщение о стройке, но вот незадача: у завода план сверстан, материалов в обрез. Вот если бы получить с соседнего предприятия поковки, тогда заказ сверх плана удастся выполнить. О, надежда есть! Ведь теперь не помешают ведомственные преграды. Не откладывая дела в долгий ящик, связались с дирекцией соседнего завода, мигом обо всем договорились.

Меня поразило, что такое весомое, сложное дело, требовавшее в бытые времена не одной недели переписки, решено было за полдня. Растроганный, звонил на стройку:

— С изоляторами полный порядок!

Там просто удивляются: да неужели? За один день?

Когда закрылась сессия, я вычеркнул из своей записной книжки львиную долю вопросов, которые нужно было решить в Москве. Закон о перестройке, только что принятый, уже действовал. Вдруг скратились все расстояния, упростились, выпрямились связи. Совнархозы, едва только обосновавшись, взяли в свои руки оперативное управление.

Осторожные люди шептали: посмотрим, что получится! А жизнь им с первых же дней показывала: уже получается, и неплохо!

С некоторых пор наш Куйбышевгидрострой уже не только «гидро»: мы, говоря по-рабочему, подрядились построить в окрестностях гидроузла больше десятка промышленных предприятий, в том числе громадный цементно-шиферный комбинат в Жигулях. А чтобы не скучали высвобождающиеся гидротехники, мы взяли на себя еще и строительство Саратовской гидростанции.

Вот саратовские-то дела и огорчили меня. Приезжаю и узнаю, что на площадке хоть шаром показать: нет строительных материалов, нет оборудования. Железнодорожники медлят с прокладкой ветки. Есть и другие неполадки.

По старой памяти звоню секретарю Саратовского обкома партии. Так, мол, и так. Выручайте, товарищ Денисов, посейдуйте. Может, поставить вопрос на бюро?

— Послушайте, дорогой мой, — отвечает секретарь обкома. — Не кажется ли вам, что вы саботируете новую систему управления хозяйством?

— Как так саботирую?

— Должен вам сообщить, что в Саратове существует совнархоз, могу даже дать номер телефона...

— Уже работает? Здорово!

— А вы что же думали? Вот вам телефон. Желаю успеха!

Председатель совнархоза выслушал меня и попросил приехать.

— Послезавтра в четыре часа дня на заседании совета народного хозяйства разберем все ваши вопросы. Договорились?

Что-то уж слишком быстро, слишком оперативно. Нет ли тут излишней самоуверенности?

Рано утром в назначенный день вылетаем из Куйбышева в Саратов, на стройку. Походили, полазили, взяли на заметку все нужды и прорехи.

К четырем часам приезжаем в совнархоз. Председатель не забыл пригласить директоров заводов, в чьей помощи мы нуждаемся. Явились и железнодорожники. Причем, я вижу, что все эти хозяйственники будто повзрослели за последнюю неделю: им даны новые права, они получили больше самостоятельности.

«Принять к сведению заявление директора завода... Принять к сведению сообщение начальника дороги... Установить срок поставок... Определить размеры... Предложить... Разрешить...»

Не буду приводить подробности, скажу лишь, что за два часа найдены были деловые ответы на все тревожившие нас вопросы. За два часа! На этом заседании я то и дело прикидывал: вот это требовало месячной командировки, это вызвало бы двухмесячную переписку, это пошло бы в арбитраж, а это начальника докатилось бы до Москвы.

Благодатно лето 1957 года! Оно разбудило новые творческие силы. Партия нанесла огромное поражение бюрократизму и ведомственности. Совнархозы становятся плодотворными центрами местной инициативы, действенной и деловой.

Люди стали выше. Каждый работник стал крепче.

Вспоминается мне, как в первые годы Куйбышевгидростроя я боялся довериться «маленьким» работникам, мне хотелось все захватить в свои руки, держать в кулаке все нити, самому, непременно самому решать любой, даже незначительный, вопрос. Мне ка-

залось, что это высший класс управления. Восемь заместителей были у меня на положении референтов: ничего сами не решали, только и делала, что выполняли мои указания, на которые, надо признать, я не скучился. Власть моя только прикрывала беспомощность, которая изматывала и меня и моих помощников. А роль-то руководителя ведь в том, чтобы объединять усилия людей ответственных и инициативных, самостоятельных и творческих смелых.

Заседание в обкоме партии, о котором я уже говорил, дало мне первый урок, и постепенно, не без нажима парткома, не без настойчивых усилий Александра Сергеевича Мурысева, нашего партрода, я освободил подчиненных от мелкой опеки и сам избавился от неприятного административного суда. Глядишь, уже и телефоны по почтам не так часто тревожит, и в кабинете у меня не собираются толпы людей, ждущих указаний, и все больше обращаются с предложениями, с требованиями, с продуманными планами. И что самое отрадное, я слышу дальние и смелые возражения: «Это не так, Иван Васильевич, вот вам совершенно точные данные и серьезные расчеты...» Можно довериться! Мало того, нельзя не доверяться, иначе работники вырастут пустощами или, как говорят у нас, с вечным совещательным голосом.

Мне кажется: внутренние наши перемены на стройке, в ее коллективе, в большие реформы общегосударственного масштаба неотделимы друг от друга. Это закономерный ход жизни: больше прав и ответственности наизан. И отдельные работники, и предприятия в целом, и обширные экономические районы страны, обогатившиеся опытом, получают по мере роста больше прав и больше самостоятельности. Это могучая логика зрелости нашего общества.

Наша станция передана в ведение совнархоза Куйбышевского экономического административного района. Пришел новый хозяин, хозяин, обитающий тут же, поблизости. Он взял в свои руки управление энергосистемой, и нас, строителей, уже беспоконт основательно, как бы не оставили недоделок.

Велики перспективы работы совнархоза. Вот бы только шире развел свою деятельность технико-экономический совет, на который возлагаются большие надежды.

Лето 1957 года было на стройке самым страдальным. Оставалось пустить последние шесть агрегатов из двадцати.

В предельном напряжении сошлись и переплелись в трех секциях завершающие строительные и монтажные работы.

Со стороны могло показаться, что инженерам уже неинтересно: одно и то же, повторение пройденного. Пускали, мол, четырнадцать агрегатов и точно так же пустим еще шесть.

Такие разговоры я, признаюсь, слышал. Но дело-то как раз в том, что агрегаты одинаковы, как близнецы, а техника монтажа от одного к другому менялась различительно. Первые агрегаты монтировались по девяносто дней, по сто дней и даже по полтораста, а последние — сорок пять и сорок. От первого до двадцатого агрегата монтажники прошли целый университет новаторства!

Хлопот у нас в это лето было множество. Мы решали дать стране в придачу к электрическим мощностям еще и миллионочтобы мощности по цементу: уже врезались тремя ярусами в Яблоневый овраг корпуса нового комбината, вровень с Жигулевскими кругами красным обелиском поднялась только что выложенная труба.

Мы бросаем все новые и новые силы в Саратов, закладываем заводы в Ставрополе.

На левом берегу, где проложены пути на сотни километров и действуют наши погрузочные железнодорожные станции Бетонная, Арматурная и Жигулевское море, появилась еще одна станция — Промышленная. От нее идут ветки: одна — на строительство завода синтетического каучука, другая — к будущему заводу цементного оборудования и строительных машин, третья — к заводу сборного железобетона, четвертая — к строительству судоремонтного завода, пятая — к строительству электро-

машиностроительного завода и к другим предприятиям.

Туда, в степные просторы Заволжья, пошли наши тракторные и автомобильные колонны, грейдеры, бульдозеры, краны. Прорезали степь асфальтированные шоссе.

Станция Промышленная принимает грузы со всех концов страны.

Чего только не строим мы «по совместительству»: и птицефабрику на двадцать миллионов яиц, и многое другое.

Мало того: председатель Госплана СССР И. И. Кузьмин вдруг задал мне вопрос, знаю ли я что-нибудь о Курской магнитной аномалии. Теперь уж я очень много о ней знаю: и какие там сокровища железных руд, и почему так долго к ним добирались, и куда можно бросить в первую очередь мои нации землеройные силы для разработки рудников открытым способом. Сергей Павлович Кардея, наш главный землекоп, уже загорелся, он уже бредил рудой:

— Магнитные сны вижу по ночам!

Так что рано или поздно прошай, Ставрополь, прщю, зеленый Порт-город, прошай, веселый Комсомольск и живописный Жигулевск! Токарям, цементникам, кузнечикам и фрезеровщикам будущих заводов отойдут в наследство все те наши блага, которые мы, строители, создали на пустынном месте: уютные квартиры с газифицированными кухнями и ванными комнатами, шоссе, клубы, стадионы, парки, магазины, столовые, кинотеатры...

Но кто знает, может быть, мы еще вернемся сюда, в Жигули...

Взойдешь на водосливную плотину, глянешь, какая лавина бежит из ее проемов, и твой завладеет новая идея: не поставить ли десяток турбин на водобросах плотины?

А выйдешь на катере в устье Усы, впадающей в Волгу чуть выше гидроузла, и перед тобой почтиrimo возникает в голубой дали грандиозная пер-

спектика новой, почти такой же по мощности, еще одной Куйбышевской ГЭС...

Нет, это не фантазия!

Тихая змеяка Уса берет начало почти у самой Сызрани, и если бы не узкий перешеек, она словно замкнула бы Самарскую луку, выбегая из Волги и впадая в Волгу же. Истари волгари плавали знаменитой здешней «кругосветкой»: из Сызрани таскали лодки через перевалок и шли по Усе в Волгу, к Самаре, по текению, а обратно, из Самары в Сызрань — опять же по текению, так что можно было и не браться за велса.

Так вот она, Уса. Что же с ней произошло? Прежде вброд ее переходили, а сейчас разилась полноvodная, величавая красавица, вспоенная Волгой. Куйбышевское море подняло и ее на двадцать восемь метров. Если кто в морском просторе теряет теперь из виду волжские берега и тоскует по прежним пейзажам великих рек, пусть войдет на лодке или на катере в Усу — вот она, та же Волга. Так маленькая дочурка, подросток, вдруг превращается в пышную дородную женщину. Волга да и только! Вылитая мати!

Ну, а что же с «кругосветкой»? А с ней вот что. Если полноводная, поднятая на двадцать восемь метров Уса отделена узкой полоской земли от Волги в ее нижнем текении, то почему бы не прорвать перевалок и не использовать двадцать восемьметровый перепад? Мечта гидростроителя: приди к готовой, естественной перемычке, построй гидростанцию и пропусти воду! Вот и будет второй гигант.

Путешествие в неведомое продолжается.

Нам строить и строить. Ехать и ехать.

Снова, может быть, как и восемь лет назад, встанут чесоданы с планами, картами и чертежами в ветхую рубленую избенку и расположимся в какой-нибудь Михайловке, Сосновке или Березовке строительным штабом. И так сладок будет сон на жесткой скамье после трудного первого дня!

...Ни как не оставляет меня воспоминание о первом хлебозаводе в Комсомольске. Зима. Лютый холод.

В четвертый раз сорван график монтажа. Все негодуют. Хлеб везут из Куйбышева, его приходится распиливать пилой. И вот берет такой мерзлыи хлебец знаменитый наш пекарь для Кости и обращается к монтажникам автоматической печи:

— Ребята, знаете, какие мы тут пышные хлебы печь будем, а? Какие булки, калачи, каравай? Румяные, воздушные!

Так говорил старик, что вдруг запахло хлебом. И ребята-монтажники, пристыженные, остались в ночь доделывать печь. Их лишила сна маленькая мечта — мечта о румяной булке.

Но они, должно быть, понимали, что это не мечточка, это — жизнь. Жизнь, которую мы, строители, повсюду творим, лелеем и обогащаем.

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЛИЧНОЕ

Все для пусковых агрегатов! Это понятно. Ну, в нашем новому летнику, цементно-шиферному комбинату, что же, ничего?

На что уж Кан влезает, кажется, в свое дело так, что ничего, кроме него, и знать не хочет, но и он перед партийным активом обязался от имени бетонщиков ГЭС:

— Пятьнадцать дней выжмем из графика, непременно выжмем их и бросим резерв на цемент...

Собрание аплодирует Кану. Но он недоумевает: за что? Бетонщику ли не болеть душой за цемент? Мало, что ли, претерпели бетонщики из-за цемента? Им ли не знать, какая в нем нужда!

Широко улыбается Аркадий Эгенбург, начальник строительства цементно-шиферного комбината. Спасибо, мол, за сочувствие. Эгенбург переходит затем в наступление и без церемоний — он у нас не из деликатных ораторов — отчитывает нас, работников управления. И того мы не сделали и этого не сделали. Прав, ничего не скажешь!

Ему тоже аплодируют! Причем надо сказать, что у нас аплодисменты — это не то, что в театре. Руко-

плещут не для выражения восторга или восхищения. Рукоплещут, я бы сказал, деловито, хозяйствски, этакими решительными хлопками открытого голосования.

Но весь этот эпизод не стоило бы приводить, если бы следом за Эгенбургом не взял слово видный представитель бывшего министерства. Речь была как речь; с умеренными длиннотами и терпимыми повторами. Но под конец оратор вдруг со всей строгостью указал, чтобы мы не слишком увлекались цементно-шиферным комбинатом. Не следует, сказал он, отвлекаться, не надо трахничать резервы. Надо думать об одном: как довести до конца работы на ГЭС.

Признаться, нам была в диковинку такая откровенная ведомственность. Дело в том, что этот комбинат относится к другому ведомству. Зал задвигался, стулья затрещали, послышались то веселье, то сердитые реплики: «Что он, не знает, сколько техники и людей высыпалось?» — и в невероятном шуме потонули те жажденские рукоплескания, которыми из вежливости проводили оратора первые ряды.

— Не-пра-виль-но! Не-пра-виль-но! — кричали отовсюду, пока я, как председательствующий, не вдоворил тишину. Президиум быстрым сочинил версию о том, что товарищ был неправильно понят, и тем дело кончилось. Не дали заклевать уважаемого гостя.

Чуткая публика!

Председательствовал я, кажется, довольно лихо и, помнится, даже ссыпал шутками. Да и весь президиум как-то повеселел: удалось выручить из беды приезжего товарища.

Только вот меня самого некому выручить из беды. Не знает собрание, что начальник строительства в эту минуту мучительно думает о своем, личном. Опять занемогла Ольга Яковлевна! Она не так давно перенесла тяжелую трехчасовую операцию, и теперь горе снова обрушилось на нас.

Ведь как все хорошо шло у меня! Казалось, год состоит из одних радостей: перекрыли Волгу, пустили первые агрегаты, встретили паводок, взяли сильный разгон для победного завершения работ... И вот тебе:

— Знаешь, я чувствую, что все повторяется. Пока не поздно, надо ложиться в больницу...

Ольга Яковлевна уехала в Москву.

Но как она там? Что-то будет с ней? Как мне размыкать это горе?

Забываюсь только в вихре событий и в ежедневной рабочей спешке. Много хожу, ношуясь по площадкам, забывая иной раз, что спутникам моим не выдержать такого темпа.

Когда мы с сыном Борисом провожали Ольгу Яковлевну в Москву, они — мать с сыном — что-то говорили шепотом за моей спиной. Я знаю, что у них есть секреты: мне говорится не все о болезни, я получаю приукаченные сведения, и это якобы должно поддерживать во мне бодрое рабочее настроение. Милые мои, родные, ничего-то вы от меня не скроете!

Ежедневно звоню теперь в Москву, донимаю врачей. Наконец мне сообщают: была вторая операция, длилась четыре часа, больная чувствует себя хорошо и просила передать привет и велела не беспокоиться. Ну да, конечно, после четырехчасовой операции она великолепно себя чувствует!

Мурысов вошел в тот момент, когда я повесил трубку.

— С Москвой говорил? Наверно, надо ехать. Езжай, Иван Васильевич.

Но из Москвы по телефону передали мне записку Ольги Яковлевны: «Прошу тебя, ни в коем случае не пытайся ехать в Москву. Этого я настоятельно требую, а через несколько дней мы обо всем сможем переговорить по телефону».

— Понятно, — говорит Мурысов, — а ехать все-таки надо.

В обкоме тоже узнали о моем горе. Велят ехать.

Вечером прилетаю в Москву. Цветочные магазины закрыты, но я нахожу какой-то киоск с засидевшимся продавцом — скорее, скорее букет! Вот досада — только в горшках и никак иначе! Ладно, дайте к горшкам. Сколько? Все восемь горшков. Иду к ближайшей урне, вырываю цветы, кое-как связываю букет и бегу в больницу.

Тихая тьма кругом, никуда меня не пускают, журналистка неумолима: «Ждите, гражданин, до утра». Жду, ничего не поделаешь. Быстрыми, нервными шагами иду по маршруту Смоленская — Зубовская — Парк культуры и обратно несколько раз. На меня удивленно глядят дворники и постовые милиционеры. Наконец часовая стрелка подползает к деяти — я уже снова у ворот больницы. Дежурный врач, очень вежливый, очень внимательный, объявляет мне, что видеться с больной нельзя никоим образом, что есть о моем приезде взволновала бы ее, а поэтому...

— Будьте, одним словом, мужчиной, садитесь в самолет и отправляйтесь вовсю на работу, батенька, а уж мы, обещаю вам, будем хоть дважды в сутки по телефону давать вам справки. Главное, не тревожьтесь, не беспокойтесь, все обойдется наилучшим образом.

Значит, если меня все равно не пропустят, то стоит ли, в самом деле, объявлять больной о моем приезде? Но тогда зачем же оставаться в Москве?

Через пять часов самолет высаживает меня в Куйбышеве.

И вот теперь, в бурный момент собрания, мне почему-то вспомнился весь, до мелочей, минувший день: разве знает зал, что на душе у начальника строительства?

Ночью меня не оставляет тревога, а утром, в самую рань, снова звоню в больницу. «Нормально... Все нормально». — «Спасибо». Как бешеный лечу вниз по лестнице: работать, работать, работать! Где моя машина? Сколько времени? С утра надо быть в обкоме. Как это сказал Маяковский? Ага:

Вопрос
о личном счастье
не прост.
Когда
на республику
лезут громилы,
личное счастье —
это
рост
республики вашей
богатства и силы!

В обкоме разговор... о силосе. Не касающихся нас вопросов не существует! Надо заквасить 258 тысяч тонн зеленой массы кукурузы. Впрочем, секретарь обкома М. Т. Ефремов как раз и собрал нас, чтобы объявить, что цифра 258 тысяч недействительна. Есть другая наметка: полтора миллиона тонн.

— Ну и хватит...

— А вот прикинем!

Выходит, что если всем строительным организациям области взяться, то можно без особого труда управляться с новым заданием. Уже подсчитано, кому сколько делать траншей и башен.

В первые пословетовались мы с Мурисевым и секретарем горкома Краснушким, и я иду на трибуну:

— Сделаем! Можете на нас положиться...

Встает представитель куйбышевских нефтяников: после нас, гидростроителей, они в области вроде «второй державы».

— Принимаем на себя, — говорит он, — повышенное задание и обязуемся, это уже сверх всего, построить три артезианских колодца для колхозов.

На таких встречах, — а они устраиваются в обкоме довольно часто, — легко находят общий язык люди самых разных, «пужих» ведомств, они здесь воодушевляются единением цели, здесь как-то по-новому, с лучшей стороны раскрываются черты людей. Встречи эти служат как бы смотрами высокой нашей мобилизованности и идеальной зрелости.

И домой мы приезжаем как с хорошего семинара. Привозим не только планы, решения и задания, но — самое главное — новый жизненный опыт дружной и самоотверженной работы.

ДЕНЬ НАЧАЛЬНИКА СТРОИТЕЛЬСТВА

Дверь в спальню с треском раскрывается, и вливается сначала Ирина, а за ней Вася. Малыши, пыхтя и отдуваясь, влезают на мою кровать, чтобы спрятаться под одеялом и дождаться там ненужного

вопроса Ольги Яковлевны: «А куда ж подевались Ирина с Васей, ты не видел?» Вдруг с ликованием и залившимися смехом разоблачают они себя перед мамутиными и изумленными взрослыми: «Вот мы где! Ха-ха-ха...»

Так начинается день начальника строительства.

Встаем и идем на зарядку. Ирина придирично следит за Васей, чтобы он, паче чаяния, не пропустил трудного упражнения. Он, бедняшка, старается, верится, пыхтит и в конце концов растерянно шлепается на пол, после чего Ольга Яковлевна, по обыкновению, кричит: «Не мучь детей!» — и зарядка кончается.

На работу я иду лесом. Лес наш во все времена года хорош: в пущистом белом убore, и в зеленом летнем наряде, и в осеннем золоте. Дивный лес! То зашумят всей листвой, растревоженный, рассерженный первым ветра, то замрет в величавой задумчивости, а торжественным покое, и ты различаешь даже тончайший писк мошки. Всегда, когда я иду по нашему лесу, меня приводит в восторг и эта красота и это безмерное, щедрое благо. У меня несколько облюбованных троп, и каждый день можно идти новым маршрутом. Если есть в запасе времени, можно присесть на пенек: время, проведенное в лесу, окунется сторицей. Эти лесные прогулки мне просто необходимы для поддержания энергии, для большей работоспособности.

А выводит тебя лесная тропинка прямиком к шумному, захватывающему и всепоглощающему конвейеру повседневных дел, трудных и благодарных.

Начинается рабочее утро. Первым я принимаю главного диспетчера. За ночь к нему стекаются по бесчисленным каналам диспетчерской связи все события огромного фронта стройки.

Вот уже два месяца, как наш главный диспетчер Николай Алексеевич Башмаков рисует мне в утренних своих докладах полную благодать. Не верится что-то!

— В чем дело? Никаких «ЧП»? Без сучка и задоринки?

— Да нет, — краснеет Башмаков. — Были маленькие нарушения, но не стоит о них говорить. Мы ликвидировали их своими силами, Иван Васильевич.

— А все-таки что же было?

— Не хватило электродов на сварочных работах.

— Когда это обнаружилось?

— В девять часов вечера. А через несколько часов электроды уже были на месте.

— Еще что было?

— А так больше ничего. Правда, из шестой и седьмой баков на бетонном заводе не шел цемент. Вердимо, произошло зависание. И пришлось на некоторое время приостановить производство бетона.

— Сколько же времени не подавался настройку бетон?

— Два-три часа, не больше.

— И это вы называете мелким нарушением?

Башмаков мой, закусив губу, приумолк. Мне жаль его. Я знаю, как он измоглся за ночь, и все же строгим начальственным голосом предупреждал:

— Если еще раз сделаете мне такой благодушный доклад, мы с вами простиемся. Пусть будет горькая, но правда. Раз и навсегда приказываю вам говорить только правду.

Башмаков обещает больше не приукрашивать положение и уходит.

Но то, в чем он признался, тоже не грех проверить. Звоню на правый берег. Оказывается, электроды отсутствовали не два часа, а до самого утра. Цемента не было шесть часов, а не два часа.

Еду по объектам. Сначала на верхние шлюзы, на бетонную и земляную плотины. По дороге стараюсь созвониться с разными пунктами с нужными людьми и безотлагательно решить возникшие вопросы.

Вчера была жалоба из испропеченного хлеба — надо будет заехать в Комсомольск на хлебозавод. И раньше, чем по цементным делам, — все-таки дело идет о хлебе.

Вместе с директором хлебозавода обходим цехи. Вот мы в экспедиции, откуда отправляются готовые

горячие буханки. Разрезали три буханочки. Да, действительно, хлеб сырой.

— В чём дело?

Ничего путного не объяснил мне директор. Что-то лепетал про новую кондицию и в конце концов стал каяться, созвал всех своих работников, и они меня торжественно заверили, что завтра же, нет, даже сегодня будут приняты крутые меры, и хлеб пойдет вкусный, хорошо пропеченный. Ладно, посмотрим.

Едва только мы направились к выходу, как тех-норук уже начал распечатывать кого-то там в цехе.

Рядом с хлебозаводом наша столовая. Ее только что отстроили. Долго спорили мы, как ее назвать: столовой или ресторатором? Остановились на первом назывании. Так-то оно лучше будет...

Зайдем. Директор столовой немедленно дает какую-то незаметную команду, и отдельно, в сторонке, в углу, кленка на столике мигом покрывается белоснежной скатертью.

— Садитесь, Иван Васильевич. Что прикажете по-дат?

— Нет, спасибо. Вы мне скажите, почему плохо кормят, почему не хватает приборов — вилки дают, а ножей нет? И цены высоки. Где калькуляция?

Нет, за столиком тут не разберешься в запутанных цифрах калькуляций. Назначаю на завтра встречу со всеми директорами и шеф-поварами всех столо-вых. Есть о чём потолковать!

А обедать — боже, я опять опаздываю домой на обед! Ольга Яковлевна огорчена: ребята давно хотят есть, но не садятся без меня за стол. «Не можешь — не обещай», — говорит она. После покаянных монх слов мы садимся веселой и дружной семьёй за обед.

Спустя двадцать минут — снова шум и суетолока управления. На моем столе куча телеграмм. Проверю, как идут поставки оборудования. Вот список заводов, с которыми нужно переговорить сегодня же по телефону. Тут и Свердловск, и Вольск, и Томск, и Новосибирск, и Москва, и Ленинград. Идут звонки и ко мне: плохо ведется строительство МТС, председатель

колхоза имени Степана Разина просит машины для вывозки овощей. А приемная уже полна посетителей, так что временно придется отставить телефонные разговоры: начнем прием.

— Заходите, товариши!

Входит группа специалистов из Академии строительства и архитектуры. Приехали помочь нам в отдельных работах. Прекрасно! А вот еще одна группа — специалисты с ленинградского завода «Электросила» по монтажным делам. Милости просим! Ленинградцы у нас всегда желанные гости, им мы всегда рады. Это все такой народ, что не просит, а предлагает, не с претензиями приезжает, а с намерением помочь. И мы уж знаем: если с «Электросилой» или с Металлического, значит привезли что-то новое, что интересное для стройки, для монтажа.

Есть в приемной и люди с просьбами, их немало. Мои помощники Яков Давидович Кауфман и Наталья Григорьевна Куприна молниеносно связывают меня с нужными людьми, чтобы наилучшим образом и по-быстрее удовлетворить нужды людей. В большинстве случаев просьбы вполне законные, притом скромные.

Вот в кабинет входят двое юношей и две девушки.
— Чем могу служить?

— Полтора месяца назад мы получили ордера на комнаты в городе Жигулевске... Вот...

Беру ордер, читаю: улица Пирогова, 18, квартира 4. Второй ордер — тот же дом, квартира № 6.

— Так в чем же дело? Что, не хватает мебели?

— Бог с ней, с мебелью, мы не о том: дома такого в природе еще не существует, никакого номера восемнадцать по Пироговской улице нету. Только еще стена кладется. А ордера нам, видно, выдали, чтоб отвяжаться.

Вот так артист этот коммунальщик Соколов! Ну-ка, соединимся с ним по телефону. Что же это ты, голубчик, выдаешь дутые ордера? Неожиданно посетители мои заступаются за него:

— Не в Соколове причина, его винить не надо. Он ордера выдает по плану строительства жилья, а строительство отстает от плана — вот и неувязка. Мы,

откровенно говоря, побывали на собрании у строителей, на правах будущих жильцов послушали, что у них там происходит. Начальник или прораб, что ли, сделал доклад, что все хорошо: освоено средств на двадцать два процента и сэкономлено стоимость на четыре процента. Может, оно и так, но только дом опаздывает на полгода с лишним. Ну, мы там тоже, конечно, высказались в порядке пренебрежения насчет холостых процентов. Они уж и не рады были, что допустили нас на собрание...

Все-таки вызывая Соколова:

— Как вы додумались выдавать ордера на несуществующие квартиры?

Он и не пытается оправдаться. Да, было дело. Поверили клятвам начальника строительного участка. Больше этого не должно быть.

— Чего этого?

— Ясное дело, задержки с вводом домов.

Утром следующего дня собираются у меня почти все строители-коммунальщики. Откровенно скажу: если бы не визит молодых людей, я бы не так спешил, вероятно, с этим делом.

Одним из последних пришел ко мне на прием Анатолий Токарев, комсорг, а с ним еще два молодых парня и две девушки. Может, опять фиктивные ордера? Нет, не то.

— Приглашаем вас, Иван Васильевич, на комсомольскую свадьбу. Свадьба будет в клубе строителей верхних шлюзов в субботу в восемь вечера. Просим.

— А кто же у вас женихи и невесты? Вы двое?

Мы четверо. Две пары.

Девушки прибыли настройку из Воронежа, а парни из Орла. Женихи — шоферы, а невесты — одна лаборантка, другая крановщица. Все четверо учатся в вечернем техникуме. Прекрасно!

— Ну, а как у вас с жильем?

Отвечают не сразу, понадобилось настойчиво повторить вопрос.

— Неважно с жильем, живем пока по разным комнатах в общежитиях. Только еще ждем отдельных комнат.

— Ну, а с мебелью?

— Какая там мебель! Койки, стол да тумбочки...

Анатолий Токарев вмешивается: пришли мы, дескать, не только пригласить на свадьбу, но и попутно решить, кое-какие вопросы в интересах молодоженов. Например, дать им по комнате и по божеским ценам немудрящую какую мебель.

Вызываю Семена Яковлевича Потапова, моего заместителя по бытовым вопросам.

— В субботу, Семен Яковлевич, в клубе будут две свадьбы. Мы отгуляем там, уйдем домой, а молодые иди некуда со свадьбы-то. Одно только и остается им — разойтись врозь по общежитиям. Сам понимаешь, негоже это в свадебную ночь. Так прошу тебя, Семен Яковлевич, до субботы есть еще пара дней, распорядись по-хозяйски, по-отечески, раздобудь две комнаты и посели молодоженов, иу, и из мебели кое-что принци. Ребята, а вы сейчас же сядьте, напишите по заявлению: так, мол, и так, просьм и т. д.

— В рассрочку?

Сейчас выясним. Звоню главному бухгалтеру: какую можно дать рассрочку. Главного бухгалтера нет на месте. Заместитель? Ушел в банк. Эх, была не была — ставлю резолюцию: выделить мебель в рассрочку на шесть, нет, зачеркиваю, ставлю — двенадцать месяцев!

— Ну, пока. На свадьбе увидимся!

Конечно, все было сделано как полагается, и молодые и я меня, и на Потапова не были в обиде.

День начальника строительства продолжается.

Звонок из Балакова, со строительства Саратовской ГЭС. Николай Максимович Иванцов сообщает, что они там могли бы намного перевыполнить план выемки грунта, если бы получили дополнительно три экскаватора и десять тяжелых десятитонных самосвалов.

— Беремся сделать миллион кубов!

— Ого, здорово!

Я тут же подключаю к этому разговору главного механика В. И. Шукина и нашего главного автомо-

На новой квартире.

билиста В. В. Кунаковского: как добыть экскаваторы и самосвалы? Трудно так сразу дать столько техники, но и откладывать нечего. Саратовская станция — младшая наша сестрица.

Хорошо, пойдем, — обещает мне Шукин.

Едва успеваю до вечера встретиться со всеми, кто мне нужен в связи со строительством цементно-шиферного комбината на нашем правом берегу в Жигулях, порта, судоремонтного завода и завода цементного оборудования.

Девять часов вечера. Пора бы уже и домой. Но вот еще один звонок. Это дочка моя, Ирина. Когда она была маленькая и у нас здесь был коммутатор, она снимала трубку и просила просто: «Дайте мне папу», — а теперь, когда появилась АТС, она научилась набирать номер на диске.

— Пап, ну когда же ты приедешь?

— Иду, дочка, иду!

Пройдясь пешком! Как хорошо после работы свернуть с шоссе в сосновый бор и снова, как и утром, пройти направлением, проделав три-четыре километра чудесной лесной дорогой. Уже с середини пути сквозь сосны начинает виднеться сплошная голубизна моря и неба.

Едва только перешел шоссе, как слышу: резко торчит машина. Лобастый «Москвичок» новой марки круто развернулся. Ко мне бежит, прыгает через канаву Виктор Хлюст:

— Садитесь, подвезу! Да садитесь же, Иван Васильевич! Это мой новый, собственный!

Из машины машут мне жена Виктора и детишки, счастливы замечательной покупкой.

Он ведь знает, Виктор, что я бы уж нашел, на чем доехать. Просто жаждет поделиться радостью.

Недавно выхлопотал партию автомобилей для продажи нашим рабочим и инженерам, в том числе новые машины «Волга». И сразу же стоял мой заявлен был ходатайствами и заявлениями, поднялся прямо-таки автомобильный ажиотаж. Все хотят купить машину! И не только такие знатные люди, как Хлюст, как Евец. Совсем рядовые, почти неприметные в ог-

Больница в Комсомольске.

ромном коллективе. И это отрадней всего. Мне, начальнику, приятно сознавать, что рабочий может легко взять в сберкассе двадцать тысяч рублей и купить автомобиль. У людей деньги водятся — это хорошо!

После ужина быстро укладываем ребят, а сами с Ольгой Яковлевной выходим на берег нашего молодого моря. Тихо плещутся в сумраке ночи беспокойные волны, а на правом берегу ослепительным ожерельем рассыпались огни стройки. Я не сразу определяю, какой огонек что означает, и, занявшись расшифровкой огненного пунктира, мысленно перебираю все участки, погружаюсь в деловые размышления, уже ищу по карманам блокнот; не забыть записать насчет завтрашнего железобетона для цементно-шиферного комбината. А Ольга Яковлевна злится:

— Да уговоринь ты хоть здесь! Посиди немножко, послушай свое Куйбышевское море!

Хочу отогнать прочь дневные заботы, но опять возникают «цепные реакции» беспокойных мыслей,

я словно брезку цифрами, фамилиями, техническими словечками. Ольга Яковлевна дергает меня за руки:
— Ну, знаешь, в таком случае идем лучше домой...

И домой я уже не иду, а бегу: только что посетившие меня соображения должны быть немедленно записаны, да к тому же я вспоминаю, что надо бы немедленно позвонить из дома насчет подкрановых путей — как там идет дело с бетонированием? Вызываю диспетчера правого берега. Он жалуется, что опять два «козла» получилось в трубах бетононасосных установок — схватился бетон! Лаборатория недоглядела. Совсем забыл, где я нахожусь, кричу в трубку нечто не вполне литературное по адресу ротозеев. Швырнул трубку, отмылся и почувствовал на плече руку Ольги Яковлевны. Опять нравоучения:

— Ну, зачем эти крики? И без тебя ликвидируют «козлы», без тебя прочистят бетоноводы!

И действительно, ведь сделают без меня.

Иду в детскую, тихо открываю дверь. На цыпочках подхожу к кроватке Иринки, поправляю сползшее одеяло, осторожно аспелю розовую щечку, потом подхожу к постельке Васи: этого крепыша во сне можно целовать сколько угодно, не разбудишь. Аи нет! Притворяется!

— Какой ты колючий...

— Спать!

День начальника строительства кончился. Через несколько часов начнется следующий.

УНИВЕРСИТЕТ

Десятки томов составит технический отчет о строительстве Куйбышевской ГЭС. Над ним уже сейчас работает большая группа специалистов, многочисленная редакционная коллегия.

Целые тома нужны были бы и на то, чтобы рассказать о роли ученых в гидростроении и о вкладе гидростройтелей в науку.

Крупнейшие ученые страны с первых дней при-

стало следили за работами на Волге и отдавали много сил решению новых, подчас весьма трудных вопросов гидротехники.

Нередко на гидроузле собирались всесоюзные конгрессы ученых. Я припоминаю первую техническую конференцию, которой принимали участие Александр Васильевич Винтер и Петр Александрович Ребиндер. Подобно тому как мы открыли для молодежи техникум и филиал института, маститые ученые устраивали для нас, руководителей, своеобразные выездные университеты, где мы получали уроки гидротехники и в известном смысле держали экзамены.

В институтах Академии наук занимались такими «нашими» вопросами, на первый взгляд слишком конкретными и частными, как, например, транспортировка и укладка бетона. Для стройки обычных масштабов достаточно технологические правила, проверенные рабочим опытом. У нас же сами объемы невиданных дотоле блоков, куда бетон погружается колоссальными массами, требовали и новой системы механизации и новой структуры смеси. Для большей пластичности бетона применялась, например, сульфитно-спиртовая барда. Правильную, выгодную рецептуру нам помогли найти теоретики. То же можно сказать о многоступенчатой подаче бетона в блоки. Институт автоматики и телемеханики Академии наук СССР занимался весовыми дозаторами для наших автоматических бетонных заводов.

Если бы ученых не хватило инициативы, мы возили бы гидротехнический камень и щебень с далеких уральских карьеров, полагая, что это неизбежно. И во всех сметах, должно быть, благополучно утверждались бы колоссальные расходы на эти перевозки. Но вот геологи занялись горой Могутовой, Безымянной горой, Яблоневым оврагом, исследовали горные породы, препарировали пласти и доказали, что местный камень вполне пригоден для морозустойчивых бетонов. Выдержал строгую экспертизу и камень Сокских гор.

Мы говорим, что у нас создана школа искусственных сварщиков, имея в виду бригадира Алексея Улесова

и его учеников. Но у нас еще создана школа сварщиков-инженеров, которые, в свою очередь, внесли немало нового в теорию сварки. Ведь на стройке было спарено больше полумиллиона тонн металлоконструкций и арматуры! Ученые и специалисты с ленинградского завода «Электрик» разработали автоматическую машину для стыковой сварки стержней, а наши новаторы создали технологию многоэлектродной сварки ванным способом.

В первые годы строительства мы ломали немало машин. Особенно быстро выходили из строя ходовые части. Это легко можно было оправдать высоким напряжением, непрерывностью работы, бездорожьем. Наш инженер Володченко посоветовал применить так называемую наливку. Мы обратились в институт сварки, и там быстро разработали установку для автоматической наплавки твердых сплавов на срывающиеся детали строительных машин. Стоит ли говорить, насколько легче стало после этого с запасными частями и какую это дало экономию!

Для земснарядов и экскаваторов были сделаны новые контрольные приборы и счетчики.

Как осветить строительные площадки, чтобы одинаково производительно работать и днем и ночью? Для других строек это несложная проблема, а при наших масштабах понадобилось разработать целую систему прожекторных установок и сложную технику лампового освещения котлована, перемычек, бетоновозной эстакады, канатной дороги. Одному только этому делу посыпалось несколько продолжительных командировок профессор М. Соколов.

К перекрытию Волги на стройку съехалось со всех концов страны свыше четырехсот ученых. Мы, практики, даже сами того не замечая, стали поставщиками огромного научного материала для теоретических исследований. Рапорты гидрологов, данные об отсыпке камня и пирамид в банкет, состояние наплавленного моста — все бралось на заметку для будущих обобщений.

Но, конечно, стройка не столько дала науке, сколько получила от нее. Причем достижения науки боль-

шей частью приходили на строительство в готовом виде. Уникальная техника распределительных устройств для высоковольтных передач на сверхдаль,ение расстояния, автоматика управления станцией, захватывающая новизна самих агрегатов бесчисленных приборов, первоклассное механическое оборудование на платине, на шликах, наконец все богатство парка строительных механизмов — вот чем представлена на Куйбышевгидрострое советская научно-инженерная мысль.

К концу строительства число предприятий-поставщиков перевалило за тысячу триста. И их поставки надо исчислять не только в тоннах, не только в кубометрах. К нам шел поток новаторского творчества, поток инициативы тысяч и тысяч людей, творящих технический прогресс и двигающих вперед науку.

И наши люди учились на богатейшем всенародном опыте.

Как-то в 1953 году собрали мы конференцию молодых специалистов с несколькими, я бы сказал, агитационным докладом главного инженера — о роли, о призвании, о высоком долгге и так далее. А на следующий день устроили нечто вроде семинара по конкретным вопросам практики. Причем выбрали объект более или менее простой — строительство комсомольского клуба.

Был мы с инженером Борисом Загородниковым, отвечающим за этот клуб, и с группой молодежи обходим комнаты и залы. Штукатурка аляповатая, лепка неряшливая. Надо сказать, что инженеры вроде Бориса, жаждавшие работы необыкновенной, подвижнической, обязательно где-нибудь в воде, на глубине или на высоте, очень неохотно брались за такие тихие, «комнатные» дела, как штукатурные или малярные работы. Дескать, мы Жигули покорять приехали, а вы нас ставите клуб отделять! И к тому же технике отделочных работ по жилью и культурным учреждениям мы, признаюсь, сами уделяли мало внимания. Тоже считали, что это подсобное, мелкое, второстепенное.

Я подзываю бригадира лепщиков и спрашиваю

его: куда же это годится — так уродовать замечательный клуб? Бригадир молодой, совсем зеленый. Он откровенно отвечает:

— По молодости лет, товарищ начальник, не на-брался еще умения.

Тогда я обращаюсь к молодым специалистам:

— Ребята, надо показать, как это делается. Ну, вот вы, например, покажите и объясните.

Девушка заливается краской. Молчит. Чтобы не смущать ее, обращаюсь к молодому инженеру-мужчине:

— А вы?

Тоже молчит и с места не двигается. Третьего прошу. И он отмалчивается. Наконец девушка набирается храбрости и объясняет мне, что их, видите ли, возмущает это требование, они вовсе не обязаны показывать, как это делать.

Тут подошли рабочие, и раздался громкий смех.

— Как так не обязаны показывать? Что же вы тогда умеете? — спрашиваем растерявшихся молодых людей.

После этого мы ввели на стройке строгое правило: инженер обязан владеть рабочими профессиями. Одними книжными знаниями не возьмешь. Дело, которым ты руководишь, ты должен знать на практике не хуже мастера. Это нужно не только для того, чтобы следить за качеством. Инженеру нужно знать цену усилий рабочего, исполняющего наряд. Он всегда должен мысленно ставить себя на место рабочего, а порой и не только мысленно.

В моей молодости был неприятный эпизод. Напичканный теоретическими премудростями, я отмахнулся от замечаний и советов старого десятника Егорова, проработавшего сорок лет. Дело было на строительстве железнодорожной ветки. Насыпь, которую возводили под моим руководством, обвалилась. Испугавшись возможных последствий, я, не помня себя, вскочил на неоседланную лошадь и умчался в степь. Почти сутки не показывался рабочим. Стыдно было. И больше всего стыдился попадаться на глаза Егорову.

Даже и теперь, спустя много лет, я не особенно охотно рассказываю об этом позорном эпизоде молодым специалистам, с которыми имею дело. Ведь еще, чего доброго, увидят в этом оправдание своей человечности и своего неумения!

И мне очень радостно, когда приезжает молодой специалист, уже отведавший практики. С такими как-то веселей разговаривать.

...Наш вечерний техникум и филиал индустриального института дают нам, без преувеличения, драгоценные кадры.

Наши студенты не со школьной скамьи, не дети-виши, которые бегают с аттестатом зрелости из института в институт и мечутся от лесной промышленности к медицине, от агрономии к нефти, от приборостроения к философии. Это строители, выдержавшие такой суровый вступительный экзамен в котлованах и на эстакадах, прошедшие такие курсы подготовки, или, вернее сказать, курсы горячей обработки в огне строительства, что они не только до дна вычерпают теоретическое богатство учебной программы, но и сами подкинут кое-что из огромных запасов своего рабочего новаторского опыта. Они уж выйдут настоящими инженерами!

Я испытываю истинное наслаждение, когда в качестве профессора нашего института принимаю экзамены. Спросишь студента пятого курса, как устроен земснаряд, как выбрать наилучшее оборудование для транспортировки бетонной смеси, каковы особенности автоматической линии на армосварочных заводах, и услышишь подробное, развернутое, гораздо шире, чем в учебниках, инженерное определение. Всегда хочется в этот момент, чтобы пришел, послушал автор учебника. Он бы, наверно,lixoradочно записывал, чтобы дополнить скучные главы своей книги замечательными примерами из практики, которыми оперируют наши студенты на экзаменах. Студенты-земснарядчики Михайлов, Хлюст и Аксенов основательно расширили курс гидромеханизации, подогнали его, можно сказать, под свой рост: создали несколько замечательных автоматических устройств на земсна-

Вот они будут настоящими инженерами!

рядах и продолжают смелые эксперименты с ультразвуком, гамма-лучами, телевидением. Сейчас они ни много, ни мало вознамерились создать «зрячий земснаряд». Поди-ка поищи такое в учебниках!

Во время всесоюзного совещания строителей была у меня встреча с Никитой Сергеевичем Хрущевым. Помнится, я старался как можно больше рассказать примечательного о нашей стройке. Прямо захлебывался, спеша поведать о прекрасных бетонных заводах, экскаваторах, кранах, сварочных агрегатах, земснарядах. Так и спал без конца. Построили то, построили это. Действует филиал института, работает техникум...

Тут меня Никита Сергеевич остановил:

— Кто там учится? Дети ваши?

Отвечая, что учатся и дети, но главным образом взрослые строители: рабочие, мастера, руководители-практики. Очень много, говорю, молодых рабочих. И это, на мой взгляд, будут самые квалифицирован-

ные, самые ценные специалисты — никакие вузы ни у нас, ни за границей не дадут таких кадров. В самом деле, какой институт имеет столь грандиозную лабораторию? Какой институт имеет столько бывальных, обстрелянных, закаленных трудом студентов?

— Вечерами учатся?
— Вечерами, Никита Сергеевич. После трудного рабочего дня.
— Подвижники.

Но я еще не успел рассказать Никите Сергеевичу, что эти люди, отработав восемь часов в стужу, мороз, должны еще с немалым трудом добраться до института — добрый десяток километров до него, а с транспортом бывало очень плохо, так что надо еще повисеть на ветру на подножке автобуса или вскочить в кузов грузовика. А сколько их шагает пешком по обочинам дорог, этих энтузиастов труда и ученья!

— Подвижники, — повторяют Никита Сергеевич. — Слушайте, их надо окружить вниманием, отеческим вниманием. Это будут наши самые квалифицированные технические кадры.

Я уж и рад, что не успел рассказать о способах передвижения. Потом-то мы закрепили за студентами специальные автобусы.

Окружить вниманием... Не всегда это легко дается. Я был просто взвешен, когда узнал, что бухгалтер опротестовал мой приказ, по которому студент во времена подготовки к экзаменам получает еженедельно дополнительный выходной день. Подсчитал бухгалтер, во что это обойдется — в рублях и копейках. Эх, как мы иной раз умеем здорово считать, но не то, что надо! Пусть-ка он лучше подсчитает в рублях и копейках, нет, в миллионах рублей, сколько даст стройке, народу, стране это замечательное молодое племя, когда оно вооружится знаниями!

Да, они уже инженеры, любимые мои ребята! Крепкий я, кажется, человек, но и меня прошибла слеза в незабываемый день 20 июня 1957 года, когда началась защита первых дипломных проектов.

Бот как это происходило.

Большой зал института заполнен до отказа. Во-

семьдесят два человека готовы к защите дипломов, а глубоким волнением охвачено втройне и вчетверо больше: пришли друзья, товарищи, родные.

— Заседание государственной экзаменационной комиссии объявляю открытым, — произносит наш Кирилл Иванович Смирнов, председатель комиссии.

Называется имя Владимира Шапошникова. Это сын Николая Федотовича, бывшего главного инженера. Работает Володя механиком, дипломный проект, над которым трудился год с лишним, знает назубок и потому говорит спокойно, уверенно, с улыбкой даже на вопросы отвечает молниеносно, с веселой непринужденностью.

Следующим выступает Олег Крат. У него практика была еще до Куйбышевгидростроя, здесь же он сразу стал прорабом на водосливной плотине. Я смотрю на Олега и все время думаю не столько о докладе — тут все идет гладко и безшибочно, сколько о богатырской выносливости этого паренька. На строительстве понур — так называется покатый бетонный вал, смягчающий водяной удар перед плотиной, — он, казалось, не имел ни минуты покоя, всегда всем был нужен, вокруг него постоянно суетились такие же быстрые, озабоченные люди, и просто ливу длаешься, как и когда ему удавалось выбраться из котлована, чтобы засесть за студенческие конспекты, учебники и чертежи. Участок всегда был впереди, Олега то и дело отмечали, награждали, ставили в пример, бросали на помощь другим. Впрочем, молодость — ей все под силу, когда она пылает страстью.

Я задумался и не расслышал, чем кончил Олег Крат. Вывели меня из раздумья громкие аплодисменты.

— Отлично, — заключает комиссия.

Сомов... Олег Иванович Сомов. Пока он развесивает чертежи, я успеваю перебрать в памяти мои встречи с этим юношей. Милый ты мой, каким же ты стал за шесть лет!

Осенью 1950 года робкий, худенький парнишка

Трудные студенческие вечера.

явился ко мне в приемную с обычным для того времени визитом.

— Специальность? — спрашиваю.

— Какую дадите, а пока что нету ни одной.

— Дадим.

— Ну, спасибо, товарищ начальник. А можно еще одну просьбу?

— Еще что?

— Мне... это, ну, на подготовительные курсы в институт устроиться охота, товарищ начальник. Без отрыва.

— Хорошо, подумаем. Дай-ка запишу, чтоб не забыть.

— Спасибо, товарищ начальник. А у меня еще одна просьба.

— Давай еще.

— На работу будете устраивать, так можно поближе к курсам?

— А если мы тебе курсы устроим поближе к работе, ничего?

— Ну, спасибо, товарищ начальник.

Пошел Олег на стройку подсобным рабочим, устроился на курсы. Спустя год выдержал конкурсный экзамен в институт. На участке он уже был к тому времени электриком. Несколько раз встречал я его.

— Как живешь, Сомов?

— Спасибо, товарищ начальник, ничего. Сейчас как раз мое дежурство. Все в порядке.

В лютую зиму 1955 года однажды вдруг остановились бетонные работы на шлюзовом участке. Застряла грузовая тележка кабель-крана. Кто ее знает, что там приключилось! Собрались мы у шлюзов и думаем, что предприятие. Дует страшный ветер, несет снежную пыль — даже не видно, что там делается, на пятидесятипятиметровой высоте. Может, по пожарной лестнице кому-нибудь забраться туда? Или поднять большой кран? Нет, ничего не выйдет.

Между тем вечерело, и мы решили отложить дело до утра. Может, и ветер утихнет, яснее станет, увидим, где и что зало. Народ стал расходиться, проглядывая этот дьявольский ветер, пургу, ночь и злосчастную тележку.

В этот самый момент кто-то в ватинке полез по железным переплетам мачты. Ловко, цепко, почти по-кошачьи влезает. Человеческая фигурка становится все меньше и меньше и на огромной высоте превращается в черный комок. Словно собрались люди и с затаенным дыханием смотрят, как перемещается этот комочек. Вот он уже на самой вышке, там, где закреплен трос, висящий над бездной котлована.

— Кто это? Ну и отчаянная голова!

— Слыши, прикажи ему спускаться!

Тем временем смельчак уже полез на самый трос, обхватив его руками и ногами, подобно циркачу-эквилибристу.

— Ты смотри, ползет! Ишь, дьявол, что делает, а! Сорвется ведь, как пить дать сорвется!..

— Тихо! Хватит болтать-то! Ну и ловкач!

— Холостой, видно...

— Молчи, говорю!

Человек, перебирая руками и ногами, медленно скользит по качающемуся тросу. Дальше, дальше. Уже близка тележка...

— Ты смотри, а, подобрался к ней! Маленечко передохнет, видать, а там и распутает...

Как ухватился он за тележку, так люди внизу успокоились, повеселились. Раз туда пролез, значит обратно-то выберется.

Вдруг тележка качнулась, а черный комочек в тот же миг отделился от нее и начал обратное движение к мачте, все так же скользя по висящему над бездной котлована тросу.

И когда человек в ватинке, уже во весь рост, стал спускаться вниз по железным переплетам, его узнали:

— Сомов! Черт!

— Приграй на меня!

Вот он прыгнул на землю. Увидели красное, с задневевшими ресницами лицо, а в глазах, слезящиеся и воспаленных, слабую, какую-то виноватую улыбку. Сомов сбросил пропертые до дыр рукавицы, поправил на себе куртку с торчащими клочками ваты и... убежал. То ли от похвал и объятий убежал, то ли просто спешил обогреться.

Но от похвал не убежишь. Весть о его подвигеimoto облетела всю стройку.

— Почему ты полез? — спросили его. — Ведь начальство решило повременить до утра.

— А чтоб ночной смена не пропала у бетонщиков, — спокойно и деловито ответил Сомов.

Таков этот студент. Нет, инженер! Его отличный доклад тоже вызывает бурю аплодисментов. Ну, думаю, Олег, сейчас уж ты не убежишь! Вскакиваю с места и, растроганный до слез, — не стыжусь я этих слез, — пытаюсь что-то сказать, выразить свой восторг, но волнение так и душит меня: слова не могу произнести... Еще раз стискиваю его в объятиях, совсем забыл, сколько силы в моих руничках...

Почти каждого из тысячи семисот пятидесяти наших студентов я знаю и как начальник строительства и как профессор института. Знаю и помню, какими они пришли, как работали, учились, мужали,

взросли, знаю со всеми их переживаниями и волнениями, невзгодами и радостями. Это «двойное знакомство» с молодыми моими друзьями делает для меня еще родиль и дороже коллектив, к которому я привязан всей душой, всем сердцем.

Четыре года читаю лекции и заведую кафедрой. Это нелегко, конечно, для начальника строительства, депутата Верховного Совета РСФСР, члена нескольких партийных комитетов и... отца семейства. Но, читая лекции, я ведь и сам учуся, безбоязненно и откровенно разбирая со студентами промахи и ошибки нашей практики. И если я не буду совмещать работу с учением, что же скажет обо мне Сомов?

Вернемся, однако, в зал.

Очередной дипломант выступает с проектом... Братской гидроэлектростанции. Это Юра Райский. Помню, как он в 1951 году пришел на бетонный завод левого берега простым рабочим. Помню, как горько переживал он спустя год свою беду: отчислили его, исключили из института за неуспеваемость. Не хватило у парня сна. Вскоре он был призван в армию, а по возвращении с военной службы пробился все-таки снова в институт. Должно быть, армия привила его владеть собой, напрягать волю. Во второй раз он уже показал свой характер, железное свое упорство! Сутки все те же — двадцать четыре часа, а время нашлось, хотя Юре прибавилось работы еще и по общественной линии, как члену комсомольского бюро, а на старших курсах, как и говорил, программа трудоемкая. Кирилл Иванович Смирнов объявляет ему единогласно принятой комиссией решение.

— Отлично.

Пока что одни мужчины? Но вот и девушка предстает со своим проектом перед строгой, но доброжелательной комиссией.

Не робей, Татьяна... Фамилию ее придется от читателя утаить, так как мне предстоит рассказать некоторые подробности ее личной жизни.

В октябре 1950 года пришла ко мне девчушка, бледная и худенькая. В руках у нее была сумочка-

авоська, сквозь которую из прорвавшейся газеты выглядывала буханка черного хлеба. Когда я попросил ее пройти присесть и рассказать, зачем пожаловала, она вдруг заговорила на незнакомом языке. Вот те на! Не знаю, что и делать. Зову помощника, еще кого-то из работников управления; может, найдется переводчик? Наконец, выяснили, что говорит она на латышском языке. Ну, с латышского мы как-нибудь переведем! Разыскали без особого труда переводчика, и я узнаю, чего же от меня хочет эта девочка.

Она прочла в газете и слышала по радио о стройке в Жигулых. Это необыкновенная стройка, а она комсомолка, так что ей непременно надо поступить сюда на работу. Она слышала еще и о том, что на этой необыкновенной стройке не просто работают, а работают, участвуя в техникуме или институте, и она настоятельно просит принять ее на работу — раз, и устроить в институт — два.

— Позвольте, милая, но вы же почти совсем не говорите по-русски, как же вы сможете...

Она отрицательно качает головой и передает мне через переводчика, что я забыл об очень важных обстоятельствах. О чем же я забыл? О том, что она будет работать среди русских, в общежитие попадет сплять же к русским, так это и будет для нее школой русского языка. И она дает твердое обещание в положенный срок выучиться и в доказательство сообщает, что в школе, в десятилетке, была не из худших, оней говорили, что она способная — при этом Таня показала на голову, и поэтому она не боится, она изучит, она справится...

Ну, знаете, тут даже самый чертый человек должен расчувствоваться и уступить всем желаниям этой крохотливой девушки с таким упрямым, пробивным характером. Немедленно приказываю устроить ее работать, устроить жить. А насчет института — посмотрим.

Потом она как-то исчезла. Поступила подсобницей на строительство высоковольтной линии и поселилась в общежитии, а в старой крестьянской бане с дву-

мя другими девушками. Спустя несколько месяцев я встретил ее на собрании слушателей подготовительных курсов. Уже говорила немножко по-русски.

А среди студентов я ее заметил только года через полтора или, может быть, два. Оказывается, произошли большие и горестные события. Уже студенткой Татьяна познакомилась и подружилась с неким техником, доверчиво принял его пылкие ухаживания, согласилась выйти замуж, но у того ухаря хватило любви к жене только до рождения ребенка.

Так Татьяна оказалась с младенцем в общежитии. Вскоре она еще и заболела, пролежала с полгода. За неей и за малышом ухаживали девушки, подруги по общежитию. У ребенка было не то деянье, не то одионадцать «дежурных матерей», одинаково добрых и ласковых. Но это нежное, трогательное «дежурство» продолжалось и дальше, когда Татьяна вообновила занятия. О, она получила от русских подруг многое больше, чем уроки русского языка: она познала безмерную щедрость сердечной заботы и участия!

С третьего или четвертого курса Татьяна стала работать на эксплуатацию высоковольтных сетей уже дежурным техником, а к моменту защиты диплома — дежурным инженером.

Комиссия внимательно слушает твердую, ясную и безукоризненно чистую речь Татьяны, переходящей с линии указкой от одного чертежа к другому.

— Я полагаю, что основные принципы решения задачи энергоснабжения, строительной площадки гидроэлектростанции в условиях Сибири...

Это она там, на высоковольтных сетях, еще в самом начале работы пристрастилась к теме энергоснабжения и ей посыпала свою дипломную работу, раздобыв сибирские данные.

Так и светится радостью добро лице Кирилла Ивановича Смирнова, он первый поздравляет Таню с замечательной победой.

Зал рукоплещет. Но вы посмотрите, кто в зале! Среди студентов, преподавателей, инженеров сидят рядышком на самых передних местах подруги Татья-

ны по общежитию, а у них на коленях ерзает размозгленный жарой чудесный ее мальчуган, которому пошел нынче четвертый годик. Он закапризничал было, но услышал рукоплескания и тоже захлоппал в ладоши, потянувшись к маленькой и счастливой своей маме...

Да, жизнь не баловала наших студентов. И, положа руку на сердце, я должен был в этот яркий, праздничный, солнечный день защиты дипломов признаться себе, что перед многими питомцами института я виноват. Случалось, и в приемной держали их, и за резолюциями гоняли по бюрократическому кругу, и бухгалтерской шепетильностью огорчали, так что немалая доля их невзгод берет начало в наших кабинетах.

— Защищает дипломный проект Валентин Арсентьевич Дьячков.

Смотрю на него, на Валентина, и радуюсь. Молодец, добился своего. А ведь и он горюшка хлебнул! Вот какая была история.

В ноябре 1951 года земспаряд «Сталинградский-1002» был отбуксирован с верфи и доставлен к нам на гидроузел. С Волго-Дона прибыла команда. По просьбе комитета ВЛКСМ мы укомплектовали штат одними комсомольцами. Каждую минуту ждал я сообщения о запуске мощного агрегата. Но вместо долгожданного сообщения о начале работы я получаю прискорбную весть:

— Сожгли мотор, наработались...

У мертвого мотора возились электрики. Бесполезные старания. Мотор вышел из строя.

Прилетел туда я как бешеный, плюнул с досады, обругал всех, кто под руку попался, и... замолчал: руганью не возьмешь.

По спокойном размышлении нашли выход. Сняли мотор с другого земспаряда, которому вступать в работу через три дня, а за эти три дня решили достать новый мотор. Не так-то это просто!

12 января. День, помню, выдался лютый. Буран с утра замел дороги. Низкие тучи нависли над Волгой. В помещениях целый день горел свет.

Настроение отвратительное, утром земснаряд должен начать намывать перемычки, а с харьковского завода нет никаких сообщений об отгрузке мотора. Еще одна ночь в нашем распоряжении, всего одна ночь. Вдруг по телефону далекий голосок:

— Доставлен мотор. Он в Куйбышеве на аэродроме. Берите...

Единственный выход — мотор доставить самолетом. Тогда мы не опоздаем с выводом земснаряда.

Выбегаю в приемную: на счастье, пилот наш Валентин Дьячков сидит в кресле, нога на ногу, и мило беседует с секретарем. Кричу ему:

— Быстро садись, Валя, в машину, дуй к самолету, лети в Куйбышев и грузи мотор — и сюда! Понял?

Валентин Дьячков — парень бедовый, всегда шутит, но тут посерезнел вдруг:

— Понятно-то я понял, Иван Васильевич, только легче не пыльца. На дворе что делается, видите?

Взял я Валентина за плечи, посмотрел в глаза и говорю:

— Валя! Нужно, понимаешь? Дело сорвем. На тебя вся надежда.

Молча взялся Дьячков за шлем. И уже в дверях проговорил:

— Так бы сразу сказали, Иван Васильевич. Лечу. Только воздушная инспекция права отнимет. Э, да не в правах счастье!

Смеркается зимой рано, а в этот день уже к пяти часам на улице ничего не было видно. Ветер не утих. К ночи буря разыгралась еще сильней.

Каждую минуту смотрю на часы. Вот уже пять пятнадцать, пять двадцать, половина шестого. Волнуюсь все больше и больше. Самолет-то у нас был не яхти какой классный. К ночных полетам не приспособленный. Да и аэродрома путного нет: будочка и поле.

В нетерпении звоню коменданту.

— Ждем, — отвечает комендант. — Не волнуйтесь, товарищ начальник. Прилетит Дьячков. Летчик он боевой. На фронте не такое выделявал.

И в этот момент слышу: над зданием управления строительства нарастает гул мотора. Нарочно, черт, над крышей пролетел, чтобы успокоить.

В тридцатидевятградусный мороз доставляли мы мотор на земснаряд. И, несмотря ни на что, команда и утру — точно по графику! — начала намывать перемычки.

А месяца через три, уже весной, зашел ко мне генерал авиационной формы.

— Прошу прощения, по долгу службы вынужден сообщить вам неприятную весть. Ваш пилот Дьячков на год отстригается от полетов. Прошу вот познакомиться с актом.

Мне достаточно было взглянуть на первую строку: «12 января 1952 года пилот Дьячков, вылетев без разрешения авиаслужбы...»

Дальше я читать не стал. Все было ясно. Авиационный генерал был неумолим. Только через год сноса сел Валентин Дьячков за рули самолета, послуживший его список был, как боевым щитом, помечен записью о лишении прав, но в сердцах строителей, да и лётчиков тоже, и начальства летного в том числе, он, как и раньше, был героям, с риском для жизни выручившим коллегиум строителей.

И теперь он инженер!

Брапо, Валя!

...По мне в кабинет ввалилась группа студентов-выпускников. Принесли коллективный снимок — дипломники вместе с преподавателями. Не могу оторваться от фотографии. За каждым человеком стоит поистине славная история нескольких лет самоотверженного труда, в каждом лице — черты необычайной энергии, воли, упорства, терпения, выдержанки. Десятно девять дипломников — это деянисто девять биографий, захватывающие интересных...

А я сейчас думаю об одной — о биографии Виктора Михайлова. Все ищу, где у меня записано о нем. Помню, в моем дневнике он частый гость... А, вот они, записи.

За первыми земснарядами мы посыпали пароходы-буксиры, которые вели их по шлюзам Волго-Дона.

И спаряды к нам пришли. Многие впервые увидели эту диковинную плавучую машину. Художник местной газеты нарисовал земснаряд на фоне Жигулей с двумя высокими трубами, из которых идет дым. Ему показалось это и живописным и весьма индустриальным.

Не он один впал в такую ошибку. Многие принимали металлические сваи, при помощи которых земснаряд передвигается, за трубы. Дыма, конечно, не было, но ведь в творчестве допустим домысел, и вот из свай идет дым.

Вдали в тумане чернеют Жигули, у самого подиума кипит работа: готовится котлован под здание гидростанции. Восемь миллионов кубометров земли нужно вынуть из этого котлована. И, чтобы земснаряды предназначены для памыва плотины, возникла мысль: нельзя ли их использовать на выемке грунта? Ведь это очень ускорило бы работы.

Так и решено было: руслоющую часть котлована разрабатывать земснарядами, гидромеханизационным способом.

Мысль как будто передовая, смелая, оригинальная; дальние предложение — вместо осуждения котлована, неожиданно окончания строительства перемычки, ввести в работу несколько земснарядов, брать грунт сотнями тысяч кубометров и посыпать его отсюда в перемычку.

Все вроде правильно. Но получалось совсем не так, как мы думали. Даже самые лучшие предложения могут обратиться против их авторов, если не продумать всех условий.

Главный инженер строительства, то ли по забывчивости, то ли по другим причинам, не довел, как говорится, до дела ценное предложение. За письменными столами инженеры намечали планы организации работ в котловане, определяли необходимое количество земснарядов, выясняли, во сколько дней будет закончена выемка земли и в какую часть перемычки надо ее направить. Но в суматохе никто не подумал о том, как будут работать земснаряды в условиях тяжелых глин и суглинков, никто не заглянул в гео-

логические карты, не поинтересовался материалом геологических экспедиций. Решили взять котлован на «урал».

Это было нашей ошибкой и недосмотром.

Ох, как трудно мы ее признавали! Легче было котлован выкопать, чем заставить нас признаться, что мы ошиблись.

Виктор Михайлов был одним из тех, кому поручили работать в котловане. Он стоял передо мною навытяжку, когда я объяснял ему задачу. Придя сюда со словом Волго-Дона, Михайлов готовился — да это и естественно для каждого — работать в Жигулях еще лучше, с еще большей доблестью. Он в тот же день собрал коллектив земснаряда и после короткого обсуждения задачи доложил нам, что спаряд готов идти в забой.

— Ждем команды! — весело прокричал в телефон Михайлов.

И команда была дана. Взобравшись на вершину целиковой перемычки, я увидел величественную картиму: несколько мощных земснарядов, расположившись по акватории, врезались в береговую кромку и волжское дно, направляя пульпу в тело перемычки.

Каждый вечер диспетчер докладывал мне сводку. Недельно шло хорошо, потом работа застопорилась. Уже и сводку боясь требовать.

Главный инженер меня успокаивает: ничего, все наладится, все продумано крепко-накрепко. Немножко, мол, не подходит фреза, так на днях поставят новую. Он уже дал указания снять часть экскаваторов и перебросить их на левый берег.

В тревоге, которую не могли рассеять бодрые речи главного инженера, собираем технический совет. Докладчиком должен быть Михайлов. Он выходит на трибуну, и я вижу, как дрожат его руки, когда он прикрепляет к доске чертежи. Говорил он недолго, казался уверененным. Но что-то все-таки смущало его. Не было гарантии успеха. Шапошников был настроен весьма оптимистически. Однако котлован оказался под угрозой. На береговом участке, на суше, в своей половине котлована экскаваторщики вот-вот

приближаются к проектным отметкам. Лямин, Евец и Бородин так и рутились к финишу, да и недалек тот день, когда бетонные заводы выдаут первые кубометры. Куда будем класть бетон?

Отгасели на совете, но, чувствуя, ничего мы не решили: делаем только вид, что уверены в успехе.

Самым первым понял бесполезность работы земснарядов в котловане Виктор Михайлов. Он стал по-всюду решительно доказывать, что на правом берегу земснарядам делать нечего, что их нужно выводить на левый берег для работы на перемычке и на плотине в песчаных грунтах.

Вот тогда-то и обрушился удар на Михайлова. Главный инженер обозвал его разными обидными словами, комсомольское собрание заклеймило его «среднюю позицию». Кое-кто говорил даже, что он трус и маловер.

А Виктор от своего взгляда не отказывался. Он везде доказывал, убеждал, писал, что земснарядам решительно нечего делать в котловане. Он упорствовал и навязывал на себя еще больше гнева.

Кончилось тем, что Михайлов ушел на другую работу.

А кризая выработки в котловане продолжала падать. Земснаряды не брали глину. Уходили золотые дни. Обком партии с тревогой смотрел на создавшееся положение, и не без нахизма оттуда я вынужден был вмешаться в дела главного инженера, создать авторитетную комиссию и в конце концов согласиться с Михайловым и вывести земснаряды из котлована. Мало, очень мало они вынули там земли. Все было сделано экскаваторами.

Впоследствии, вспоминая об этой ошибке, я думал о Михайлове. Как важно быть принципиальным и, мало того, упорным в своей принципиальности! Смелым и решительным! Ведь Михайлов не испугался, всем пренебрег, а от правды не отступил.

Долго вынашивал Виктор мысль о поступлении в институт. И потом решился. И отдался учебе со всей страстью. Как-то он пришел ко мне, уже студент шестого курса.

— Я к вам, — говорит, — по особо важному делу.

Принес на мой суд труды свои. На приставном столе разворачивал добрых десяток прекрасно выполненных чертежей, эскизов и диаграмм. Это техническая документация его дипломного проекта.

Пришло мне вникнуть в детали, в конкретные вопросы дипломной работы, но, перебирая чертежи и разбираясь в расчетах, я все время украдкой любовался моим посетителем и думал: вот они, новые наши инженеры, поднявшиеся из самой гущи рабочего класса до вершины технического мастерства!

— Сколько же их теперь, таких молодых инженеров, на нашем счету? — спрашивал директора филиала Василий Никандрович Зубкова.

— Сто с лишним!

Он хлопает рукой по своему портфелю, и я догадываюсь, что он намекает: этот пухлый портфель мы в свое время называли первым и единственным «спомещением», которым располагал институт. Первые занятия проходили — моем служебном кабинете.

Трудно было не только студентам, но и преподавателям. Они ведь преподавали тоже «без отрывка», причем именно эта «безотрывность» составляла главное преимущество нашего института. Кандидат технических наук Василий Иванович Щелканов, начальник технического отдела Куйбышевгидростроя, с неохотой пошел на кафедру, но потом заразился энтузиазмом. По его почтину взялся за преподавание главный инженер сооружений левого берега Владимир Иванович Севастьянов, один из лучших наших гидротехников. А руководителю бетонной лаборатории, кандидату наук Борису Владимировичу Михайлову и карты в руки: ему ли не преподавать, пытливому исследователю железобетона? Кандидат технических наук Павел Александрович Козловский совместил преподавание с работой в филиале Гидропроекта.

Заведующего кафедрой энергетики Игоря Александровича Никулина я знал лет семнадцать и не без труда «отбил» его в министерстве, заполучив к нам на должность главного энергетика. Знал я его как

боевого производственника, а тут заново узнал в нем талантливого педагога и исследователя. Некоторые многоопытные инженеры довольствуются собственной практикой и на все случаи жизни дают безапелляционные решения, а Игорь Александрович без устали копается в материалах самых различных строк — и наших и иностранных.

Мы сидим рядом с Никулиным в комиссии. Он и здесь, на защите дипломов, весь в движении. Переживает за каждого дипломанта и особенно следит, чтобы никто из нас не задавал им каверзных вопросов. Но напрасно он беспокоится: молодые люди отвечают толково и четко.

Целую неделю продолжается защита.

Это была для меня самая трудная неделя в году, но зато и самая светлая, самая солнечная.

В августе ко мне зашел Василий Никанорович Зубков и пригласил пойти с ним в институт посмотреть вновь созданные лаборатории, оснащенные новым оборудованием, приборами, машинами.

Обошли мы с ним все три корпуса, занятые институтом. Что ж, можно поздравить директора — теперь у учебного заведения столичный университетский размах! А начинали с чего? Тут мы с Василием Никаноровичем оба, можно сказать, расчувствовались, предались воспоминаниям и стали выхваляться друг перед другом, пока я не спохватился:

— Позвольте, Василий Никанорович, мы осмотрели новые лаборатории и кабинеты — они занята почти вся площадь! Где же аудитории? Где мы посадим студентов?

— Да, действительно, — отвечает мне Зубков, — некоторые аудитории пришлось занять.

— Да не некоторые, а почти все!

Зубков делает вид, что он не понимает моего удивления в моей тревоге:

— Да, крепенько подросли мы, здорово выросли мы из старых своих помещений.

— Что же будем делать?

— А что делать? Надо помочь нам, помочь помещением, — уже недвусмысленно отвечает Василий Никанорович.

И как я раньше не подумал! Теперь остается несколько дней до начала занятий!

Но заварил кашу — расхлебывай. Целой комиссией отправляемся в институт, обходим здание, смотрим. Что и говорить, хорошо отделали помещения, со вкусом, и, надо признать, не без размаха.

В первом этаже встречает нас молодежь — вновь принятые студенты. За лето они так выросли, что и не узнаешь, кто чей. Многие десятиклассники-выпускники уже работают: кто штукатуром, кто монтером, кто лаборантом.

А вот и взрослые студенты-новички. Надо познакомиться.

Кто-то пустил слух, что из-за нехватки аудиторий оставят только одно дневное отделение. От меня требуют ответа. Конечно же, я категорически опровергаю слухи. 1 сентября минута в минуту начнутся занятия.

Однако что делать?

Выход единственный: потеснить аппарат управления. Решаем освободить четвертый этаж. Некоторые сотрудники встречают это решение в штыки. У нас, мол, и так тесно, мы, дескать, штаб и т. п. Заместитель мой, Потапов, поддается этим настроениям и уж пытается занять оборонительные позиции.

— Ну, так вот, товарищ Потапов, — перебиваю я его туманные рассуждения, — надо сегодня же, как только окончится рабочий день, произвести переселение. Освободите весь четвертый этаж. У меня все.

Дело нехитрое — вытащить столы и диваны. Трудней уплотнить управленческие отделы, но и это к утру осуществили, и к началу занятий было готово пять новых аудиторий. В одной из них читал я свою первую в том году лекцию: «Организация строительных и монтажных работ».

Летом 1957 года я долго просидел в Москве. Это была, пожалуй, самая продолжительная отлучка со

стройки. Решались чрезвычайно трудные вопросы. Первое — мы просчитались в материалах. Нам явно не хватит до конца работ цемента и металла. Второе — здание гидроэлектростанции пора отделять к официальной приемке, причем отдельывать, что называется, на высоком уровне. Помни, академик Винтер, весьма высоко оценив строительно-монтажные работы из гидроузле, советовал мне напоследок хорошоенько подумать об отделке, потому что, как он говорил, грандиозное народное сооружение должно иметь и внешность красивую, чтобы не стыдно было показать кому бы то ни было.

А мы в сутолоке как-то упустили совсем вопросы отделки. В огромном нашем коллективе в нужный момент не нашлось достаточного числа квалифицированных мальяров, штукатуров, лепищиков, столяров. Всякие у нас бывали за годы стройки курсы, но только не было курсов отделочников.

В Москве я попытался войти в соглашение с начальником Главмосстроя: может, командируют согнью-другую рабочих?

— Дайте белому гиганту человек сто хотя бы, — прошу я в Главмосстроем.

— Ого, неплохие аппетиты у гиганта! — отвечают мне. — Но известно ли вам, что Москва сдает два с лишним миллиона квадратных метров жилья? Кому, как не нам, нужны эти профессии!

Во всех других строительных организациях столицы моя просьба вызывает только веселое оживление. Рады бы, мол, пособить, наслышаны о великих жигулевских делах и красотах, да жаль, людей в резерве нет ни души. Все по горло заняты.

Совсем было уже отчаялся я, но вдруг подумал: а комсомол? Да если бросить клич, разве не отыщутся сотни молодых мастеров-добровольцев — отовсюду понемножку, чтоб чинде план не срывать?

Через двадцать минут я уже сидел в ЦК ВЛКСМ, рассказывал о строительных делах и заботах.

— Как наш Комсомольск, процветает? — спрашивают меня.

— Процветает! В этом году много сделали по

благоустройству: асфальт, зеленые посадки, цветы. Город хороший с каждым днем. И растет.

Ну и, к слову говоря, добавляю насчет нашей неожиданной беды с рабочими отделочных профессий. Так мы бедны в решающий момент малярами, штукатурами, плиточниками, что хоть караул кричи.

В ЦК ВЛКСМ народ догадливый. Неспроста приехал начальник Куйбышевгидростроя плакаться. Не откладывая, члены бюро принимают решение направить молодых добровольцев для помощи в завершении строительства Куйбышевской гидроэлектростанции.

И спустя несколько дней опять, как это бывало и прежде, отзовались юные сердца из Москвы, с Украины, из Белоруссии, Молдавии, Армении. Через неделю выехал первый отряд молодых мастеров отделочных работ — двести пятьдесят человек.

ОСЕНЬ ПОБЕДЫ

Сентябрь и половина октября 1957 года. Самые напряженные и самые интересные дни на строительстве.

За полтора месяца надо было подготовить к пуску шесть оставшихся агрегатов. Так «кунично» мы еще не вводили в строй турбины. Ни в отечественной, ни в иностранной практике никогда не брали такого темпа.

Спешка? Гонка? Нет, нет! Сомневающиеся могут спросить у наших монтажников: что, разве они больше устанавливали, чем при пуске первых турбин? Разве они носились взмыленные по машинному залу? Ничего подобного. Темп был быстрый, но спокойный, а ускорение монтажа мы смогли обеспечить благодаря тому, что от первого до двадцатого агрегата монтажники прошли целый университет новаторства.

Не спешка, не суматоха, а высокая организация дела. Не аврал, не полупдра, а четкий ритм напряженного финиша.

30 сентября. Монтажники бригады Виктора Вита-

льева отрегулировали и соединили направляющий аппарат с сервомотором двадцатого агрегата.

Молодцы в бригаде Евгения Птичника! Закончили спаривание вала турбины с валом генератора. Водоврен на место бак маслонапорной установки.

В 1955 году мы оттягивали сроки пуска первых машин. Собирались поставить к Новому году под нагрузку два агрегата, да не вышло. Второй вступил в действие уже в 1956 году. Да и время ввода первого агрегата, что греха таить, несколько раз меняли.

А вот в 1957 году мы передвигали сроки уже в обратном направлении. Полагалось пустить станцию на полную мощность в конце года, хоть 31 декабря. Вначале мы решили, что упрашивим к началу декабря. Потом взяли на себя обязательство завершить монтаж к сороковой годовщине Октября. Спустя некоторое время в партийной организации появились новые настроения: для большей гарантии готовить стране праздничный подарок не к 7, а к 5 ноября. Вскоре после этого собрался актив стройки и, учитывая возросшие возможности, решил: дадим последний агрегат 20 октября! Не прошло и двух недель, как на рабочих собраниях выдвинули новый срок — 15 октября!

Машинный зал, монтажная площадка, склад основного оборудования пестрят лозунгами, призывающими: «А что сделал ты, строитель и монтажник, инженер и техник, чтобы 20-й агрегат дал промышленный ток 15 октября?»

А пустили мы последний агрегат в восемь часов двадцать минут вечера 14 октября.

Вот она, победа!

Свершилось то, к чему так страстно стремились, чего ждали с таким волнением, чему отдали годы тяжелого труда тысячи и десятки тысяч людей. Двадцатый, последний, агрегат работает! Мерно пульсирует его огромное стальное сердце.

...Вторые сутки я не покидаю здания станции. И Разин тоже, и Смирнов, и Никифоров, и главный инженер эксплуатации Михаил Арутюнович Саркисов.

К агрегату то и дело подходят известные всей стройке рабочие. Пришел в нарядной одежде, как на свадьбу, Алексей Улесов — «мастер огненного шва». С ним беседует о предстоящем пуске агрегата знаменитый наш монтажник Петров, вот уже которые сутки не покидающий своего беспокойного поста.

Яркий свет слепит глаза. Пришли представители областных организаций. Вот-вот откроется митинг и будет разрезана ленточка. Но... Ох, это горе строителя — проklärятое «но»! В самый неподходящий момент обязательно споткнешься! Подчаса проходит, а агрегат все еще не пущен. Что-то там еще делается, самое последнее, последнее из последних. Я нервничаю, посылаю людей, одиночко за другими, с категорическими приказами. Сколько же еще ждать?

На меня уже поглядывает с укоризной секретарь обкома: долго ли, мол, намерено томить людей? Ему хорошо знакомо наше «одиу минуточку». Молчу. За годы строительства мы ведь, кроме нарушенных сроков, еще кое-что сделали. Вот это чудо сотворили еще!

Наблюдаю за рабочими. Нет, они совсем не волнутся, не нервничают. Часом раньше, часом позже — какая разница, от этого праздник не потускнеет!

Какой-то молодой человек в несветильной шляпе и пестром шарфе бродит вокруг агрегата, бормочег что-то про себя, хватается то и дело за блокнот.

— Что за личность?

Мне шепнули на ухо:

— Поэт. Он к утру должен передать в Москву репортаж в стихах на двести строк. А второй, вон там, за ним, — художник.

Вокруг двадцатого агрегата живые цветы и пальмы! А вот кто-то по соседству с пальмой в большой металлической бочке поставил березку с неопавшими желтыми листьями.

Откуда только взялось сразу столько народу в машинном зале! Тесно стало. Люди стоят, прижавшись друг к другу. Но за отведенную черту никто не перступает.

Нервное напряжение длилось долго. Мне, Разину, Мурысову, Смирнову непрерывно докладывали о состоянии дел в сердце машины. Вот закончено опробование маслонапорной установки, системы ионного возбуждения, проверены еще раз выводы.

Корреспонденты записывают каждое слово. Дотошный и нетерпеливый народ! Намечали пустить в шесть вечера, а сейчас девятый...

Но вот, наконец, направляется к нам, подобно командиру почетного караула, главный инженер станции Михаил Арутюнович Саркисов. Он докладывает:

— Все готово к включению двадцатого агрегата в сеть. Прошу вас, — обращается Саркисов ко мне, — как начинавшего строительство, а сейчас защищающего его — подойти и включить двадцатый агрегат.

От волнения я настолько растерялся, что попытался отказаться от почетного предложения. Но люди, стоявшие сзади, толкнули меня вперед. Приближаясь к колонке включения. Под громовое «ура» разрезал ленту... Агрегат загудел.

Гул его мгновенно потонул в людских голосах. Тут уж мы все дали волю своим чувствам.

Со многих труб посыпалась моя выступать. Но эта крышка турбины, огороженная стальным барьером, запомнился навсегда. Лихорадочно думал я, что же говорить: так много мыслей и чувств и в то же время такое беспокойство, волнение, смятение — рискуешь растиряться, сбиться. Сказать о том, как ночью не спали, как трудились, как верили, как ждали этого дня? Нет, все собравшиеся сами это прекрасно знают. Не такого слова ждут от меня рабочие и инженеры. Они партией вперед устремлены, к высокому подъему готовы, к коммунизму нацелены. А мы лишь на одну ступеньку поднялись. Так что ж о прошлом-то говорить! О будущем — вот о чем сказать надо!

И я заговорил о планах и мечтах.

Это был митинг, так сказать, предварительный. Мы готовились к большим торжествам, ожи-

дали высоких гостей из Москвы. Но у нас вышла осечка.

На следующий день в газетах вместо специальных страниц, посвященных нашей победе, оказались короткие информационные заметки. Поздравления были скучны, а проработка — обстоятельной: агрегаты вы пустили, а шатры над ними остались! Машинный зал без крыши! На территории вокруг тоже черт ногу сломит. Разве там Родина подарок преподносится? Поработали вы много, устали, но праздновать равното захотели. Кончайте скорее все, сдайте станцию красавицей, и тогда, будьте уверены, Родина оценит ваш труд. Всеноардным праздником отметят это событие и каждому из вас тоже воздадут по заслугам.

Да, отрезвляющий, охлаждающий душ получили мы осенью 1957 года.

С какой горячностью, с каким рвением принялись мы вновь за работу!

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

Среди поздравлений пришло к нам письмо академика Г. М. Кржижановского. Глеб Максимилианович писал:

«Поздравляю славный коллектив строителей с досрочным окончанием величайшей в мире гидроэлектростанции.

Новое сооружение является огромным вкладом в дело дальнейшей электрификации нашей Родины по завету В. И. Ленина.

Еще в грозные послекосябрьские 1919—1920 годы, в преддверии великих работ по плану ГОЭЛРО, Ленин думал о предстоящих работах на русских реках. В 1919 году Владимир Ильин неоднократно говорил со мною о возможности энергетического использования великой русской реки Волги. Как порадовался бы сегодня Ильин огням Куйбышевской ГЭС!

Пуск Куйбышевской ГЭС имеет огромное значе-

ние для мировой техники. Этот гигант по своей мощности перекрывает известную американскую гидроэлектростанцию Грэнд-Кули. Значение этого факта подчеркивается еще и тем, что Куйбышевская ГЭС сооружалась около семи лет, а станция Грэнд-Кули — более двадцати лет.

Гигант на Волге сооружен большими коллективом гидростроителей-героев, имена которых навсегда войдут в историю строительства коммунизма. В эти торжественные дни мы должны также поздравить и многие коллективы советских промышленных предприятий, которые вместе с гидростроителями ковали эту победу».

Теплые слова привета передал нам и академик А. В. Винтер.

«Двадцать пять лет тому назад, когда мы ввели в действие крупнейшую в Европе Днепровскую гидроэлектростанцию», — писал он, — известный американский гидростроитель Х. Купер прямо сказал нам: «Днепрострой выполнил то, что мне казалось невозможным». Интересно, что сказал бы сейчас мистер Купер, в день ввода в действие Куйбышевской ГЭС, в три с половиной раза более мощной?»

...Не могу себе простить, что вплоть до полного пуска Куйбышевского гидроузла я так и не побывал у Глеба Максимилиановича Кржижановского. Обидно! Тем с большим волнением шел я на долгожданную встречу.

Старый дом на улице Осипенко. В нем, если не ошибаюсь, Глеб Максимилианович живет лет семьдесят безвыездно. Это бывший дом инженера Классона. Поднимаясь на третий этаж — двери в квартиру открыта, нас приветливо встречают.

— Проходите, проходите, Глеб Максимилианович ждет.

Попадаю точно в весенний сад, полный птичьего гомона и шебета: сколько же тут клеток!

Из соседней большой комнаты выходит в гостиную Кржижановский, улыбающийся, быстрый, рашинский:

— Очень рад, что решили навестить старика, очень рад.

Одет он просто: серый, даже, кажется, немножко поношенный костюм, мягкие домашние туфли, традиционная шапочка академика. Глеб Максимилианович присаживается сбоку к огромному столу, заставленному книгами, чертежами, рукописями, папками...

— Ну, вот видите, — глянул он на меня из-под густых, мохнатых бровей. — Так как же дела на Волге, а? Люблю я волжские места, — взгляд у него собеседника живой, какой-то смеющийся, очень веселый. — Нудесные места! Особенно от Симбирска, от Ульяновска нынешнего, до Самары, до Куйбышева... Любимая моя Волга!

Он тут же начинает рассказывать о том, что мне хотелось услышать именно из его уст, — никто другой из старых наших энергетиков не имеет таких богатств в своей памяти.

— Это был замечательный — и в некотором роде знаменательный — период, когда я в первом десятилетии этого века вынужден был обращаться к царскому правительству и в частное инженерное общество за поддержкой в претворении в жизнь иные осуществленной идеи гидроузла на Волге. Нелегко было агитировать за строительство! Вот посмотрите, — Глеб Максимилианович быстро подходит к книжному шкафу и достает фотокопию: депеша епископа Самарского и Ставропольского в Италию на имя графа Российской империи, его сиятельства Орлова-Давыдова. — Вот текст:

«Ваше сиятельство, призываю на Вас Божью Благодать, прошу принять архицестирское извещение: на Ваших потомственных исконных владениях проектировщики Самарского технического общества совместно с богоугодником инженером Кржижановским проектируют постройку плотины и большой электрической станции.

Явите милость своим прибытием сохранить Божий мир в Жигулевских владениях и разрушить крамолу в зачатии.

С истинным архипастырским уважением имею
честь быть Вашего сиятельства защитник и богомо-
лец Епархиальный архиерей Преосвященный Симеон
Епископ Самарский и Ставропольский.

Самара, июня 9-го дня 1910 года».

Глеб Максимилианович снова садится на ливан,
наблюдает, с каким изумлением читаю я диковин-
ный документ, а потом, энергично раскачиваясь
в своем кресле, продолжает:

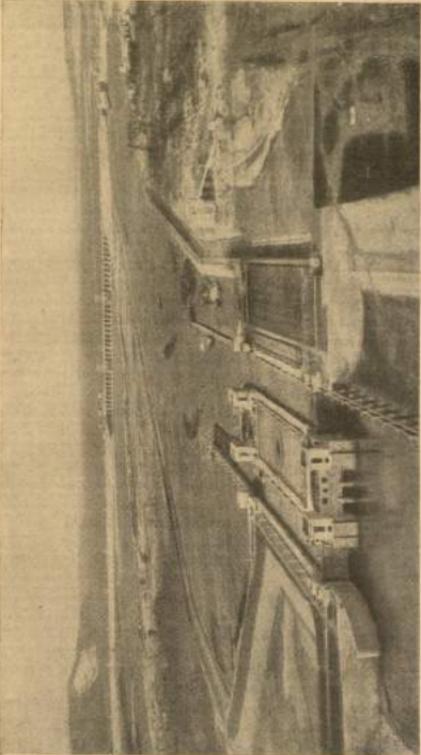
— М-да, воспоминания... Вот в девятнадцатом
году на том месте, где вы сидите сейчас, сидел у ме-
ня... Владимир Ильич Ленин. Зашел он ко мне
сказать, что вот, мол, вам, Глеб Максимилианович,
охранная грамота и восемь красноармейцев, поез-
жайте в Самару, походите там по Самарской луке,
посмотрите как следует, где можно построить гидро-
станцию. В ту пору у нас уже имелись, надо сказать,
материалы изысканий, проведенных инженером
Лукьяновым, и я отправился своими глазами осмот-
реть район предполагаемого строительства. На трех
лошадях верхом отправились мы из Самары по бе-
регу Волги, вдоль по луке. Трудная была, но инте-
ресная миссия! По приезде я сделал доклад на Сов-
наркоме.

Хороша Волга! — вдруг прерывает Глеб Макси-
милианович воспоминания о своей поездке, и мне не-
доволко рассказываивать о подробностях. Он с востор-
гом заговоривает о заложских землях. — Берегам Волги, землям ее просто цепы нет. Вы знаете, на-
пример, что королева Англии ест хлеб только из
волжской мягкой пшеницы?

Он тихо, как бы про себя, смеется и вдруг от-
брасывает шутки, чтобы начать серьезный разговор
о перспективах создания второй очереди нашего
гидроузла на Усе.

— Известно ли вам, что первый вариант строи-
тельства, предложенный мною, был именно вариан-
том Усы, то есть тем, что сейчас в перспективе пла-
нируется как вторая очередь ГЭС.

Строительство на Усе у деревни Переволоки
нужно начинать. Ведь не за горами — я убежден

Район шлюзов.

в этом! — перепуск северных рек Вычегды и Печоры в Волгу и Каму. Вот тогда-то Волга-матушка стоприей отдаст то, что мы вложили.

— Подумать только, — оживляется Глеб Максимилианович, подходя к карте, — тогда в центре России у Жигулей будет гидроэлектростанция почти на три с половиной миллиона киловатт!

— Расскажите, пожалуйста, — просит Кржижановский, — как работает станция. Только не надо подробностей. Кратко.

Я рассказываю, что к 1 апреля 1958 года Куйбышевская гидроэлектростанция выработала для народного хозяйства более двенадцати миллиардов киловатт-часов дешевой электроэнергии, причем основная часть этой электроэнергии передана центральным районам РСФСР и Москве.

Глеб Максимилианович советует пристально наблюдать за работой турбин, чтобы учсть этот опыт при конструировании и изготовлении новых, еще более крупных агрегатов. А насчет того, что мы теперь бросаем все силы на отделочные работы, Глеб Максимилианович заметил:

— Да, конечно, вы мастера больших цифр, больших рекордов, больших объектов, переработки земли, бетона. Но имейте в виду, что Куйбышевская гидроэлектростанция должна быть не только самой мощной, но и самой красивой, поэтому отделочные работы нужно провести тщательно. Уж вы на этом последнем этапе не ударьте лицом в грязь!

Задумавшись, он восклицает:

— Как бы порадовался Ильич огням Куйбышевской ГЭС!

Глеб Максимилианович снова предается воспоминаниям. Ему вспоминается, как узкобобо, мелкопотребительски и, в сущности, безграмотно подходило к решению энергетических проблем России немецкое «Акционерное общество электрического освещения в Москве», где он служил.

— Кстати говоря, — замечает Глеб Максимилианович, — эта моя служба в немецкой фирме была хорошей ширмой от полиции. Я замечательно скры-

вался там! Руководитель фирмы, встречаясь со мною, говорил: «Господин Кржижановский, самое главное — нам получать систематически не менее пятнадцати процентов от вложенного капитала». Все помыслы моих тогдашних хозяев не простирались дальше этих грубых процентов чистогана...

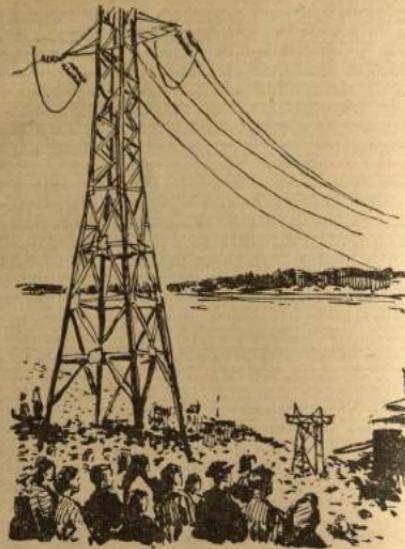
Мы беседуем уже около двух часов. Глеб Максимилианович, видимо, устал. Нельзя злоупотреблять его вниманием и гостеприимством.

Моя левая рука в кармане пиджака, в кулаке за jakiat значок строителя Куйбышевской гидроэлектростанции; я никак не выберу момента, чтобы вручить его Глебу Максимилиановичу. И вот пауза. Быстро встаю, достаю и протягиваю значок, приготовив торжественные официальные слова:

— Дорогой Глеб Максимилианович! От имени и по поручению партийной организации Куйбышевгидростроя и управления строительства позвольте вам, первооткрывателю идеи строительстваолжского гидроузла, вручить памятный значок строителя...

Глеб Максимилианович взмолнился. Он долго, пристально смотрит на значок и, наконец, говорит:

— Спасибо, сердечное спасибо! Передайте всем строителям, партийному комитету искреннее, душевное спасибо, передайте мою великую благодарность за то, что ваш коллектив осуществил это историческое строительство.

ДЕЛО, ТЕБЯ ОКРЫЛЯЮЩЕЕ

ДРУЗЬЯ ОТОВСЮДУ

Дела наши на строительстве идут к концу. И как-то невольно оглядываешься: тянемся к старым записям, ворошишь блокноты, дневники, скопившиеся за восемь лет.

Отдельно хранятся у меня копии некоторых писем из того громадного потока корреспонденции, ко-

торый шел на стройку с первых ее дней. Общее число писем перевалило за шестьдесят тысяч.

Вот доставка я один из любопытных документов первого года стройки.

«Из далекой Сибири пишет вам старая фельдшерица Иванова Мария Сергеевна. Я более 45 лет работала в сельских больницах и больницах крупнейших сибирских городов, таких, как Иркутск, Омск, Новосибирск, у меня за это время много имеется наблюдений за течением и исходом ряда болезней и эпидемий. У вас, видимо, на первое время не везде будет кипяченая вода, и я хотела бы также помочь вам строить эту великую стойку хотя бы таким советом: в летнее время, для того чтобы не было дизентерии, во все питьевые бачки положите из ведра кипятка сто граммов травы зверобоя, и этой эпидемии у вас не будет...

Принимая во внимание интересы вашего вновь созданного коллектива, я очень надеюсь, что вы согласитесь принять мое предложение насчет применения этого народного средства. Я проверяла его, работая в Казахстане, в Томской области, Иркутской области.

Интересы вашего коллектива, его работоспособность очень для меня дороги».

На следующий же день я дал задание диспетчеру собрать сводку: сколько у нас больных дизентерии? Оказалось, немало! Начальник нашей санчасти доктор Глинский даже требует от меня, чтобы из вновь выстраиваемых домов в Порт-городе выделить дом под инфекционный стационар.

Вечером вызвал врачей на совет. Все восприняли предложение сибирской фельдшерицы Ивановой без особого энтузиазма. В нашей аптеке зверобоя оказалось всего двести пятьдесят граммов. Два дня машина объезжала аптеки Куйбышева, Сызрани, Чапаевска: собирали четыре с половиной килограмма зверобоя. Заварили и дали пить прежде всего в больнице. Чудесный результат! Больные начали быстро выздоравливать.

Тогда уж мы организовали заготовку зверобоя

в крупных масштабах. Скупили его даже в соседних областях. Все бачки для питья заправили зверобоем и таким образом уничтожили дизентерию, что называется, в зародыши.

Вот что дало одно письмо!

Вспомнилось мне и другое письмо — из далекого Сухуми. Вот оно:

«Товарищ начальник!

Я работал на Днепрострое с 1926 по 1932 год, и был на моих глазах такой случай: контрольно-техническое бюро забило тревогу — слишком большой расход цемента в сравнении с количеством бетона. Сотни тонн перерасхода! Проперили работу людей, механизмов — все правильно. А когда стали проверять автоматические весы, дозирующие порцию цемента на замес, то оказалось, что на чашке, где стояли гиры, осело около полукилограмма цемента. Весы были сотенные, и, значит, они отпускали на каждый замес до 50 килограммов лишнего цемента.

Товарищи! Прикажите чаще проверять и очищать автоматические весы, дозирующие цемент. Здесь легкая возможность для вредительства подлецам и дуракам».

...Кислород нужен всему живому. И могучему организму Куйбышевгидростроя тоже нужно много кислорода, иначе нарушится дыхание стройки. Года три назад все усилия наши были направлены к тому, чтобы скорее пустить в эксплуатацию кислородный завод. Сколько же еще можно возить кислород из Сызрани или из Пензы? Расходуем почти сто баллонов в сутки — легко сосчитать, убытки.

Павел Николаевич Левченков, наш главный механик, ежедневно докладывает мне вместе со старшим прорабом Загородниковым о ходе строительства кислородного завода. Выяснилось вдруг, что в зале, там, где установлены компрессоры и холодильные колонны, обязательно нужно выложить пол метлахской плиткой. Будь она неладна, где ее найти?

Вызываю людей, советуюсь: может, заменить чемнибудь? Ну, хотя бы ковриками, что ли.

Левченков смотрит на меня и с серьезным видом говорит:

— О! Идея: давайте возьмем ковры из кабинетов — из вашего, у главного инженера. В красном уголке заберем ковер. Постелем в машинном зале — красота!

Однако нам не до шуток. Надо искать плитку. В ней, говорят мне, единственная загвоздка. Будет плитка — пойдет завод. Рассыплю гонцов во все стороны. Спустя два-три дня добывают метлахскую плитку — в самом деле, чего не добудут снабженцы такой солидной фирмы, как Куйбышевгидрострой!

Достали. Павел Николаевич заверяет меня: теперь еще денек, другой, и завод пойдет. Прокрутят вхолостую, а там и выдаут первый кислород.

Проходят дни — кислорода нет. Является Левченков:

— Вот какое дело: для пуска завода нужно...

— Что там еще нужно?

— Нужно... серебра, немножко серебра.

Где его взять, серебро? Ехать в Москву? Будешь там ходить из-за этого пустякового количества серебра по главкам, «снабям» и «сбытам». Ладно, время позднее, подождем до утра, а там видно будет.

— Уж не заболел ли ты? — спрашивает дома Ольга Яковлевна. Она видит, что я чем-то расстроен и, против обикновения, отказываюсь от еды. Ужин стоит петроунитом. Взгляд мой падает на прибор: старая моя серебряная ложечка! Беру, рассматриваю ее, ищу пробу.

— Что ты, первый раз видишь ложку? Со дня нашей свадьбы сколько лет прошло? Это ж я тебе подарила на второй год...

— А ты уверена, что она серебряная?

— Да, она из лучшего серебра! И вообще в чем дело? На что она тебе понадобилась?

Собираюсь на работу и беру ложечку с собой.

— Вот, Любовь Ивановна, — торжественно вручаю я ложку секретарю. — Надо мобилизовать внутренние ресурсы.

К разговору нашему прислушивается старичок,

явившийся ко мне с парнишкой лет шестнадцати, должно быть внуком.

— Товарищ начальник, ты мне Васяtkу устрой, чтобы у меня сердце не разрывалось больше. Пусть он у тебя тужает, а потом учиться пойдет.

— Скажи, дедушка, толком, кто ты, откуда ты и малец твой?

— А я из бакенщиков, с Черемшана, а этот пострел — внук мой. Задады: не буду жить у тебя, убегу на стройку. Вот собрался я и привез его сам...

— Что же мне с ним делать?

— А ты его приспособь.

Вызвали начальника отдела кадров: дать общежитие, устроить в учебный комбинат.

— Ну, вот видишь, — прощается со мною старик. — Все устроил, как я говорил. Приезжай в гости, угощу ухой.

Вдруг, возвращаясь от двери, говорит:

— Послушай, начальник! А тебе серебро-то на дело нужно? Давеча ты велел добыть.

— На дело нужно, на дело, папаша.

— Тогда ладно, у меня тут в Ставрополе друзья-прятатели есть, пойду, поспрошу насчет серебра-то.

И ушел.

К вечеру появились на столе секретаря еще несколько столовых и чайных серебряных ложек. Их привезли сотрудники управления.

Через два-три дня Любовь Ивановна доложила мне, что пришел... батюшка.

— То есть какой батюшка? Мой батюшка умер в 1948 году.

— Да нет, священник. Лично к начальнику хочет пройти.

Заходит этакий широченный, большой мужчина с окладистой седой бородой.

— Здравствуйте, давайте познакомимся — я настоятель местной церкви.

— Очень приятно.

— Скоро ли Волга поднята будет?

— Думаю, года через три то место, где мы с вами сейчас сидим, будет морским дном.

— Слышал я, что вы нужду имеете в серебре. Так будто?

— Так.

— Вот собрались у нас полтинники. — Батюшка протягивает мне кожаный кошелек, наполненный серебряными монетами.

Я обрадовался:

— Спасибо, разрешите уплатить вам стоимость...

— Что вы, не надо, не надо!

Откладывая батюшку и ушел, так и не удовлетворив мое любопытство: тот ли бакенщик сказал ему о наших затруднениях с серебром, или кто другой?

МЫ ДЕРЖИМ ЭКЗАМЕН

Апрель 1958 года. Все теплее пригревает солнце, тает на дорогах снег, сбегают к обочинам ручейки. Это последняя из весен, отпущенных нам для работы на гидроузле. Несколько месяцев дано на то, чтобы окончательно отремонтировать все сооружения гидроузла и предъявить их к сдаче во всей красоте, во всем величии. Но как много еще осталось сделать!

Каждый школьник знает, что на нашей станции двадцать агрегатов по сто пятидесятять тысяч киловатт, что в зале почти четыре миллиона кубометров воздуха, заключенного в бетонную коробку.

Не все здесь открыто взору. Видно, как вращается вал турбины. Но не увидишь, как бьется о лопасти волжская вода, заставляющая бешено крутиться ротор. Тем более нельзя увидеть, как работают сложнейшие приборы, какие процессы происходят за матовыми стенками ионных возбудителей и как текут по стальным круглым медным шинам могучий ток.

Сто пятидесятять тысяч киловатт! Но уже первый год эксплуатации показал, что турбины могут развивать мощность до ста тридцати пяти тысяч и устойчиво работают на ста двадцати тысячах киловатт!

У пульта управления.

И правильно задумано перемаркировать наши агрегаты.

Как-то в горячие дни отделки заглянул я на центральный пульт управления. Мягкий свет лился сквозь остекленный потолок. Вдоль стен полукругом расположены щиты с приборами и множеством разноцветных ламп. Они иногда мигают. Здесь, на этих приборах, образно говоря, мы все время чувствуем пульс работы станции, определяем, как работает наше «сердце».

Звонок. Загорелось сразу несколько ламп. Дежурный инженер снимает трубку:

— Центральный пульт управления слушает! Добавить на Москву? Пятьсот тысяч? Хорошо, будет сделано.

Как щедр наш богатырь! Он делится своей могучей силой.

Вне машинного зала стоит неумолчный гам. К привычному обычному шуму прибавились дробь и стрекот пневматических зубил, отбойных молотков, обрабатывающих поверхность стен. По всему фронту распространялись отделочники. Зимой работали внутри, а теперь вышли на фасады. Плитам-облошкам надо придать вид естественного камня, разделать швы между ними, оштукатурить оконные проемы.

Опять самым дефицитным на стройке стало время. Мы его сейчас считаем не на дни, а на часы и минуты. Прибывает подмога. Двести с лишним штукатуров и маляров из куйбышевского строительного треста. Так сказать, первые ласточки горячей весны!

За пятнадцать дней апреля удалось сделать много. Часть фасада уже светится празднично, радостно, нарядно. С крыши станции спустились подвесные леса для отделочников. Плотники начали кладь доски поэтажного настила, готов первый пролет первого яруса.

Спустя день-два на наш призыв откликнулись дальнекие сибирские стройки. Иркутские гидростроители прислали восемь лучших мастеров облицовки. Пятница направил Сталинградгидрострой.

И еще одно большое праздничное весеннее событие: к нам приехала делегация строителей из народного Китая со стройки гидроэлектростанции в Саньминье на реке Хуанхэ. Эта станция сооружается по проекту советских инженеров. Там, как рассказывает начальник строительства товарищ Лю Дзы-ху, работы идут широким фронтом. Миллион киловатт — станция немалая! Тем не менее китайские товарищи взяли на себя обязательство сократить срок строительства на шесть месяцев.

Китайские наши друзья побывали до Куйбышевгидростроя в Ленинграде, на Металлическом заводе, где изготавливаются и для них турбины, побывали и на Сталинградгидрострое, и в Кременчуге, где тоже строится гидростанция. У нас они подробно знакомились с хозяйственными и техническими деталями, встретились с инженерно-техническими работниками

и в сердечной, глубоко содержательной беседе высказали много предложений и критических замечаний.

В начале апреля мне пришлось отлучиться со стройки, чтобы участвовать в Москве в совещании строителей. Кроме меня, делегатами были посланы Николай Васильевич Резин, Кирилл Иванович Смирнов и бригадир монтажников железобетонных конструкций Олег Лебедев.

Конечно, нашему гидроузлу на московском совещании было уделено много внимания. Выступал там и я. Отчитался, покритиковал проекты и поделился соображениями о дальнейших задачах коллектива строителей. В связи с окончанием работ на ГЭС коллектив должен быть переключен на сооружение крупных промышленных предприятий, заводов химической и машиностроительной промышленности в прилегающем к гидроузлу районе. Работы хватят!

Как всегда, инициатива гидростройтелей была поддержана.

Москва напутствовала нас: дерзайте, творите!

...Каждый день меняется облик стройки.

Асфальтированная магистраль, которая идет вдоль всей плотины, блестит на солнце. Нескончаемым потоком в оба конца движутся автомобили. И даже автобусы дальнего следования пошли по маршрутам Сызрань — Куйбышев, Куйбышев — Пенза. Но больше всего самоездов. И среди них масса груженных так называемым растительным грунтом.

Вот бригада женщин под руководством Анны Николаевны Цыганковой сажает деревья и готовит клумбы под цветы.

На три четверти, докладывают мне, выполнена программа травосеяния, высажен миллион кустов черной смородины, начали сажать цветочную траву — вот с чем под конец строительства приходится иметь дело, точно мы агрономы!

Плотина начинает принимать праздничный вид. Удаляются все следы строительных работ. К паровозам, которые стояли на гребне плотины и снабжали

Кинотеатр «Гидростройтель».

паром установки для прогревания бетона, подошел пятидесяттонный кран. Он разбирает и утаскивает пароходы.

Это первая весна, когда мы можем быть совершенно разнузданы паводку.

Вот он и наступил. Тысячи зрителей стоят у парапета плотины, смотрят, как движутся могучие льдины. Над водобросом стоит радуга.

Ледовый панцирь, которым было заковано Куйбышевское водохранилище, взломан, взорван. Море работает в полную силу. Прибыль воды рекордная — тридцать восемь сантиметров за сутки. В эту последнюю весну строительства и море тоже примет, надо полагать, последнее «пополнение» и достигнет проектных отметок. А лишнюю воду — все больше и больше — мы будем сбрасывать через пролеты водосливной плотины. Там уже сейчас за каждую секунду падает пятнадцать тысяч кубометров воды.

Центральная паводковая комиссия пристально следит за сбросом воды и за состоянием водохранилища — этой нашей кладовой «белого угля».

Весна ранняя. В середине апреля речники уже пошли в плавание.

Конечно, есть у нас и сельскохозяйственные шефские заботы: отправили первый отряд — четыреста рабочих — на посевную в соседние колхозы, послали сорок два трактора, сто восемнадцать автомашин, обязались помочь провести полевые работы, как говорят, «в лучшие агротехнические сроки».

Как-то сплелись в один клубок все наши дела и заботы, одно из другого не оторвешь — в этом вся прелесть нынешней весны: мы и майярничаем, и садовничаем, и сеем. В 1950 году я не с滋ывал в своем воображении плотину с цветами и кустами черной смородины или яблонями.

Огромны перемены! На глазах, буквально на глазах меняется пейзаж гидроузла.

Всех нас это радует, но мне кажется, что сам я радуюсь как никто — больше всех и горячее всех!

...В августе надо дать первый цемент. Это мы, энергетические строители, должны дать цемент, первый жигулевский цемент! И если мы это сделаем, то в Жигулях будет второй праздник, настоящий праздник строителей.

На левом берегу под нашей опекой гнездо заводов. В этом гнезде некоторые птенцы уже вылупились. Завод строительных машин со временем достигнет маштабов знаменитого Уралмаша, и мы его уже теперь перекрестили в Волгогтяжмаш. Пять цехов войдут в строй в этом году.

Рядом с Волгогтяжмашем раскинулась площадка «СК» — завода синтетического каучука. На ней будет и много, и мало семьдесят восемь цехов. Из них пятьдесят четыре уже в работе, в стройке. По соседству — завод сельскохозяйственных химических удобрений. Затем ТЭПЛЭЦентрализ.

А главное пока все-таки ГЭС. В августе должен быть подведен окончательный итог восьмилетней работе десятков тысяч людей. Нельзя допустить, чтобы оценка снизилась из-за каких-то мелких недоделок. Вновь и вновь, вдоль и поперек, вверх и вниз прове-

Михаил Юрьевич Евец (второй справа) со своей бригадой.

рием и выверяем, не упущены ли какие-нибудь мелочи.

Стоя на подкрановых путях. Далеко внизу — агрегаты в огромном машинном зале. Последний агрегат едва виден. «Не ударьте лицом в грязь, — мысленно повторяю я слова Глеба Максимилиановича Кржижановского, — нарядите красавицу станцию, как ей подобает, помните, что она будет на виду у всего мира...»

В ту минуту, когда я повторял эти слова, они были для меня не просто получением, а злым укором. В наряде нашей красавицы, увы, есть брак. Так что в оставшиеся недели надо не только закончить отделку, но и пройтись второй раз кое-где.

Я делюсь своими мыслями с секретарем комитета комсомола Николаем Лохматовым и прошу ребят со всей силой, со всей комсомольской яростью обрушиться на недоделки.

— Даём сигнал контрольным постам! — отвечает мне Николай. — Подымаем всех в ружье! Будет толк,

Михаил Юрьевич с сыновьями на первой морской прогулке.

Искореним брак! Выкурим его подчистую! Комсомол не даст промашки!

Наступил май. Собираемся на совещание и называеме жесткие сроки. Требуем, чтобы каждый день непременно освобождалось от лесов что-то новое.

С наружных стен ГЭС леса сняты. Работы приняты с оценками «хорошо» и «отлично». И внутри машинного зала тоже убираются понемногу леса. Но не готовы еще лестничные клетки, не вся еще положена кровля, не смонтированы лифты.

Меньше трещат пневматические молотки. Вместе с шумами исчезает и лишний мусор, становится светлей, через широкие оконные проемы, большей частью вымытые, льются потоки света, прошитого золотистыми лучами. Отделанная поверхность стен блестит, отсвечивает. Белые отшлифованные плиты склоняют мраморным переливом.

Подкраиновые консоли обеих стен полностью за кончены. От бригады, которой руководит Ира Сенина, работы приняты на «отлично». Андрей Полевой,

прославленный наш арматурщик-монтажник, демонтирует внутри зала металлические леса.

Когда начался июнь, предпоследний месяц горячей стадии, на сооружениях гидроузла было высажено четыре с лишним тысячи деревьев и несколько миллионов цветов. Повсюду лозунги: «Сделаем станцию самой красивой!»

К НАМ ЕДЕТ ЗАМОРСКИЙ ГОСТЬ

Мне позвонили об этом из Куйбышева:

— Окажи гостеприимства, Иван Васильевич. Коллега к тебе едет — американский сенатор Эллендер из штата Луизиана, гидротехник по специальности.

В первый момент у меня возникло недоумение: зачем он едет? Что ему нужно у нас? Но тут же спохватился: ведь это же первый американский гость у нас! Да еще строитель гидростанций! Есть что ему показать, да, пожалуй, будет о чем и поговорить...

Сенатор Эллендер прибыл вместе с атташе американского посольства в СССР. Гость долго держит мою руку, пристально смотрит в глаза с каким-то недоверием...

У карты гидроузла сенатор задал много вопросов. Подробно, со знанием дела расспрашивал он об особенностях проекта, сколько было занято рабочих, автомашин, кранов, экскаваторов...

Постепенно гость и сам разговорился. Беседа стала непринужденной, свободной. Сенатор вспомнил эпизоды своей работы на гидростройках Америки, вспомнил строительство станций Грэнд-Куля и Булдер-Дэм. Рассматривая у меня в кабинете чертежи здания ГЭС, он особенно заинтересовался нашим сорудерживающим сооружением.

— Это очень интересно! — сказал он. — В Америке таких сооружений нет. Это надо будет повторить у нас.

Чувство недоверия у Эллендера почти прошло. Еще не визу гидроэлектростанции, он убедился, что она существует и работает.

Дальше Эллендер спрашивал, сколько мне лет, какая у меня семья, чем занимаются дети. Рассказал о себе, похвалился детьми и внучатами.

Словно проверяя, нет ли подделки, сенатор рассматривал мой кабинет, прошел в комнату отдыха, потрогал шкаф, заинтересовался альбомом и журналами, лежавшими на столике, открыл «Боржоми». Прежде чем поехать по гидроузлу, сенатор спросил:

— Можно посмотреть дом, в котором вы живете?
— Вот он, — показал я на коттедж, утопающий в зелени и цветах.

— И это ваш сад?

— Конечно. ПРОшу вас, заходите.

Когда мы проехали мимо нашего института, я сказал об этом гостю, и он немедленно попросил остановить машину.

— Институт? Разрешите осмотреть.

Эллендер вышел из машины и попросил переводчика прочесть вывеску института. Ему ее прочли. Когда же он узнал, что здесь учатся больше тысячи человек, что это в большинстве рабочие, которые днем заняты на стройке, а вечером учатся, он был очень удивлен.

Еще больше удивлялся гость на нижних шлюзах. Казалось, он думал, что на берегах Волги гуляют белые медведи, а бородатые мужики в смазных сапогах на каждом углу пьют чай из тульских самоваров и напрывают на балалайках. А тут такие гидротехнические сооружения, такие первоклассные шлюзы с великолепной отделкой, с безукоризненно действующей автоматикой, с садом по соседству! Глаза у него загорелись.

— Как жаль, что нельзя сфотографировать! — проговорил он.

— Почему нельзя? Пожалуйста, — сказал я. — Фотографируйте на здоровье.

— Вы разрешаете снимать? — переспросил Эллендер.

— Да, да. Прошу.

Мне показалось, что он пробормотал про себя что-

то вроде «черт возьми» и стал фотографировать шлюзовые камеры, башни, цветы, яблони, дамбу.

«Железного занавеса», которого так опасался Эллендер, не оказалось.

Две девушки преподнесли гостю цветы. Он окончательно был растроган, долго тряс руку начальнику шлюзов Конюшко и мне, попросил одного из инженеров взять его аппарат и сфотографировать его с цветами на фоне шлюзов.

Мы поехали в Шлюзовой поселок, заходили там в квартиры рабочих, где сенатор Эллендер зажигал газ на кухнях, рассматривал белоснежные ванны, умывался забавным игрушкам в детском саду.

А на плотине и вовсе был ошеломлен величавой картиной... Гость долго молча смотрел на эту бетонную громаду с чудовищной силы водопадами и клоунушкой, бурлящей на дне Волгой.

Стало темнеть, я торопил сенатора на гидростанцию, но он остановился, издали взглянул на ГЭС и, убедившись, что она действительно стоит перед ним живая и реальная, сказал:

— Я очень хочу все обойти, но, к сожалению, мои шестьдесят семь лет идут неvronь с моими желаниями. Желания бегут вперед, а ноги едва плетутся...

Подаренные американскому гостю альбомы привели на него также большое впечатление. Он спросил, разрешим ли мы ему опубликовать их. Возможно ли это? Я ответил:

— Разумеется! Для того и дарю. Пусть знает весь американский народ о нашей станции. Пусть знают американцы, как выглядят берега великой русской реки Волги, и пусть убедятся, что мы заплатили мирным трудом, а не подготовкой к войне.

— Приезжайте к нам! Будем дружить! — воскликнул в ответ Эллендер.

ПОЕЗДКА ЗА ОКЕАН

Вскоре после отъезда американского гостя нас посетила группа бизнесменов — десять руководителей крупнейших, как нам сказали, энергетических mono-

полил во главе с президентом детройтской Эдисоновской компании Сислером Уолкером.

Приятно принимать гостей, когда чувствуешь, что есть чем встретить, и приятно сознавать, что слух о нашей станции достиг западного полушария.

Добро пожаловать!

На этот раз американские гости осматривали сооружения тщательно и неторопливо. Видно было, что они работают, а не пребывают в гостях. В машинном зале Сислер Уолкер спросил Михаила Арутюновича Саркисова, главного инженера станции:

— А верно ли, что ваши агрегаты, мистер Саркисов, развивают мощность до ста тридцати тысяч киловатт?

Мы стояли в это время возле двенадцатого агрегата. Саркисов предложил гостям:

— Давайте взьмем хотя бы этот, двенадцатый. — Он дал команду: — Открыть направляющие аппараты турбины номер двенадцать полностью!

Прибор тут же показал 118 тысяч киловатт, затем 120, а семь минут спустя агрегат набрал мощность в 130 тысяч киловатт.

— Хватит! Понято! Я вам очень благодарен.

Уолкер огляделся, словно прикидывая, много ли народу услышит его, и произнес с чувством:

— Мы восхищены всем виденным! По возвращении в США мы сможем сказать нашим пропагандистам, что Куйбышевская гидроэлектростанция не миф. Любая страна, господа, может гордиться таким сооружением!

...Как раз в те дни, когда я все чаще стал думать — пора бы и мне посмотреть кое-какие американские сооружения, позвонил министр: предстоят конгрессы гидротехников и энергетиков в Канаде и США, и меня хотят включить в состав советской делегации.

Первый раз за океан!. Однако поездка в Америку теперь выглядит слишком просто. Это уже не то длительное испытание, каким было раньше путешествие на этот материк.

Взревели моторы на Внуковском аэророме, сталь-

ная птица взмыла в облака, и едва успели пассажиры устроиться на своих местах, как под крылом уже показалась «пчельник» Западной Европы. В Париже мы должны пересесть на другой самолет. Нам страшно хочется опоздать к тому самолету, чтобы на денек развязать себе руки. И мы действительно опаздываем, как выясняется из безукоризненно наложенной воздушной информации...

— Опаздываем! Ура! — радуются мои спутники Александр Александрович Боровой, заместитель председателя технического совета министерства, и профессор Владимир Владимирович Столников, начальник лаборатории Института гидротехники.

В Париже на аэророме Орли нас «обрадовали»:
— О господ! Самолет на Канаду ждет вас...

Никакого Парижа: в час ночи занимаем места в самолете. Ну, раз такое дело, тогда надо спать. И просыпаюсь я уже над снежными скалами Гренландии. В стороне от линии полета, в каких-нибудь 160 милях, как уверяет стюард, только что оставил ми Северный полюс.

Мы несемся дальше, над облаками, над снегами, над белой пустыней... И вдруг — зеленый лес. Скалистые с лысами макушки нашей старушки планеты и увидели первую растительность!

Приближается Канада. Мы чувствуем это и по ландшафту и по оживлению в самолете. Нам предлагаются после завтрака десерт: анкеты в пятьдесят вопросов, в том числе — не привлекались ли мои родители к уголовной ответственности? Пусть Канада верят моей искренности: никогда не привлекались!

На высоте семь тысяч метров начинает безбожно бросать и качать. «Надеть пояса!» Проходим штормовой фронт. В этом месте я, наконец, начинаю верить, что и на воздушных дорогах есть ухабы, да еще какие!

Пересекаем горы и выходим к устью реки Св. Лаврентия. Местами канадская река в самом деле похожа на нашу Волгу. Петляет, поворачивает почти вслپять и опять сбегает вниз. Канадец-сосед считает

своим долгом обратить мое внимание на это обстоятельство.

По мере снижения мы видим, как много на реке гидротехнических сооружений, готовых и строящихся.

Под нами Монреаль, куда мы и держим путь. Там состоится конгресс энергетиков.

В аэропорт к нам обращен стяг: «Добро пожаловать, русские инженеры!» Представители оргкомитета конгресса, встретившие нас, настроены очень дружески весело.

Мы попали в атмосферу радушия, теплого гостеприимства и кеприиженности. Нас поселили в только что выстроенным 42-этажном отеле «Куин Элизабет».

Строитель, естественно, осматривает свое жилище прежде всего с точки зрения профессиональной. Коробка из алюминия и стекла; верх экономичности — потолок я легко достаю рукой. В комнатке площадью в 14 метров нас трое. Маловато, думаю, воздуха трем таким солидным клиентам. Пытаюсь открыть форточку или окно, но меня останавливают надписи: «Не пытайтесь открыть окно. Воздух в вашей комнатке после включения кондиционирующей установки будет чище, чем на улице».

И верно! Установка хорошая, ничего не скажешь. Отпускает на закат любой воздух и любую температуру.

Комната наша располагает еще и телевизором с восемью каналами. Одна программа — некий джентльмен рекламирует сигареты с мундштуком, имеющим особый фильтр. От вас требуют, чтобы вы полюбили сигареты «Кент», которые якобы не только не вредны, но даже полезны для здоровья. По другой программе передается кричащие какой-то дезаи. Она расхваливает парфюмерию и тут же мажет лицо кремами, смывает их, гримасничает и опять мажется. Третья программа потчует зрителя психологическими фильмами с привидениями. А четвертая дает зрелище, перед которым стоят несколько задержаться: ковбойские фильмы с бешеным галопом и стрельбой из пистолетов...

На следующий день председатель оргкомитета конгресса Паттерсон приглашает нас от имени канадского правительства на пуск первых агрегатов гидростанции у города Корнуэлла, в сорока милях от Монреаля.

На пуске агрегатов — совсем по-нашему — состоится митинг. Правда, на митинге — совсем не по-нашему — основная публика — знать, и только где-то позади небольшая группа рабочих.

Станция строилась совместно с США, и турбины, первенцы вводятся в эксплуатацию тоже «пополам»: две на левом берегу и две на правом.

Что мне понравилось? Мы только теперь начинаем примериваться, чтобы обходиться без коробки здания гидростанции, а они уже осуществляли это. Нет здания. Турбины закрыты металлическими колпаками.

На митинге говорили о том, что станция заложена почти одновременно с нашей Куйбышевской и мощность ее (1900 тысяч киловатт) почти такая же. Я стою и думаю: то же самое, но только труба по ниже и дым пожже! Наша-то дает 2 300 тысяч да пущена на полную мощность год назад, а вы, друзья, пускаете только первые четыре агрегата. Мы-то уже успели накрутить восемнадцать миллиардов киловатт-часов!

Впрочем, как только я подумал об этом, оратор сделал необходимую оговорку насчет того, что, дескать, «русские все же нас несколько опередили».

Образно говорит оратор о реке, которая должна сближать американский и канадский народы, о дружбе, о единстве, о мире, о... блаженстве. Вообще здесь прекрасные ораторы, хорошо у них получаются патетические места, да и голоса неплохо поставлены. А вот у нас явно недооценивается умение красиво говорить.

На конгрессе представлено было 57 стран. В полуциркульном зале — до двух тысяч человек. Зал такой, что в случае необходимости стены могут быть раздвинуты, площадь зала удвоена.

Наши доклады выслушиваются с большим вниманием. Боровой выступает по-французски, Столь-

ников по-английски, а мы с Павленко по-русски. Большое впечатление произвели на энергетиков советские фильмы, особенно «Победа на Волге», посвященный нашему гидроузлу. Фильму этому просто устроили овацию.

Своего гостя-сенатора я не встретил на конгрессе. Он был в те дни болен. Жаль!

Встреча энергетиков была плодотворной и интересной. Для нас, советских специалистов, правда, ничего потрясающего в докладах не оказалось, но все же мы приобрели много полезного. Само общение ценно.

Нам предстояло выехать в США на конгресс по большим плотинам и посетить там ряд электростанций. Перед отъездом из Монреала мне пришлось выступить перед микрофоном местного радиовещания. Сказала то, что думал: давайте в самом деле дружить!

В США отправились мы поездом. Под нашим же отелем, в подвале, оказался вокзал. В вагоне с нами были поляки, австрийцы, югославы, французы.

В семь часов мы уже на ногах. Просто конвейер зрелиц! Водопад Ниагара. Граница. Две американские гидростанции и останки третьей, смытой бурными водами, — турбогенератор до сих пор так и висят в русле реки. В этих местах особенно приятно к тебе продают сувениры.

По территории США мы мчимся в поездах и автобусах, как участники некой эстафеты.

И, странное дело, в Питсбург, например, мы приехали поездом с опозданием на пятьдесят минут. Вот так Америка!

Пересаживаемся в автобусы. «Кто хочет попасть на утреннюю молитву, тому в автобус направо, кто хочет сразу ехать к месту назначения — автобус налево».

Показывают нам сарай из волнистого оцинкованного железа и железобетонные кубы. Атомная электростанция! Предлагают фотографировать, пожалуйста.

Едем поездом дальше. Мчимся со скоростью сто

десять километров в час. Лежать невозможно: подпрыгиваешь как мячик.

На конгрессе по большим плотинам мы услышали не мало интересного, но более впечатляющими были поездки по станциям. Несколько мешали, правда, бесчисленные приемы и обеды, но хватило времени и на осмотр сооружений.

Посмотрели знаменитую станцию Грэнд-Кули, на реке Колумбия. У входа счетчик показывает, сколько выработано энергии на данный момент и сколько выручила компания. Сама станция — это коробка без окон. Решили, что немногочисленный штат вполне обойдется искусственным светом. Но я лично чувствовал бы себя плохо в коробке. А солнышко — разве оно ломеха для работы агрегатов?

Побывали на стройке. Площадка строительства производит хорошее впечатление. Порядок радищий. И еще хорошо, что почти на всех станциях предусмотрены рыболовы, рыбоприемники.

Станция мощностью в 800 тысяч киловатт строятся такими силами: 1500 рабочих, 110 инженеров, шесть портальных кранов и два гусеничных. Бетон кладут трехкубовыми бадьями. В смысле техники ничего для нас нового и оригинального. Но — порядок.

Тоже любят и они митинги!

Мэр одного города приветствует нас и, подняв стакан воды, произносит:

— Пусть дружба наша будет так же чиста, как эта вода!

А в стакане у него плавают кусочки льда. У меня же в руках стакан кофе, и я предлагаю, чтобы дружба наша была чиста, как та вода, но без льда, и так горяча, как кофе в моем стакане... Договорились как будто.

На гидростанции в Бонневиле в простом сарае помещается интересная лаборатория. Здесь закладываются модели для испытаний — будущие гидроузлы держат инженерный экзамен.

Ездим и ездим без конца по маленьким городкам. Картина в общем одна и та же на разных гидроузлах и станциях. И в городках тоже все как будто одинак-

ково. Любопытно, что в американской провинции люди очень рано ложатся спать. В девять вечера ни души. Туристы слоняются по тихим и пустынным улицам.

В Портленде я познакомился с молодым гидротехником, профессором университета. Ему всего тридцать два года. Очень словоохоленный молодой человек и довольно смелый, я бы сказал, в своих высказываниях.

Вспомнил — где же настройках рабочие поселки? Их, как правило, нет. В одном месте мы увидели улицу, образованную автобусами, фургонами, временными жилищами на колесах. В других местах рабочие попросту добираются настройку из ближайших населенных пунктов кто на чем. Иные обзаводятся складину автомобилями. Машина в складчину — это, оказывается, распространено. Рабочие, из мой взгляд, не так свободны в высказываниях, как тот молодой профессор.

А в гостинище посидеть с рабочими не довелось.

Как бы там ни было, поездка в США и в Канаду оставила незабываемые впечатления. И укрепила вот какую, в сущности, простую мысль: нет на свете государства, которое не выиграло бы от мира и дружбы!

КАК МНОГО ЗАДАНО!

Вернемся, однако, к нашим делам. Строители станции, наконец, спустились со стен. Закончили шлифовку и отделку.

Теперь надо стелить плитку на пол. Получили мы из Чехословакии хороший подарок — голубые, черные и красные метлахские плитки. Звено плиточников Абрамова, приехавшее с Кауховской ГЭС, выстала первые квадратные метры в машинном зале. Красиво!

Теперь нам особенно нужны плиточники, и друзья посыпают их нам отовсюду: с московского и ленинградского метростроя, с жилищных строек, где, пожалуй, и в мыслях ни у кого не было, что доведется отделять и украшать великую волжскую гидростанцию.

Широко раскинулся молодой Жигулевск.

Начали красить гидроагрегаты. Они должны быть светлыми, цвета слоновой кости, с красной полосой. Занимается ими бригада художников энаменного мастера по лакокрасочному кураво-ва. К первым двум выкрашенным агрегатам без конца подходят любопытные — красиво, богато, весело!

Теперь уже дни мои напоминают студенческую предэкзаменационную лихорадку. Суметь бы только вместить в себя, только бы суметь охватить все, что задано! А в данном случае задано превеликое множество всяких дел, срочных и сверхсрочных, и у себя, и в подшефных колхозах. Так и проходит перед тобой, словно кинолента, удивительная череда работ и событий: в колхозе «Родина» построена большая дамба и отремонтирована мельница, в машинном зале тесно малярам, в институте экзамены...

А вечерами ко мне в кабинет, к зеленому столу, так много приглашаются руководителей, что до меня уже долетают нарекания: «Опять заседать...» Вначале я возмущался:

— Уже и посидеть часок за столом немоготу, товарищ Троицкий?

Но остальные загудели: прав Троицкий, сидеть по три раза в сутки на совещаниях трудненько в такую то пору!

И ничего не оставалось, как признать, что мы пересадали маленько, что надо вовремя «закруглиться» и, вместо того чтобы контролировать исполнение заданий на совещаниях, проверять все это на месте, в натуре.

И день сразу стал больше: послеобеденное совещание отменил, поехал вместо этого на цементный; вечернее совещание отменил — столкнемся по телефону.

А на субботу получаю неожиданное приглашение от райкома и райисполкома:

— Не хотите ли, Иван Васильевич, отдохнуть на лоне природы? На море, скажем. Только не на вашем море, а на нашем — на море пшеничном...

Хорошо, — соглашуюсь я, — поедем часиков в семь на ваше море и посмотрим, как оно волнуется.

Едем по полям. Ну и хлеба! Вот это урожай в честь нашего пуска! Собственно, не наше ли море помогло рождению этого пышного, в золотистых волнах моря хлебов? Может, и наши легли тут осадки?..

Глянув на эти роскошные поля, я начиняю соображать, зачем вытащили меня товарищи. Ага, вразумить насчет оросительных работ.

Приезжаем в колхозы «Родина», имени Красной Армии и Луначарского. Да, воды много. Весной она заливает огромную пойму, тридцать тысяч гектаров плодороднейшей земли. Мне показывают: вот здесь намечено посадить тысячи гектаров фруктового сада, а здесь обширная площадь — много тысяч гектаров — отведена будет под овощи.

Даже до понедельника нельзя откладывать эти дела. В воскресенье опять... совещание! Ну, да ладно, в этом случае оно просто необходимо. Собрались наши механизаторы, партийные работники, руководители колхозов. Быстро находим общий язык и вырабатываем единый план оросительных работ. Всего на

три месяца рассчитана задуманная работа: построить насосную станцию главного напорного трубопровода, укрепить откосы водозабора, построить дамбу и бетонный оросительный канал.

ДОРОГОЕ ЯИЧКО...

Вот и построена наша птицефабрика.

Заехал я к директору фабрики Видманову поговорить, нельзя ли технику нашу забрать: задание уже выполнено. Но у директора новые идеи. Он ведет меня и показывает, как невдалеке блестят среди зеленой долины Волга, а дальше — несколько озер.

— Посмотрите, — тянет он меня за рукав, — сама природа создала эти озера для нас, специально для нас...

Нет, тут явно что-то задумано.

— Озера, озера, а при чем тут куры? Не курам ли вы хотите предоставить эти озера? Или вывести по роду водоплавающей курицы? — спрашиваю я.

Директор ожижився:

— Куры действительно не плавают, сколько ни утоваривали их. Кура — сухонутное существо. Но, Иван Васильевич, есть у курочки, как бы вам сказать, родственница, что ли... Уточка! А у уточки есть кузен, красавец кузен — гусь. Этого существа очень любят воду, и для них мы хотим приспособить вот эти озера. Нет, вы взгляните, вы поймите, какие тут уточки могут быть! Пекинские уточки, белые, нежные! Но нам помочь надо...

Ехал я домой и уже прикидывал: если действительно каждая утка через четыре месяца будет весить четыре килограмма, так ведь у нас будет много утиного мяса.

С того дня прошло несколько месяцев. Мне сообщают: у аппарата директор птицефабрики.

— Слушаю!

— Иван Васильевич, поздравьте меня. У меня большое событие. У меня родилась... родилось...

— Девочка? Мальчик?

— Да нет: снеслась первая курица. Первая курица снесла первое яйцо!

— Ну, и какое оно, первое яйцо, крупное, ничего?

— Огромное, как арбуз! Честное слово. Вот я привез его вам... в подарок!

Через час с небольшим на моем столе появляется яичко, правда, несколько меньших размеров, чем арбуз, однако и не совсем маленькое.

Событие, как ни говорите, значительное!

Меня теперь интересует, как там наши — наши! — утятка.

— Живут, растут, плодятся! И... так и просятся на стол!

Странно получается у меня с дневником. Сел записать об иностранном госте, а сбылся на куриное яйцо. Но и в этом есть определенная логика.

С Эллендером мы расстались со словами о дружбе. У нас с ним была мысль о дружеском соревновании.

Правда, трудно наперед сказать. Бывает, съездит к нам гражданин США да и тиснет по возвращении статейку, что у нашего брата костюм не так сшит и что шофер, мол, небритый. Бывало так. Знаем. Но в конце концов дело не в этом. Я хочу, чтобы сенатор Эллендер и все американцы по-настоящему прониклись идеей мирного соревнования. И вот тут-то к месту яичко. Оно — хороший предмет дружеского соревнования.

Мы, советские люди, взялись догнать Америку по производству масла, молока и мяса на душу населения, так что птицефабрика, построенная с нашей помощью, на славу поработает для решения этой задачи.

С такими мыслями возвращался я с партийной конференции, где шел разговор о помощи сельскому хозяйству области. Я тоже произнес там речь на эту тему. А приехал к себе и подумал: что же дальше, после речи-то? Открываю стол — лежит, катается яичко, подаренное мне несколько дней назад.

А вечером того же дня мы коллективно разработали целый трехлетний план помощи колхозам —

обязательства Куйбышевгидростроя перед сельским хозяйством области.

Снимая трубку, звоню в обком Ефремову.

— Ого, — обрадовался он, — это как раз то, что нужно. Давайте-ка на бюро завтра же...

— Да ведь в черновиках все еще...

— А еще где?

— А еще... в сердце! Самое главное, что это у нас в сердце!

Утром дружной бригадой на нескольких машинах едем в обком. Приехали на бюро и видим, что мы не одни и не первые: со всех концов области, со всех предприятий и строек съехались добровольцы сельскохозяйственного фронта, фронта нашего изобилия.

...Как-то летом раздался звонок из Москвы. Справшиваю, как идут дела на гидроагрегатах. Доложил, а потом слышу:

— А как птичина поживает?

Быстро узнали! Но что скрывать, надо гордиться этим поручением.

— Не птичник, а птицефабрика, — поправляю я.

— Дела идут неплохо.

— Ну-ну, смотрите, не подкачайтесь, скоро приедем

птичницу кушать...

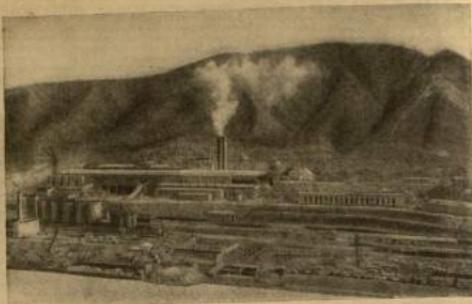
ЦВЕТЫ И СОЛНЦЕ

Идет июль и надвигается август. Больше никаких сроков нам не дадут. Ко Дню строителя мы должны во что бы то ни стало предъявить гидроузел правительственный комиссии.

Гости, гости... Все больше гостей едет к нам отовсюду. В выходные дни на всех берегах скапливаются целые стада легковых машин и автобусов. Экскурсанты, туристы со всего Поволжья и даже из других краев.

Празднуюм в эти дни пуск электролинии Жигулевск — Бугульма. Наш ток получил нефтяные районы Татарии. Хорошо!

Пытаемся к 28 июля дать первый цемент на Жигулевском комбинате, да ничего не получается: мно-

Цементно-шиферный комбинат.

го недоделок. Идет, однако, яростное соревнование бригад. На семидесятиметровой высоте водружено красное полотнище — огнем пламенеет оно на верхушке трубы и служит как бы маяком, призывающим всех идти брвеньи с передовыми.

Но над одной из труб уже вьется легкий сизоватый дымок — идет сушка. Накануне в печи впервые запалили дрова. Температура постепенно поднималась и достигла 500 градусов. Вот-вот печь войдет в строй.

— Аль похудел, Аркадий? — шутят друзья с начальником этой стройки Эгенбургом. — С чего бы это тебе худеть: сроки не соблюдаются, цемента еще нет!

Эгенбург не успевает отвечать на шутки. Он всегда подвижен, а сейчас и вовсе носится по строительству метеором. Таким, впрочем, он был и в горячие дни пуска шлакозов.

Первая печь дала цемент 1 августа. В восемь утра клинкер, остуженный в холодных барабанах, поступил в ковшевой транспортер. Температура в пе-

чи уже превышала 700 градусов. Загудел шламнасос. Десятки людей с волнением наблюдали начало жизни громадной печи.

Сколько прошло от начала строительства комбината?

Двадцать семь месяцев.

Какой же срок был дан?

Сорок месяцев.

Назавтра состоялся торжественный митинг, и мы преподнесли представителю обкома партии — это был наш Александр Сергеевич Мурзев, тогда уже второй секретарь обкома, — мешок только что сработанного, еще теплого цемента.

И вот теперь за этим праздником, относительно небольшим, должен последовать большой наш праздник — пуск гидроузла. Вернее, не пуск, а торжественная сдача.

Считанные дни остаются.

Еще краешка стала гидростанция. Вокруг здания блестит асфальт и ковром расстилаются травы, горят в клубах цветы. На многие километры растянулась аллея флагов — живая, трепещущая. На торце здания, обращенном к Волге, и на торце, обращенном к Жигулям, дворадиуминием отчеканено название станции. А на горе Могутовой камнем выложено: «Слава КПСС». Отовсюду видны эти слова. Стrog и торжествен машинный зал.

Там все окончено. Осталось только извести лоск. Кирилл Иванович Смирнов из дня в день созвал жен, не работающих, да и работающих тоже, и попросил их пройтись по машинному залу хозяйствским взглядом: нет ли где мусора? Он разделил их на группы и назначил хозяйствами агрегатов.

Ну, женщины сразу кинулись в зал, и с первых же минут мужские басы и даже гул роторов перекрыл многоголосый их говор. Хозяйки агрегатов очень придирично проверяли работу отделочников и взялись извести идеальную чистоту. Они стирали пыль, мыли, драили агрегаты и аппаратуру с тем же усердием, с каким дома начищают полы и кастрюли...

Здесь был старый город Ставрополь.

Все было вложено в стройку; и талант инженерный, и доблесть рабочая, и терпение, и задор, и азарт, и восторг, и молодая удаль экскаваторщика, и строгий расчет монтажника. А теперь вот еще женская забота.

Глядишь, с какой любовью женщины наряжают наше детище, и проникаешься еще большей гордостью за все, что нами сделано, и оно становится еще родней, еще дороже.

Из моего кабинета видны топольки, листва которых еще не дает тени. Их посадили только в этом году. А чуть подальше деревья уже заглядывают в окна второго этажа. Это ровесники стройки, им восемь лет, они шумят, играют ветвями, они в счастливом цвету.

Может быть, никогда еще не врывалось в мою жизнь столько радости, солнца, цветов...

ВЫСШАЯ НАГРАДА

8 августа мы отправили Центральному Комитету партии и правительству наш рапорт.

А теперь здесь море.

9 августа с утра гремит музыка — музыка повсюду, на всем необозримом пространстве районов, участков, предприятий Куйбышевгидростроя. И погода выдалась на славу: щедрое солнце озарило светом праздника каждый уголок.

Мы с министром электростанций Алексеем Сергеевичем Павленко отправляемся на ГЭС с последним, так сказать, контрольным визитом: готовы ли наши хозяйки принять в машинный зал гостей, которые скоро должны прибыть.

В зале еще шумно, однако многие хозяйки уже отставили швабры и тряпки. Чистота! Блеск! Можно спокойно ехать встречать правительственный поезд.

На станции Жигулевское море полным-полно народу. Несколько оркестров, гармоники, хоры, звонкие частушки удалых солистов. Пляшут, ведут хороводы. В толпе снуют лоточники с мороженым, с пивом, с бутербродами и лакомствами.

В семь часов вечера подходит поезд. На площадке вагона показывается Никита Сергеевич Хрущев.

Не успевает он сойти, как к нему подбегают детишки с букетами цветов. Они обступают и М. А. Суслова, Л. И. Брежнева, А. Б. Аристова, Д. С. Полянского.

— Ну вот видите, — говорит нам Никита Сергеевич, когда дети допустили его, наконец, к взрослым, — обещали к вам приехать и приехали. Вместе отпразднуем...

Через наши головы отовсюду протягиваются букеты цветов, и сотни рук тянутся для дружеского пожатия. Никита Сергеевич отдает цветы и на все стороны здоровается со строителями. Но их столько, что можно остаться без рук или по крайней мере без рукавов.

Садимся с гостями в машины и едем на гидроузел.

Вдоль всей дороги по обе стороны стоят, приветственно машут гостям тысячи и тысячи празднико-ящих строителей. Въезжаем в Комсомольск и видим: посреди дороги, попerek шоссе, стоят четверо с цветами. Вот догадались! Ба, да это, оказывается, семья Сергея Немасева, нашего знаменитого краночника! Он, жена и двое детей вышли встретить руководителей партии и правительства. И запросто остановили машины, поднесли цветы.

Подъезжаем к Порт-городу — там то же самое: цветы, цветы, цветы...

Через полчаса мы отправляемся на теплоходе «Добрый Никитич» осматривать море. Идем вдоль шестикилометрового фронта гидроизложений тихим ходом. Я даю пояснения.

Подходим к Яблоневому оврагу. Высокая труба цементно-шиферного комбината, на которой алеет флаг, дымится: комбинат в строю.

Мы заходим в залив. Весь комбинат как на ладони. Я начинаю рассказывать историю строительства этого предприятия, но Никита Сергеевич, обращаясь к товарищам, говорит, что это-то он, пожалуй, лучше знает, и сам рассказывает, как он несколько лет назад звонил профессору Будникову, с постели поднял его и просил определить марку жигулевских из-

Вот и приехали наши высокие гости!

вестников. Профессор сразу положительно оценил уже известные ему известники, причем марку цемента назвал невысокую — до 300. Вскоре было принято постановление правительства, и началось строительство. А профессор все-таки ошибся: марка цемента оказалась намного выше — 550 и даже 600.

— А не маловато — миллион тонн? — спрашивает Никита Сергеевич председателя Госплана СССР И. И. Кузьмина. — Нельзя ли увеличить мощность комбината?

А мы как раз незадолго перед этим обратились в Госплан к И. И. Кузьмину с ходатайством о строительстве третьей печи, и я тут же, на теплоходе, не премину сообщить об этом главе правительства.

— Что ж, — ответил Никита Сергеевич, — предложение, на мой взгляд, толковое, очень хорошее. Давайте его примем, но с тем условием, чтобы в 1959 году все было готово!

Когда мы вышли из залива, он еще раз окинул взглядом цементно-шиферный комбинат и сказал:

— А здорово это у вас получилось!

Зашли мы в Усу.

И тут я, уже не в первый раз, увлекся рассказом об этой реке, которая была младшей дочерью Волги, а теперь сама стала величавой красавицей. И в этот момент мне напомнили, что там, на станции, еще есть кое-какие дела, а руководящие работники строительства, все до единого, сидят здесь, на теплоходе. То-то он битком набит. Мы быстренько сориентировались и отправили на катере добрую половину работников обратно.

Поздно вечером возвращаемся в порт, где в разгаре было народное гулянье. На утро назначается официальная приемка станции.

— Вы отдыхайте, а нам еще придется сегодня поработать, — прощается с нами Никита Сергеевич.

Мне было не до сна. Да и вся семья моя бодрствовала всю ночь. Вечером были переданы незываемые документы: о награждении Куйбышевгидростроя орденом Ленина; о присвоении двадцати четырем строителям звания Героя Социалистического Труда, а Алексею Улесову — звание дважды Героя.

Вот эти двадцать четыре человека: Павел Афанасьевич Бедный, Николай Дмитриевич Ветчинкин, Виктор Александрович Витальев, Петр Алексеевич Досаев, Михаил Юрьевич Евец, Георгий Михайлович Игнатьев, Василий Михайлович Клементьев, Иван Васильевич Комзин, Василий Степанович Кормин, Александр Илларионович Лебедев, Василий Федорович Ламин, Николай Александрович Малышев, Николай Данилович Мануилов, Владимир Борисович Марысов, Сергей Сергеевич Милеант, Александр Сергеевич Мурысов, Иван Васильевич Никифоров, Сергей Егорович Немесов, Андрей Иванович Половец, Дмитрий Федорович Прохоренко, Николай Васильевич Разин, Кирилл Иванович Смирнов, Алексей Иванович Трегубов, Марфа Тимофеевна Шубина.

Со многими из них читатель познакомился на страницах этой книги. И если о некоторых из них

здесь не было сказано, то не они виноваты, а я. Они работали бровень с лучшими из лучших.

Пытаюсь спокойно дождаться утра, но не могу. В течение ночи несколько раз объезжаю гидроузел, заглядываю ко всем дежурным, часами стою, любуюсь иллюминацией, хожу, брошу...

В семь утра мы с «хозяйкой» двадцатого агрегата, женой Алексея Ивановича Трегубова, работающей у нас в техническом отделе, последними выходим из машинного зала.

Хорош машинный зал! Агрегаты выстроились, как на параде. Этажи двадцать молодцов с белозубыми улыбками, в белых рубахах, в черных шароварах и с красными кушаками на поясах.

Из машинного зала спешу домой, а потом мы с министром идем в дом, где ночевал Никита Сергеевич. Он, оказывается, давно уже встал, искупался в Волге, сидит с товарищами на берегу.

Едем на нижние шлюзы. Там собрались все строители с семьями. В камеру в этот момент входят три теплохода с местными и иностранными туристами и пассажирами. Отовсюду аплодируют руководителям партий и правительства.

Мы едем вдоль шлюзов. Все в цвету. Справа и слева яблоневые сады. На некоторых есть плоды. Показывают Никите Сергеевичу: тысяча пятьсот корней! А на верхних шлюзах вишневый сад. И теперь остается только поставить ули.

— А товарищ Шашков, — добавляет Никита Сергеевич в адрес министра речного флота республики, — угостит нас на будущий год медом. Видите, гидростроители сделали ему сооружения с садами, с яблонями и вишнями!

На мостик выходит начальник эксплуатации шлюзов Владимир Кондратьевич Конюшко. Он рапортует о том, что судоходные шлюзы работают третью навигацию, докладывает, сколько пропущено судов, плотов, барж и просит главу правительства торжественно открыть постоянную эксплуатацию. Никита Сергеевич благодарит за рапорт и разрезает ленточку.

Никита Сергеевич Хрущев разрезает ленту агрегата № 17.

На верхних шлюзах на водосливной плотине во всей могучей красе предстало новое море. Все подходят к парапетам, смотрят вниз, на величественный водопад.

Через земляную плотину машины направляются к станции.

Заходим в вестибюль, блещущий отделкой. Стены отделаны под мрамор розового цвета, чехословацким рилином выстлан клетчатый пол.

В машинном зале директор станции Рябошапко отдает рапорт. У пяти агрегатов алые ленты: почетным гостям дано будет торжественно разрезать их и включить турбины...

— Сколько же человек работает в машинном зале? — спрашивает Никита Сергеевич.

— Восемь.

Никита Сергеевич первым разрезает ленту агрегата № 17. Он поворачивает ключ автоматического управления, и гигантская машина приходит в движение. Глава правительства поздравляет строителей. Мы обращаем внимание на щиток, где указывается,

сколько энергии дает агрегат. Машина набирает всю мощность. Хорошо! В порыве радости я возглашаю на весь зал:

— Слава нашей партии, нашему Центральному Комитету!

Здесь же, в машинном зале, происходит несколько замечательных встреч. Никиту Сергеевича знакомят с Алексеем Александровичем Улесовым, только что удостоенным второй золотой медали «Серп и Молот». Никита Сергеевич крепко обнимает и целует этого прославленного героя.

В пять часов открылся митинг. Сначала говорит Ефремов, потом слово дают мне, Улесову, Шульге. А затем, встреченный овацией, начал свою речь Н. С. Хрущев. Он огласил приветствие Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР, Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Куйбышевской — отныне Волжской — гидроэлектростанции имени Владимира Ильича Ленина.

Это сообщение вызывает громовой раскат восторженных аплодисментов.

На митинг собралось около ста тысяч трудящихся Ставрополя, Жигулевска, Куйбышева. Словно мгучее бушующее море разлилось перед трибуной.

Как только закончился митинг, мы оживленно стали обсуждать вопрос о соотношении тепловых и гидравлических станций. Малышев, главный инженер проекта, говорит:

— Это здорово! Нам, проектировщикам, нужно дорошенко подумать насчет того, чтобы в соревновании с тепловиками дать такие решения, которые сделали бы гидростроительные работы значительно дешевле.

Молодец, думаю, правильно понял! И, не сходя, что называется, с места, предлагаю Малышеву:

— Давайте пересмотрим уже сейчас кое-что по Саратовской станции...

После митинга началось народное гулянье. Вместе со строителями веселились и колхозники, приехавшие из окрестных районов, и рабочие Куйбышева и Жигулевска. Народ поздравляет награжденных —

орденами и медалями награждено свыше пяти тысяч человек! Узнают в толпе Улесова, Евеца, Никифорова, Игнатьева и других наших героев. Многие строители успели было уехать на другую работу, а теперь прибыли в родные Жигули отпраздновать победу. Инженеры Иванцов и Сизов приехали из Балакова, бывший начальник района Виталий Яковлевич Кан — из Ростова, водолаз-герой Сергей Милеант — из Сочи...

Специальным поездом приехали на стройку иностранные корреспонденты, представляющие газеты и телеграфные агентства многих стран мира. Они полазили везде, осмотрели каждое сооружение и, мы знаем, в большинстве своем по-честному отзовались о типатическом труде советских богатырей.

Вечером был прием. Собралось свыше семисот строителей и гостей. Никита Сергеевич поднял тост за здоровье строителей.

Был концерт, пел хор, раздавались задорные саратовские частушки.

И оттуда, с концерта, все мы вышли в сад, в необыкновенную тишину теплой летней ночи. На мелкой ряби водохранилища серебрилась лунная дорожка, словно выбежавшая из сада, из зеленой гущи, навстречу огням гидроузла, ярким и веселым огиям нашего праздника...

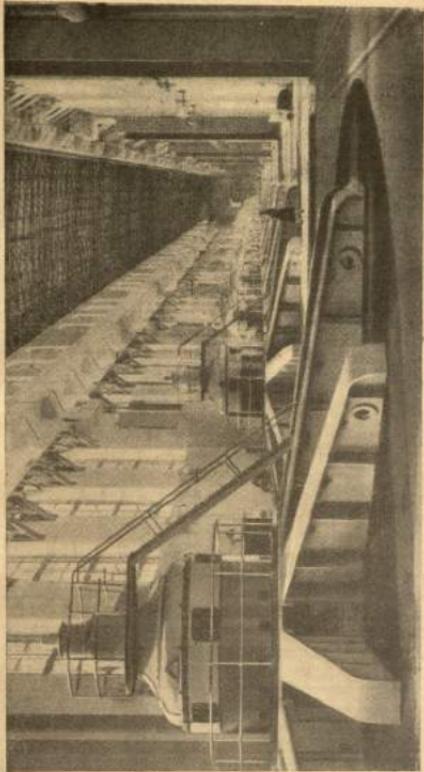
СКВОЗЬ ГОДЫ

Поезд идет с такой скоростью, что кажется, будто он плывет по степи, покачиваясь на желтой волне трав.

По только что уложенным шпалам на станцию Магнитогорск прибывал первый состав. Приехали комсомольцы-москвичи.

Деревянные сундуки, чемоданы, старинные бабушкины баулы и саквояжи, брезентовые мешки, котомки...

Самые нетерпеливые ребята выскоции в степь из вагонов и бегут рядом с поездом. Поезд лязгнул буферами, остановился, выплеснул из вагонов шум и

15 И. Конин

гогот веселой толпы, и в этот момент грянул ливень. Будто водой смыло песни и веселые возгласы. Беспокойные молодые пассажиры мигом попрятались в будочках и шалаших, служивших в то время главными помещениями новой станции.

В вагончик, который назывался вокзалом, людей набилось до отказа. Не только сидеть, но и стоять негде было. Однако девушки тут же начали домовничать возле железной печурки. И вот уже пыхтят чайник, зазывая бесчисленных участников походной трапезы.

На рассвете дождь кончился. По вязкой глине двинулись уже побригадно со своими чемоданами и котомками в управление строительства.

— В котлован пойдете, ребята!

Не все из молодых москвичей знали, что такое котлован. Слово это только еще входило в обиход. Лишь некоторые из приезжих успели к тому времени, к тридцатому году, полазить по стройкам страны.

Смотрю сейчас сквозь годы и вижу рослого парня, шагающего на ветру впереди пестрой стайки молодежи. Это не ты ли будешь, Иван Комзин? Так это тебя в Магнитку послали с дипломом Высшего инженерно-строительного училища?

Суток не прошло, а я уже чувствовал себя старожилом, набил себе мозоли в котловане, всплыть поработав лопатой, и вот мне доверено встречать новеньких.

Молодые строители едут и едут. На всех дорогах открыта им «зеленая улица»: стоит предъявить на любом вокзале комсомольскую путевку в Магнитогорск, как расступается толпа, осаждющая кассу.

Так страна открывала дорогу юности, и с тех пор какая бы ни начиндалась стройка, в первых рядах идет молодежь. Ее ведет комсомол, обладающий чудесным свойством — не стареть.

Я остановил новичков в степи, где ничего еще не видно, кроме груд земли, и объясняю им:

— Это доменный цех...

«Доменный цех» состоит из колышков, а печь № 2,

куда назначен и я, заранее названа «Комсомолкой». На этой «лечи» шелестит трава.

Еще раньше, чем завод поднялся, он возник в сердце каждого строителя могучим и красивым, и каждый видел его и вел с ним разговор, как с живым существом.

— Ну, отыхайтесь пока, товарищи, а я побегу, мне некогда, мне на слет...

Я гордился приглашительным билетом: «уважаемого товарища Ивана Комзина» приглашают на слет ударников строительства доменных печей, который состоится 12 октября 1930 года в восемь часов вечера.

Порядок дня: первое — борьба за ударную работу, второе — заключение социалистических договоров между штурмовыми бригадами, третье — угощение и концерт...

Бывает, выдается час раздумий, и я открываю в своем столе заветный ящик. Он полон всевозможных свидетельств моего далекого, ушедшего прошлого. Документы, записки, снимки... Пожелтевшее письмо рядом с удостоверением члена общества «Долой неграмотность», пропуск на некогда знаменитую стройплощадку, талон «ударного» обеда, любительское фото закадычных друзей...

...С фотокарточки смотрит худой, кожа да кости, с лохматой шевелюрой парень в кожаной куртке и с ваганом на боку — член бригады ЧОНа Рогожско-Симоновского района Москвы.

Постепенно, с течением лет, на карточках исчезает буйный чуб, кожаная куртка сменяется свободным костюмом, позже объемистым кителем.

А вот с этого удостоверения уже самоуверенно смотрит располневшийся, пожалуй сверх меры, товарищ с «руководящим взглядом», устремленным куда-то вдаль, — начальник строительства Куйбышевской ГЭС.

А сколько интереснейших значков хранится в этом ящике! Если бы выйти на гуляния молодежного фестиваля, можно было перещеголять самых заядлых собирателей значков.

Вот папка. Всегда я открываю ее с волнением. Давние, желтые страницы — газета «Труд» за 1923 год, моя статья под названием «Профотбор и профобразование!». Газета «Молодой ленинец» за 1921 год с моей статьей «Батрачество и комсомол» — в то время я был членом комиссии Московского уездного комитета комсомола по борьбе за улучшение условий батрачества. Навивая и неукротимая горячность молодости так и брызжет из первых моих печатных опыта.

А вот кусок ложа охотниччьего ружья, отскочивший при ударе о мою голову. Мы, члены культивружины, в одной из деревень Подмосковья (я в то время был секретарем сельской ячейки комсомола) решили заняться антирелигиозной пропагандой. Была разыграна любителями драматического искусства пьеса — не помню, какого автора, — «Рождество пана Сергия». Я играл папу. И мы в полном гриме направились навстречу крестному ходу. Впереди шествовал с кадилом я — здоровущий «поп» в огромном лохматом парике, провозглашавший басом нечто несурзное. Кончилась наша затея плачевно. Крестный ход, состоявший из крестьян-огородников, сначала зашикал, закричал, потом из глаз у меня посыпалась искри и белый свет померк. А когда очнулся, в руке у меня оказался этот кусок ложа.

Эх, молодость, комсомольские годы мои!

Помню, пригласил я как-то девушку в театр. По этому случаю нацепил даже галстук, хотя и подозревал, что весь город будет на меня глазеть: вот, дескать, какой никон выскакался. В те времена галстук еще не вполне был реабилитирован.

Но я зиноват был кругом, вернее — не кругом, а с ног до головы: на мне красовался новенький, с иголочки, костюм-двойка, первый в моей жизни костюм обыкновенного штатского покроя. А ботинки... Каких трудов стоили мне эти огромные остросоевые корабли! Во-первых, достать: попробуй-ка дотянуть в магазине обувь сорок шестого размера. Во-вторых, надеть: даже в эти гиганты ноги мои добровольно не лезли.

Пришли мы в театр, началось первое действие, я почувствовал мучительное стеснение в ногах, словно их поймали в стальные тиски. Ерзаю, ворочаюсь, корчуясь в непереносимых муках — где там фабула драмы, на сцену и ве гляжу! Соседка моя полна трогательного сострадания: ах, бедный кавалер, какие муки переживает.

И вот потихоньку начнуло снимать ботинки. Вызволив ноги, отышался, пришел в себя, уже поглядываю временами на сцену, пытаюсь следить за развитием действия, девушка моя тоже успокоилась, повеселела. Сняв обувь, я уж мечтал о том, чтобы пьеса продолжалась бесконечно...

А все-таки спектаклю пришел конец, и пришлось подняться. Но снова вдеть мои ноги в ботинки — об этом нечего было и мечтать. Увы, я пошел по партеру в носках и уж потом там, где-то в фойе, пристроился и натянул-таки проклятые ботинки, разодрав их по швам.

До чего же враждовали мы в юности с самыми обыкновенными вещами, не умея обращаться с ними! С непривычками!

Даже не верится, что я и есть комсомолец Вания Комзин, ударник домны «Комсомолка», винштатный инспектор РКИ, рабкор, завсегдатай магнитогорского стадиона и клубный энтузиаст.

Тридцатая, но счастливая пора моей жизни.

Бригада комсомольцев, среди них две девушки, разогревает на горнах заклепки, клепальщики кашперов, верхолазы забираются на высоту, облепив домину, как дятлы.

Внизу, после смены, счастливые, они обмениваются крепкими рукопожатиями и нехитрыми сувенирами: прорванный болта или гайки в знак перевыполнения сменившего задания. И спешат в столовую. Там им отведены почетные столы ударников, куда сажают только тех, кто перекрыл задание. И лучший обед тебе и вне всякой очереди.

Осенью, когда уже стояли морозы, случилась авария: прорвало водопровод. В доменный цех хлынула вода.

Первой на ликвидацию аварии примчалась бригада комсомольца Слепухи. Работали по грудь в ледяной воде, мениясь через каждые несколько минут.

Мы любили, нет, мало сказать — любили, мы влюблены были в свое дело, в свою стройку. И, какой ни возьми гернический подвиг на Куйбышевгидрострое, я скажу: было такое на Магнитке. Было! И в этом смысле можно утверждать, что любая наша стройка является продолжением Магнитки.

Наши комсомольские контрольные посты были самыми боевыми, самыми злыми. Попробуй-ка не дай нам в срок оборудование, материалов! Я всегда вспоминаю первые наши рабочие курсы повышения квалификации, когда встречала бывших магнитогорцев среди виднейших строителей страны. Жажда к знаниям и учению, характерная для любой нынешней стройки, тоже берет начало там, на Магнитострое.

Многого нам тогда не хватало. Тачка порой была главным оснащением — самосвал тридцатого года.

Земля смерзлась, ее долбили ломом. А люди шли на эту работу под музыку. Самодельный духовой оркестр провожал нас веселой песней каждое утро, даже в жесточайший мороз, когда губы прилипали к трубам.

С нашим знатным экскаваторщиком Михаилом Юрьевичем Евец, перелопатившим на Куйбышевгидрострое два с лишним миллиона кубометров грунта, мы вспоминали не раз хлопца с ломом и лопатой, магнитогорского землекопа, который долбил вручную мерзлую уральскую землю. Это был он, Евец.

И если кое-кто жаловался на первые трудности Куйбышевгидростроя, мы с Михаилом Юрьевичем весело смеялись, сопоставляя годы тридцатые с пятидесятными.

Конечно, мы и на Волге встречали невзгоды и горечь. Людям безвольным и слабым духом и сейчас несладко на таких стройках, как наша. Жаль, конечно, тех, которые не выдержали и убежали, ис-

пугавшись трудностей. Мы над ними шутили: хотят, мол, сразу калачей и пышек. Но выговор за задержку строительства хлебозавода мне-то дали в свое время справедлив! Мы поедали, помню, первые душевые изделия наших хлебопеков и кондитеров с наслаждением, но, должно быть, эти калачи и пышки были бы еще вкусней, появившись они на полгода раньше...

Хоть и беспокойная профессия у строителя, а лучшей я не знаю.

Пусть винят меня в пристрастии, но я так пламенно влюблена в свою профессию, что глубоко уверен: не найдешь профессии лучше, чем профессия строителя!

Вчера была здесь дремотная глушь, а сейчас белокут новые дома по обе стороны живописного шоссе, стремительного, как луч, поднимаются новые квартиры, и всюду задорная молодость, вззвишаются пе-сины.

Как-то сказали, что в родильных домах городов и поселков Куйбышевгидростроя ежедневно рождается четырнадцать-пятнадцать детей. Вот здорово-т!

За несколько лет на берегу нового, но уже не на штуку ширящего Жигулевского моря выросли юные города с дворцами культуры и стадионами, парками и школами. Волга поднялась на двадцать восемь метров выше, а древние Жигулевские горы осели глубоко в речные пучины и стали куда ниже. Кем свершены все эти преобразования? Нами, строите-лями!

Нет, не зря мы поднимались на строительные леса на заре первых пятилеток, не зря жестоко мерзли в буряные ночи на кауперах Магнитки, жили в землянках и лихо пели на голодный желудок боевые песни молодости. Из года в год, из пятилетки в пятилетку вставали по всей стране десятки и сотни гигантов социалистической индустрии, и, опираясь на их возрастающую стальную поддержку, нам было все легче и легче строить новые, все более мощные пред-приятия.

...Пришел вечер. Над неоглядной ширью Большой

Волги блестательно засияла своими огнями Волжская ГЭС. Я смотрю на свою любимицу и думаю о том, что сотни и тысячи таких зарниц светятся сейчас над новыми заводами и электростанциями моей страны, сливаясь в великую зарю коммунизма, видную всему миру.

Да! Всюстину народ наш может гордиться своими богатырскими деяниями, свершенными за невиданно короткий исторический период — за сорок лет советской власти. И за счастье нашей жизни, за вечную славу этих дней как не сказать, товарищи, русское спасибо ей, нашей любимой Коммунистической партии, ей, родной нашей рабоче-крестьянской власти.

Однажды пришла мне в голову мысль: а как переживают события на стройке наши дети? Как отложилось в их сознании все то, что делаем здесь мы, взрослые, не замечаяшие порой, чем живут, о чём мечтают хотя бы вон те хрупкие девушки или эти рослые, уже немножко щегловатые парни?

Мне помогли разобрать стопку тетрадок с сочинениями.

Каков же был мой восторг, когда я прочел заглавие: «Куйбышевская ГЭС в жизни моих родителей и в моей жизни». Вот еще одно сочинение, не из первых попавшихся мне. Но оно мне понравилось больше других. Это сочинение Олега, ученика 10-го класса «Б» школы № 2. Эпиграфом юноша поставил слова Николая Островского:

«Работать так, чтобы все в тебе горело, как хороший костер. Работать не покладая рук, для этого мы живем».

«Весна, — пишет Олег. — Нежный, ласковый ветерок несет с собой прохладу моря. Маленькие клейкие листочки выбились из почек, зазеленела молодая трава; начался май.

В туманную дымку оделись Жигули. Где-то далеко за ними опустилось солнце. Стало смеркаться. Здесь, на берегу моря, где мы стоим сейчас, особенно тихо. Присядем на край этой старой лодки, поговорим, помечтаем. Ведь мы с тобой очень редко

говорим по душам, а сейчас так красиво кругом, и мне невольно хочется сказать тебе что-то большое.

Быстро темнеет. Только у Могутовой горы темноту ночи прорезают короткие вспышки электровспарки и еле доносится шум машин. Вдалеке мигает огонек бакена, нежная музыка слышна с проходящего каравана барж.

Тебе не холодно? Накинь на плечи мой пиджак..

Сейчас ты кажешься мне такой взрослой. А помнишь, как мы с тобой дрались, когда жили в одном доме и учились вместе в пятом классе? Ты плакала, а я потом утешал тебя, усиленно предлагал конфету в бумажной обертке. Это было пять лет назад. Помнишь, как машина, на которой я сидел, возвышалась над вешнями, въезжала в старый Ставрополь.

Отец работал здесь уже с полгода начальником автобазы. Меня поразила необыкновенная активность, жизнерадостность приехавших сюда строителей. Мне даже казалось, что никто из них не ходил медленно: все куда-то спешили, спешили. Ставрополь бурлил тогда свежей энергией строителей. Широким потоком прибывали люди, техника. Этот поток сразу захватил и увлек моего отца, по-настоящему любящего свою профессию автомобилиста. Десятки машин выходили ежедневно из ворот автобазы, чтобы облегчить труд людям. А ведь как прекрасно сознавать, что ты приносишь пользу людям!..

Если бы нам с тобой подняться сейчас высоко над морем и окинуть взглядом всю стройку, то в зареве огней предстанет величественная панorama строящейся электростанции. Здесь никогда не прекращается работа. День и ночь, в неисторье и в легкий зной трудятся строители над завершением своей мечты: увидеть электростанцию в сиянии огней,рабатывающую на полную мощность. Здесь грохот машин сливается с возбужденными голосами людей в единую, мощную песнь труда, труда свободного и прекрасного. Эта песня несетя над Волгой, над рекой, где бурлаки пели раньше свои печальные, похожие на стон песни. Другой стала наша страна —

другими стали жизненные пути людей, другие, прекрасные песни поют теперь люди труда. И мы тоже будем петь эту песню, мы тоже будем по-настоящему счастливы!

Стройка росла. Отца направили в Жигулевск для организации ремонта автомобилей. Это были трудные, но полные жизни, интересные дни для моего отца... Ты чувствуешь, я волнуюсь, когда рассказываю тебе это. Ведь скоро и мы с тобой выйдем на дорогу жизни, и только от нас зависит, пойдем ли мы по ней прямо.

Прошло два года, и многое изменилось. Стройка заканчивается, а мы кончаем школу. Я горда, что в эту стройку вложен труд моих родителей.

Мне шестнадцать лет. Часто думаю, а где я приложу свои силы в жизни? Я не знаю еще, как сложится моя жизнь, но знаю, что буду строить, создавать — передо мною величественный пример стройки.

Дай мне руку! Помнишь, мы были на открытии шлюзов, потом на перекрытии Волги. Огромные бетонные пирамиды сбрасывались в воду с наплавного моста, и она кипела. Но вот камни уже поднимаются над водой. Вот еще, еще! Рев воды сразу прекратился — Волга была укрощена. Мы кричали что-то друг другу, смеялись, и все вокруг тоже кричали и смеялись. Радость была ключом, настоящая радость труда! Это был праздник труда!

Ты мой друг, ты понимаешь меня! Я хочу много сделать в жизни, многое узнать и многое построить своими руками. И я добьюсь своего! Ты пожала мне руку, ты думашь так же, замечательный мой друг!

А кругом все тихо, тихо, только волны легко шелестят о борт старой лодки. Хорошо!»

Нет, очень хорошо! Вы на верном пути, друзья мои!

И если бы мне вновь предложили комсомольскую путевку, я принял бы ее с восторгом, поехал бы куда угодно. Жаль, правда, что ни один комитет комсомола не правомочен сбавить старым комсомольцам

хотя бы пару десятков лет, и приходится в свои пятьдесят с лишним просповать за молодыми стройками, чтобы шагать в ногу с юностью страны, воздвигать новые города, покорять реки, давать людям свет и тепло, приносить им достаток и радость жизни.

Как хочется пройти с новым поколением комсомольцев еще одну юность!

СТАВРОПОЛЬ-НА-ВОЛГЕ,
1957—1958 гг.

К нам едет заморский гость	247
Поездка за океан	249
Как много задано!	249
Дорогоеничко...	250
Цветы и солнце	259
Высшая награда	261
Сквозь годы	264
	272

СОДЕРЖАНИЕ

Почему возникла эта книжка	3
Чем горд человек	
На полуночную мощь!	5
Колыбель гиганта	10
Наши новоселье	14
Слет энтузиастов	17
Дружба строгая и верная	24
В цепи событий	32
«Ледовое соревнование»	36
Первая победа	42
Земля, землица!	58
Будни	68
Пророки	88
Дни страданий	
Большой бетон	98
Хлеб — всему хлеб	120
Перед штурмом	126
Перекрытие Волги	146
Страда монтажный	152
Школа жизни и борьбы	
Молодое море	162
Благодатное лето	174
Общественное личное	184
День начальника строительства	188
Университет	198
Осень победы	223
Незабываемая встреча	227
Дело, тебя окрывающее	
Друзья отъясняю	234
Мы держим экзамен	239

Козлин Иоак Восильевич
ЭТО И ЕСТЬ СЧАСТЬЕ

Редактор Я. Киселев
Художник А. Паусов
Худож. редактор Н. Коробейников
Техн. редактор Е. Григорьева
А22953 Подп. к печ. 18/IV 1959 г.
Бум. 81×108^{1/2}=4,5 бум. л. —
—14,78 печ. л. 13,8 уч.-изд. л.
Тираж 30 000 экз. Заказ 161
Цена 5 р. 85 к.

Типография «Красное знамя»
ИД-из «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сущевская, 21.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присыгайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также свои пожелания издательству.

Пишите по адресу: Москва, А-55, Сущевская ул., 21. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
В 1958 ГОДУ ВЫШЛИ КНИГИ:

В. И. Ленин, О молодежи, 320 стр., цена 5 р. 30 к.
А. Беляков, Юность вождя, 111 стр., цена 1 р. 60 к.
Сборник (составитель А. И. Иванский) «Молодые годы
В. И. Ленина», 512 стр., цена 8 р. 60 к.
Мария Шагинян, Семья Ульяновых, 144 стр., це-
на 4 р. 30 к.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Н. Нечипорова, Л. Розниченко, Юность Ленина
(I и II части).
Н. Н. Жуков (народный художник РСФСР), Юный Ленин
(серия рисунков).